

Натали Р.

БОГИ
ЧЕРНОГО КРУГА

Натали Р. Боги Черного круга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67800206

SelfPub; 2024

Аннотация

Вита, молодой биохимик, тесно сотрудничает с колдунами, но не слишком верит в их богов, пока жизнь не вынуждает ее свести знакомство с бессмертными тьмы. Вместе с одним из них она спасает мир от гибели в пасти Черного абсолюта и на этом пути обретает любовь. Но не всем богам по душе такое развитие событий...

Содержание

Часть 1. Один день до конца света	5
1. Предчувствие	5
2. Все пропало	9
3. Что делать?	17
4. Хешшкор	23
5. Зацепка	32
6. Нападение	40
7. Путь из Хешширамана	48
8. Барьер у Милены	59
9. Замок Хафиза	69
10. Приворотное зелье	76
11. Зеркало	91
12. Развалины	96
13. Полночь	102
14. После полуночи	109
15. Конец сна	115
16. Проценты	122
Часть 2. Цена бессмертия	124
1. Виталик	126
2. Встреча	130
3. Сплетницы	139
4. Пропажа	142
5. Катя	151

6. Айфарет	157
7. Совет в Хешширамане	168
8. Деадарг-3	176
9. Полет Вовне	185
10. Воскресшая Миленион	189
11. Сюрприз в Милене	198
12. У Энтелены	206
13. Предупреждение	210
14. Разборки в Айфарете	216
15. Проблемы и не являющиеся таковыми	229

Натали Р.

Боги Черного круга

Часть 1. Один день до конца света

1. Предчувствие

– Эй, дэвушка! Дэвушка, падажды!

Это был уже пятый. За час дороги от работы до дома. Вита мрачно стиснула зубы, не сбавляя хода. Будь проклята чертова ведьма Немира! Зачем ей понадобилось приворотное зелье? Ну ладно, зачем – ее личное дело. Но коли уж так надо, пусть бы сама и варила.

Увы! Вита прекрасно знала, что ответит Немира, если обратиться к ней с такими словами. Ты же специалист, скажет она. Дипломированный, не то что мы, дилетанты. Такой точки зрения придерживалась не только Немира. Весь Черный Круг предпочитал заказывать необходимые препараты – особенно дурнопахнущие и едкие – Вите.

Нет, Вита вовсе не была колдуньей. Честно говоря, она слегка презирала это ремесло. Но колдуны хорошо платили за заказы – во-первых. А кроме того, наедине с самой собой она признавала: то, что без нее не могут обойтись влия-

тельные маги, что ее талант ценят не только коллеги-химики, весьма льстит.

– Девушка, разрешите с вами познакомиться?

– Не разрешу, – огрызнулась Вита, обдавая очередного претендента ледяным взглядом.

Не то чтобы Вита не любила мужчин. Они ей очень даже нравились, и эстетически, и в плане всего того, чем могут быть приятны и полезны молодой женщине. И бесило ее совсем не то, что к ней пристают на каждом шагу, а то, что это никак не обусловлено ее собственными прелестями. Ей было около двадцати пяти; стройная, уверенная в себе блондинка с короткой стрижкой, предпочитающая спортивный стиль, некоторым она действительно казалась обаятельной – но Вита обладала достаточным умом, чтобы понимать: она не секс-бомба. Она милый, симпатичный, но не более, недавно защитившийся кандидат химических наук.

Именно в этом и крылась причина нездорового интереса прохожих к ее персоне. Будучи квалифицированным биохимиком, Вита частенько занималась синтезом препаратов на заказ, в том числе и очень прилипучих препаратов, чьи запахи надолго застревают в прическе и одежде, въедались в кожу. Как-то она делала для знакомой колдуньи Бэлы средство, привлекающее тараканов – обыкновенный тараканий феромон. После этого тараканы со всего факультета сползли к тому месту, где висел рабочий халат Виты, там их и потравили, пользуясь случаем. А теперь – этот злосчастный

гормон для Немиры Деадаргана, главы Черного Круга. Видно, волосы пропитались его запахом. Она не успела еще выделить продукт, как трое работавших рядом студентов возбуждились и чуть не опрокинули в экстазе роторный испаритель. Хорошо, что большинство сотрудников столь поздним вечером уже разошлись по домам, и Вите не пришлось прокладывать себе дорогу с боем.

– Барышня, может, вас подвезти?

Вита в сердцах пульнула в «Мерседес» огрызком яблока. Стекло очень удачно было опущено, и хозяин машины выглядывал в него, улыбаясь всеми золотыми зубами. Огрызок попал точнехонько в зубы. Так тебе, усмехнулась Вита и заскочила в подъезд.

Минут пятнадцать спустя она уже пила чай на кухне своей отдельной квартиры, пожалуй, более одинокой, чем ей хотелось бы. Судьба отняла у нее тех, кто был ей по-настоящему дорог, а те кости, что она порой кидала Вите, могли утолить лишь голод тела, но не души. Для своих лет она достигла многого: деньги, бесценные знания, уважение в кругах, мало кого чтящих, самообладание в обстоятельствах, которые свели бы с ума кого-нибудь с менее закаленной психикой... только счастья ей не было дано. Уплыло счастье в уплату долгов.

С такими невеселыми мыслями она дула на горячий чай, глядя в темнеющее окно. Зажглись фонари, но они не могли разогнать мрак ни на улице, ни в сердце. Ветер гулко завывал

и бил об ограду балкона сохнувшее на веревках белье, тучи закрыли ядовито-рыжий диск Луны. Будет буря, подумала Вита.

Она вяло поднялась и вышла на балкон снять сохнувшее белье. Первые крупные капли дождя уже барабанили по металлическим перилам. Прогрохотал гром. Ветер швырнул ей в лицо какой-то мусор, в глазу закололо. Вита достала зеркальце, болезненно наморщив лоб, отогнула веко.

Ослепительно сверкнула молния, болью отдавшись в расширенном глазу. Вита вздрогнула, зеркало выпало из рук, разлетелось на осколки, ударившись о металлическое ограждение. Она потерянно смотрела, как мелкие стекла падают вниз с высоты девятнадцатого этажа.

Ее вывел их оцепенения громкий звук, донесшийся из кухни. Она схватила под мышку белье, бросилась внутрь.

Окно кухни было распахнуто злым ветром. По всему помещению рассыпались веером салфетки, газеты... Опрокинутая солонка лежала на полу, по полосатому линолеуму рассыпалась белая кучка.

Хорошо, что я не верю в дурные приметы, подумала Вита и взялась за веник.

2. Все пропало

Спала она беспокойно. В ночных кошмарах ей чудились мечущиеся черные тени, издающие резкие, пронзительные звуки. Неожиданно она поняла, что это телефон, вскочила, сквозь сон потянулась за трубкой:

– Черт! Вы представляете, сколько сейчас времени?

– Витка! – взмолился знакомый голос, странно дрожащий. – Витка, выручай!

Сон как рукой сняло. Звонила Фаирата, а молодая колдунья, несмотря на свою импульсивность, не стала бы беспокоить Виту ночью, не всплыви на горизонте серьезные неприятности.

– Фая, – медленно проговорила Вита. – Скажи, что в Хешширамане пожар... что твой хахаль попал под автобус...

– Флиф!..

Она ожидала этого, но не смогла сдержать произвольную дрожь. Единственное в этом мире, чего она боялась... не опасалась, не избегала, а действительно боялась. Она бросила взгляд на полную Луну, сверкнувшую в разрыве облаков, и со свистом втянула в себя воздух:

– Сегодня?

– Нет, полнолуние завтра. Витка, только не расслабляйся, я тебя умоляю! Лучше тринадцать раз перестраховаться, чем один раз облажаться. Бери кольцо и приезжай в Хешшира-

ман, пока ничего не случилось.

Вита положила трубку с тяжким вздохом. Кажется, ей всю жизнь суждено провести в борьбе с... нет, лучше даже в мыслях не произносить этого имени, от которого будто веет ледяным дыханием. Гигантское чудовищное образование без глаз и языка, сотканное из дымной призрачной материи, столь черной, что ее клубящиеся языки казались провалами в ничто, дырами в пространстве. Воплощенная Тьма, парализующая волю, замораживающая кровь и пьющая души. Черный Абсолют, способный поглотить весь мир, ибо не знает насыщения. Они встречались в поединке два раза, и предстоит третий... Ох, ей с лихвой бы хватило воспоминаний всего об одном, чтобы волосы встали дыбом! Но отказаться от битвы с Флифом Пожирателем Душ, исчадием ада, сулящим гибель всему существу, она не могла. Именно она была Тюремщицей Флифа, поскольку так случилось, что она владела перстнем Тюремщика, магическим артефактом, способным подчинить это чудовище. Как такое вышло – разговор отдельный. Но на сегодняшний день долг Тюремщика тяжким грузом висел на хрупких плечах двадцатипятилетней женщины.

На самом деле плечи Виты были не столь уж хрупкими. Она с юности привыкла поддерживать себя в прекрасной спортивной форме и ловко владела острым клинком, что лежал у нее под подушкой. Человек, подаривший ей реликвию предков, выкованную на заре времен в тибетском монасты-

ре, дал ей хороший совет: никогда не расставаться с оружием. Дэн Ши погиб из-за Виты, и в память о нем она поступала, как он сказал. Неторопливо, обстоятельно одевшись, она сунула клинок под плащ в специальную петлю. Однажды она убила им человека... могущественного мага по имени Дарьен Миленион. Это было грозное оружие в нежных с виду руках – хотя и, увы, бесполезное против Флифа. Вита повернулась к шкатулке, где лежал перстень Тюремщика.

Шкатулка представляла собой прелестную золотую вещь, покрытую чарующей росписью, искусно выполненной чернением. Именно красотой и изяществом она привлекла когда-то внимание Виты. Когда она, еще наивная студентка, ни сном ни духом не ведавшая о колдовстве, впервые попав в волшебный замок Хешшираман, наладилась бежать оттуда и рыла подкоп под магическим барьером, что-то вдруг блеснуло в закатном луче. Это и была шкатулка, давным-давно утерянная незадачливой колдуньей Фаиратой. Так Вита заполучила синие серьги – Переводчицу и Искательницу, и Перстень Тюремщика Флифа. Хранились в шкатулке и другие волшебные драгоценности, обладающие удивительными свойствами. Вита любовно погладила крышку, открыла ее...

Перстня не было! Он исчез, словно и не бывало. Исчезли и серьги, и сетчатое серебристое блюдечко, наполняющееся едой при нажатии на крохотный выступ, и прочие кольца, кулоны, браслеты и броши, некогда россыпью лежавшие на мягком бархате. Отказываясь верить своим глазам, Вита пе-

ревернула шкатулку вверх дном и потрясла ее, словно надеясь, что содержимое запало за бархатную подкладку.

Надежда, конечно же, была напрасной. Вита похолодела от ужаса. До полнолуния всего один день, а без перстня она бессильна перед Флифом! Мир вдруг завис на ниточке на краю гибели. Под полной Луной черный Абсолют обретет силу и пожрет все души, до которых дотянется...

– Файка! – она с вытаращенными глазами бросилась к телефону, нервным движением схватила трубку. – Все, все пропало!

Она кричала еще что-то истерическим голосом, пока не осознала, что разговаривает с пустой линией. Она вцепилась в диск, а потом вспомнила, что в Хешширамане нет телефона.

Извергая проклятия вперемешку с нервными слезами, она хлопнула дверью квартиры и помчалась вниз, не тратя время на то, чтобы дождаться лифта.

Ночной воздух, дышащий послегрозовым холодком, слегка отрезвил Виту. С трудом она взяла себя в руки. Глупо рыдать в истерике, даже если над всей Вселенной нависла угроза. Слезами горю не поможешь. Пусть перспективы мрачнее ночи, убиваться бессмысленно – надо действовать. Надо срочно предупредить Фаирату. У них есть еще один день, и они что-нибудь придумают. Они не имеют права отчаиваться и опускать руки.

Ночь была пустынна и безлюдна, тем не менее из-за угла

почти сразу выскочило такси с зеленым огоньком. Его даже не потребовалось останавливать.

– Девушка, куда-то торопитесь? – водитель приподнял кепочку.

– К Битцевскому парку, – бросила Вита, садясь в машину. – И как можно быстрее.

– Что такой милой девушке делать ночью в темном лесу? – удивился водитель.

Мужик попался общительный. Всю дорогу он сыпал комплиментами и с готовностью согласился не высаживать Виту у одноименного с парком метро, а подвезти подальше в лес. Но в лесу его общительность перешла всякие границы. Вита послала Немире Деадаргана мысленное пожелание провалиться сквозь землю со своими заказами и в ответ на грязные поползновения шофера молча вынула клинок из ножен сантиметров на пять.

Настроение шофера резко изменилось. Только что он всеми силами препятствовал Вите выйти из машины, а теперь собственноручно и весьма торопливо распахнул дверцу и даже не заикнулся о плате за проезд. Вита невесело усмехнулась. Люди редко воспринимают доводы рассудка, но недобрый блеск стали всегда действует надежно. Ах, этот несовершенный мир... который она все же не согласилась бы отдать в глотку Флифа.

Лес чернел вокруг сплошной зловещей массой, но Вита хорошо знала нужные тропинки и вполне могла бы ориенти-

роваться даже без издевательского блеска почти полной Луны. Единственное отнимало у нее уверенность в том, что через несколько минут она достигнет замка – Флиф. Он может подстергать ее на дороге, ночь – его время. А у нее нет спасительного перстня. Вита с опаской замирала при каждом шорохе, хотя знала, что чудовище передвигается абсолютно бесшумно.

Гигантская тень скользнула меж деревьев. Вита бросилась было в ужасе за бугорок, но вовремя разглядела тусклое сияние пурпурных зрачков величиной с тарелки.

– Аррхх, – с облегчением выдохнула она. – Чертово отродье, как же ты меня напугал.

И с нежностью, никак не вязавшейся с ее словами, погладила огромного змея по сомкнутой пасти, такой внушительной, что могла бы проглотить за раз несколько женщин размером с Виту. Этот живой трубопровод, продолжительность жизни которого была сравнима с возрастом Вселенной, это порождение абсолютного Света и абсолютной Тьмы, слившись в котором, они неожиданно создали душу, это черное с золотыми прожилками извивающееся страшилище, обитающее в Хешширамане, было одним из немногих существ, кому Вита доверяла безоговорочно. Фактически, только ему она и доверяла.

Пожиратель рядом, безмолвно произнес Аррхх. Слова сами собой возникали в мозгу Виты. Я прикрою тебя, но держи перстень наготове.

Вита со стоном хрустнула сжатыми кулаками:

– Перстень, будь он проклят!

Змей понял все без объяснений. Переливы золотистых искр на его боках на мгновение застыли – это было единственным свидетельством его замешательства. Затем он быстрым движением сгрел Виту в гладкое толстенное кольцо и устремился вглубь леса.

Он аккуратно поставил ее прямо на ступени цитадели Хешширамана. Стены колдовского замка слабо светились, озаря окрестности таинственным ореолом. Дверь гостеприимно распахнулась перед ней: здешние стены хорошо знали Виту. Она познакомилась с Фаиратой восемь лет назад, и сперва их знакомство нельзя было назвать задушевым. Фая просто-напросто похитила ее и держала в своем замке пленницей, потому что магические книги называли Виту единственным средством, которое может спасти мир от Флифа, неожиданно вырвавшегося из заточения. Потом выяснилось, что роль Виты гораздо сложнее, чем быть принесенной Флифу в жертву и отравить его своей несъедобной душой, не признающей ни светлых, ни темных богов. Найдя синий перстень, Вита автоматически стала Тюремщицей, и у нее хватило силы воли сразиться с олицетворением Тьмы и победить. Вита завоевала уважение Аррхха, которому Фаирата поручила охранять пленницу, и дружбу самой колдуньи, и с тех пор время от времени помогала Черному Кругу.

Спальня Фаираты была закрыта, но изнутри доносились

звуки, явно свидетельствующие, что хозяйка не спит, и более того – что она не одна. Почему-то Виту это взбесило. Миру угрожает нашествие мрака, драгоценный перстень исчез, а эта рыжая мерзавка позволяет себе развлекаться!

Она заколотила в дверь ногой:

– Эй, вы, черт вас побери!

Возня утихла, и через некоторое время в дверной проем высунулась встрепанная дама с ослепительно рыжими волосами и прищуренными зелеными глазами. Ее стройную фигурку скрывал лишь полупрозрачный пеньюар нежно-зеленого капрона, через который просвечивал не только амулет на золотой цепочке.

– Быстро же ты... – начала Фаирата с недовольно-насмешливой улыбкой, но, увидев выражение лица Виты, осеклась. – Что?

– Мы все в заднице! – грубо ответила Вита. – Когда сядешь и возьмешься покрепче за подлокотники, объясню подробнее.

Фаирата тревожно оглянулась:

– Саша, одевайся.

3. Что делать?

Сашу Вита знала давно. Это был темноволосый молодой человек лет тридцати, хорошего сложения и с модной стрижкой, довольно симпатичный, но излишне шепутной. Фаирата говорила в оправдание, что это издержки его профессии. Саша был журналистом и обожал сверхъестественные явления. В свое время Фаирата и Вита рассказали ему об ужасном Флифе, о действительной подоплеке леденящих кровь событий восьмилетней давности на Киевском вокзале и на первый взгляд бессмысленного ядерного взрыва в Тихом океане три года назад. Саша тут же накатал в своей газетенке огромный материал о нашествии порождений Тьмы, которое привело к многочисленным человеческим жертвам на мирном московском вокзале. А потом – об опасном эффекте разрушения магической защиты, неосторожно предпринятого китайским пиратом Дэном Ши, когда он выручал Виту из очередной передраги. Дамы ничуть не боялись, что их персонами могут заинтересоваться власти: отклики на публикацию, как и следовало ожидать, были полны возмущением «беззастенчивым враньем, которым газетчики морочат головы честным налогоплательщикам». Но Саша верил Фаирате. «Уважающий себя журналист, – утверждал он с гордостью, – в состоянии отличить правду от выдумки». Вита в этом слегка сомневалась, но благоразумно помалкивала.

Теперь они с Сашей сидели в обеденной зале, скупо освещенной свечами, курили и ждали, когда Фаирата наконец переоденется и выйдет к ним. Вита нервно посматривала на часы.

– Ты, конечно, извини, – сказал Саша, – но зачем так торопиться? Ведь полнолуние только завтра. Готовилась бы не спеша.

Вита заскрежетала зубами, и только ласковое поглаживание по спине заставило ее прервать этот процесс. Саша, развалившись на диване, покровительственно обнял ее за плечи. Она удивленно уставилась на него. Раньше он такого не делал, более того – читал ей отеческие наставления, что занятия колдовством куда лучше поспособствовали бы ее внешности, чем занятия спортом. Можно подумать, она серьезно занялась фехтованием ради внешности!

– Ты несправедлива к Фае, – продолжал он. – Она потратила столько сил, чтобы подсоединиться к телефонной сети и предупредить тебя, что срочно нуждалась в подзарядке.

– Немного же у нее сил, – буркнула Вита. – А вообще-то, чем так мучиться, провела бы себе настоящий телефон.

– Интересно, как ты себе это представляешь, – интеллигентно фыркнул он, не прекращая своих странных ласк. – Телефонный кабель, уходящий в другое пространство?

Вита и сама понимала, что если бы Хешшираман находился в обычном земном пространстве, то на замок ежедневно натыкались бы отдыхающие, в изобилии бродящие по Бит-

цевскому парку. Она вздохнула.

В дверном проеме залы показалась Фаирата в длинном сером газовом платье, на фоне которого ее волосы казались сполохами огня, а глаза – чистейшими изумрудами. Тем не менее Саша будто бы не заметил появления хозяйки, не отрывая взгляда от Виты.

Колдунья нахмурилась. Ей не слишком понравилось зрелище, представшее ее зеленым очам: лучшая подруга в объятиях ее собственного любовника.

– Что здесь происходит, проклятие на ваши головы? – голос ее был резок от гнева. Она слегка шевельнула пальцами, и по направлению к Саше медленно заструился бирюзовый дымок. У журналиста безвольно опустились руки, он склонил голову на валик дивана и мирно закрыл глаза.

– Ну? – требовательно обратилась Фаирата к Вите. – Только не говори мне, что ты явилась среди ночи, чтобы отбить у меня мужика!

– Сядь, – бросила Вита. – Что твой мужик и вообще какие бы то ни было мужики по сравнению с проблемой, которая у нас возникла!

Фаирата села, небрежно расправив платье, ее точеное личико приобрело слегка озабоченное выражение:

– Должно быть, это серьезная проблема, если ты так пренебрежительно говоришь о мужиках?

– Да, черт побери! У меня украли перстень. И все, что с ним было!

Колдунья в ужасе прижала ладонь ко рту, словно пытаясь зажать крик:

– Всемогущий Хешшкор! Ты не шутишь?

– Файка, шутки на эту тему даже первого апреля неуместны!

Файрата вскочила и заметалась по зале, наступая себе на шлейф.

– Нет, это невозможно... Только не это! – она схватилась за голову, словно пытаясь остановить кружение панических мыслей. – Как же так, Витка? Где ты хранила перстень?

– Известно где – в золотой шкатулке. Нет ни его, ни остальных драгоценностей.

– А ты не могла их переложить куда-нибудь? Почему ты думаешь, что их украли?

Вита зарычала:

– Не надо принимать меня за идиотку! У меня нет склероза, да и не в моих привычках перекладывать нужные вещи, пока они не потеряются. Конечно, их украли. Не испарились же они сами по себе!

Файрата снова упала в кресло и с надеждой предположила:

– Ну, с помощью магии можно отыскать незадачливого домушника...

Вита покачала головой:

– Нет, это не обычный вор. Целы все деньги и ювелирные безделушки, хрусталь и техника. Черт, даже шкатулка

осталась! Золотая, что характерно. Кто-то сознательно похитил магические предметы. И именно в тот момент, когда они нужны больше жизни!

– Попался бы он мне в руки! – Фаирата яростно стиснула кулачки. – Может, порыскать в колдовских книгах? Они наверняка дадут указание, как найти вора.

– Сколько времени уйдет на это? – откликнулась Вита. – Помнишь, сколько дней Бэла с твоим бывшим хахалем ворошили талмуды восемь лет назад, да так и не узнали, что со мной делать, чтоб угомонить Пожирателя? А мои волшебные серьги Искательница и Переводчица там же, где перстень. Тот, кто похитил содержимое шкатулки, на редкость хорошо все предусмотрел!

– Что же делать? – Фаирата заломила руки.

Вита молча глядела на нее. Еще недавно она сама находилась в таком же состоянии, но справилась с собой. Фаирату надо привести в чувство. Истерики неконструктивны, а времени в обрез.

– Успокойся, – твердо сказала Вита. – Успокойся и подумай. Что мы реально можем сделать в данной ситуации?

Фаирата судорожно отхлебнула из бокала и уголком кружевной скатерти отерла пот со лба.

– Ну... в крайнем случае я могла бы попытаться обратиться к Хешшкору.

Вита внимательно посмотрела на нее:

– Как будто тебе не очень хочется этого?

– Видишь ли, – колдунья опустила глаза, – он не слишком-то мне помогает, мой бог. Последний раз, когда я звала его, он попросту бросил меня на произвол судьбы.

– Давно это было?

Файрата вздохнула:

– Восемь лет назад. Когда Флиф вырвался впервые.

Вита кивнула в унисон колыхнувшемуся свечному пламени.

– Что ж, придется поговорить с твоим Хешшкором, – сказала она. – Возможно, за эти годы он смягчился.

– Что для бессмертного восемь лет? – безнадежно махнула рукой Файрата. – А, ладно, попробую. Говорят, хуже нет, чем навлечь на себя гнев своего бога. Но по-моему, хуже, чем сейчас, уже некуда.

4. Хешшкор

Фаирата выпростала амулет из-под вороха капрона на декоративной подставке, посмотрела на Виту, отвернулась и крепко сжала золотую раковину обеими руками. Вита наблюдала за ней с дивана. Было заметно, что колдунья волнуется.

– Хешшкор! – вскричала она громко, и каменные своды несколько раз отразили эхо. – Хешшкор, приди!

Она отпустила амулет и медленно воздела руки к небу. Складки платья очень красиво следовали ее движениям. Впрочем, Виту гораздо больше интересовал практический результат происходящего действия, нежели его эстетическая сторона.

Результат не замедлил себя явить. В кресле у камина вдруг сгустился воздух, затрепетала темная рябь, и минуту спустя из нее сформировалась мужская фигура. На вид гость казался Сашиним ровесником – лет тридцать, не старше. Его можно было, пожалуй, назвать красивым: орлиный профиль, горящие темные глаза; слегка выющиеся черные волосы, спадающие на плечи и спину длинной волной; стройное, но далеко не хилое тело, обтянутое чем-то вроде черного трико, расшитого блестками. К несчастью, общее впечатление портило капризно-самодовольное выражение лица.

– Ну, чего еще? – осведомился он грубо.

Вот так тип, с неприязнью подумала Вита, глядя, как Фа-

ирата склоняется перед ним в почтительном поклоне.

– О всемогущий Хешшкор... Прости нас, бестолковых смертных, что отрываем тебя от твоих важных занятий...

Что у него могут быть за занятия, хмыкнула Вита про себя. Она дала бы правую руку на отрезание, что их гипотетическая важность не идет ни в какое сравнение с необходимостью водворить Флифа на место.

Хешшкор некрасиво зевнул.

– Говори, чего надо, раз уж оторвали.

– Хешшкор, господин мой... Ужасный Флиф вырвался на свободу, а перстень Тюремщика потерял...

– Однажды я уже слышал эту песню, – перебил он. – Но ты прекрасно обошлась без меня, и незачем теперь снова меня беспокоить. Прощай... Выпутаясь как-нибудь.

Он сделал неуловимое движение, и его облик начал терять объемность. Сейчас исчезнет, гад, поняла Вита.

– А ну, стой! – рявкнула она. – Разговор еще не закончен!

Вздумай капризный бог не обратить внимания на окрик какой-то дамочки и исчезнуть, она ничем не смогла бы ему помешать. Но Вита рассчитывала, что грубиян среагирует на ответную грубость.

Хешшкор вновь обрел плоть – Вита не просчиталась.

– Что это еще за?.. – буркнул он недовольно, словно только что увидел Виту.

– Ты слишком рано попрощался, – проговорила она холодно. – Ты вообще забыл поздороваться.

– Вот еще, здороваться со смертными! – фыркнул он. – Кто ты такая?

Вита повернулась к Фаирате и заметила, стараясь, чтобы насмешка в голосе хорошо слышалась:

– Ты, кажется, говорила, что он всеведущ.

Фаирата была бледна, как смерть, и делала Вите отчаянные знаки, вероятно, долженствующие означать, что дерзить богу неприемлемо.

– Говори, кто ты, или я потеряю терпение! – пригрозил Хешшкор.

– Потеряешь, – кивнула Вита, – и что дальше?

– Дальше? – заорал взбешенный бессмертный. – Дальше я разнесу весь этот дурацкий замок вместе со всеми торчащими в нем козявками!

Фаирата позеленела от ужаса. Вита оглянулась на нее:

– Вот как? Вместе с твоей единственной посвященной? Не верю.

Хешшкор надул губы.

– Я могу испепелить лично тебя, маленькая нахалка!

– Давай, валяй. Но в этом случае разбираться с Флифом придется лично тебе, бессмертный грубиян. Фая в этом деле беспомощна, а я – Тюремщица Флифа, дважды заточавшая чудище в Бетреморогской башне – сам понимаешь, превращусь в пепел...

– Ты – Тюремщица Флифа? – впервые лицо бога выразило какой-никакой интерес. – Ты, не Фаирата?

– Н-да, со всеведением у тебя туго, – констатировала Вита.

– Мне нет дела до смертных! – задрал нос Хешшкор.

– А до Флифа?

Он не ответил.

– Объясни мне одну вещь, – вкрадчиво произнесла Вита. –

Вначале были Флиф и Соа, Тьма и Свет – так ведь? Мир появился потом от их соединения. Весь мир – и бессмертные тоже, надо полагать. Так можешь ли ты утверждать, что стоишь над Флифом и что тебе нет до него дела?

– Ладно, – проворчал Хешшкор, одарив Виту жгучим взглядом, в котором злость смешивалась с чем-то непонятным. – Я действительно немного отвлекся от здешних событий. Но, в конце концов, долг моей посвященной – меня информировать.

– Конечно, всемогущий. Видишь ли, – начала Фаирата, – восемь лет назад эта дама, Виталия, случайно нашла перстень Тюремщика Флифа и...

– К сожалению, это длинная история, – оборвала ее Вита. – Впору целую книгу написать. А на воспоминания у нас нет времени.

– Да, да, – спохватилась Фаирата. – Потому мы и уповаем на тебя, великий Хешшкор.

– Э нет, – открестился он. – С Флифом – без меня, – и снова приготовился исчезнуть.

– Трус, – плюнула Вита. – Я знаю, в чем дело. Ты не способен ни на что серьезное, и всемогущество твое такое же,

как всеведение.

– Я?! – взревел бог. – Ни на что не способен?!

Из его глаз в потолок брызнули струи огня, и через секунду вниз упало несколько оплавленных обломков каменной плиты, а над головами присутствующих появился прямоугольник звездного неба.

– Эффектно, – согласилась Вита без особого пиетета, достала из сумки бомбочку, приготовленную для развлечения подшефных школьников, и бросила ее в угол. Полумрак зала пронзила ослепительная белая вспышка горящего магния.

Фаирата, зажмурившись, с удивительным проворством подхватила шлейф и юркнула под стол, издав писк:

– Вы мне весь замок порушите!

– Отстроишь, – безжалостно откликнулась Вита. – Для чего тебя колдовать-то учили?

Хешшкор выглядел подавленным.

– Ты чья? – спросил он задумчиво.

Почему-то большинство из тех, с кем она имела дело, полагали, что без сверхъестественного покровителя смертному очень плохо и трудно. Вот потому кто верит в богов, кто отдает душу демонам... Вита же считала и богов, и демонов излишеством. Она сама, без указки свыше, разберется со своей жизнью.

– Я сама по себе, – гордо вскинула голову Вита.

– Так не бывает, – он покачал головой.

– Почему же не бывает? Все ваши посвященные когда-то

были не посвящены.

– Хочешь стать моей посвященной? – оживился бог.

– Делать мне нечего, – фыркнула Вита, – вешать себе на шею господина, да еще такого, как ты!

– Но что может смертный без покровителя?

– Зачастую побольше, чем с ним, – Вита знала, что говорит: именно ее независимость и от Света, и от Тьмы была причиной того, что три года назад Черный Круг привлек ее к решению одной важной проблемы. Колдуны, скованные своими клятвами, никак не могли с этой проблемой справиться.

Фаирата выползла из-под стола и, огорченно рассматривая свое измятое одеяние, скрылась за дверью. Вита проводила ее взглядом, потом посмотрела Хешшкору в глаза:

– Что может Файка? Она даже сделать свой замок теплым неспособна – вон у нее газовый баллон припрятан за шторой. Что ей дает твое покровительство в обмен на многочисленные ограничения, которые оно налагает?

– Ну... защиту.

Вита продемонстрировала клинок:

– С ним и с Аррххом за спиной я чувствую себя в полной безопасности. Мне не нужна защита.

– О, какое оружие, – вырвался у бессмертного невольный возглас. – Ты умеешь им пользоваться?

– Конечно, умею, – в первый раз за весь разговор Вита улыбнулась и вдруг мгновенно сделала смертельный выпад, целясь Хешшкору точно в то место, где у людей находится

сердце.

– Эй! – вскрикнул он, молниеносно увернувшись от удара. При этом ему пришлось покинуть кресло. Он прыгнул за него и развернул его ножками по направлению к Вите, словно рогатый щит. – Ты что, свихнулась?

– Ты ведь бессмертный, – напомнила Вита. – Или это тоже только слово?

Он в ярости швырнул кресло, одна из ножек подломилась.

– Ты! – зарычал он. – Ты меня достала! Да, я бессмертен, но если ты разрушишь эту мою физическую оболочку, мне понадобится время, чтобы создать новую! И наша беседа прервется, – добавил он со злорадством, – на долгий для смертных срок.

– Ого! Ты, оказывается, уже заинтересован в продолжении нашей беседы? – Вита не удержалась от ответной язвительности.

Он снова плюхнулся в искалеченное кресло – нога на ногу, и стал загибать пальцы:

– Меня оторвали от дел. Меня оскорбляют. Меня пытаются заколоть! Поневоле захочешь узнать: в чем причина?

Вита улыбнулась во второй раз:

– Флиф сорвался с крючка, и мир на краю гибели. Это случилось и раньше, но тогда у меня был Перстень Тюремщика. Сейчас его украли, явно со злым умыслом. Завтра полнолуние. И мне нужна твоя помощь.

Он посмотрел на нее исподлобья:

– Я не обязан тебе помогать! Ты же не моя посвященная, – и внезапно, осекшись, переспросил: – Когда полнолуние? Завтра?

Зрачки его слегка расширились, и Вита не знала, чему это приписать. Она кивнула.

– Так что же мы теряем время на idiotские препирательства?

Вита смутилась. Она могла бы вспомнить, что с каждой секундой драгоценное время уплывает коту под хвост, но самозабвенно лаялась, как дурочка. А этот хмырь, надо отдать ему должное, повел себя достойно, когда осознал наконец ситуацию.

– Чем ты можешь нам помочь? – Вита перешла к делу.

– Ничем.

– Проклятье! – вскричала Вита. – Ты опять за свое? Восемь лет назад ты отказал Фае в помощи, и снова хочешь отвертеться?

– Да, я отказал, – мрачно признал он. – И ты сама знаешь, почему.

Она сердито смотрела на него, ожидая продолжения.

– Потому что не мог же я сказать собственной посвященной, что бессилён против Флифа. Я, всемогущий Хешшкор!

Он отвернулся к камину.

– Пусть лучше считает меня злым и равнодушным, чем бессильным.

– Значит, тебя зря называют всемогущим?

– Кто меня так называет? Фаирата? Вот у тебя нет розовых очков, ты сразу поняла, что к чему. Мы, бессмертные Тьмы или черные боги, как зовут нас колдуны, – всего лишь часть этого мира. Как мы можем быть властны над Флифом или Соа?

– Я тоже часть этого мира. Но когда я, подняв перстень, приказывала Флифу убраться в свою башню, он повиновался мне!

– Ты не понимаешь. Ты человек, в тебе поровну Тьмы и Света. Это дает тебе свободу, но это и приковывает тебя к материальному миру. А в таких, как мы, слишком много Тьмы. Мы чересчур зависимы от Тьмы... А, да что я фило-софию развожу!

Он убито замолчал.

– Хреново, – выдавила Вита после небольшой паузы.

Словно в подтверждение, с потолка шлепнулся еще один кусок штукатурки, разбив солонку.

5. Зацепка

Из дыры в потолке падали на стол крупные капли. На диване у стены спал, безмятежно улыбаясь, присыпанный штукатуркой Саша. Остальным было не до улыбок. Переодеваясь в ярко-зеленое платье Фаирата все еще испуганно поглядывала на буйных гостей, но они вели себя тихо. Хмурый бог медленно заделывал каменный свод усилием мысли, а Вита, налив себе стопочку и сжимая пальцами виски, пыталась отыскать выход из тупика.

– Фая, – позвала она, и колдунья перевела на нее замученный взгляд. – Скажи-ка мне, отчего Флиф освободился на этот раз? Ты нарушила обет?

– Да, но... – увидев, что Вита готова вскипеть, Фаирата заговорила тоненько и торопливо: – Я все объясню, успокойся. Я никогда не стала бы пить спиртное по своей воле. Я же не полная дура и помню, в чем клялась! А вчера мы с Сашей отмечали майские праздники, выпили, как обычно, безалкогольного коктейля... Знаешь, для детей такие выпускают, – Фаирата вдруг всхлипнула. – Только потом я поняла, что он вовсе не был безалкогольным...

– Н-да, – промолвила Вита. – Может быть, на заводе произошел технологический сбой? Да нет, что я говорю. Не по ошибке же у меня сперли кольцо. Здесь действовал один и тот же человек или группа заговорщиков, – Вита тяжело

вздохнула. – Откуда ты взяла коктейль?

– Откуда, откуда, – проворчала Фаирата. – Из кладовки.

Казалось, она была сконфужена оттого, что не наколдовала напиток сама.

– Ты уже выбросила бутылку?

– Ах, почему мне знать? – Фая всплеснула руками. – Я не занимаюсь уборкой, это делают духи.

Вита, подавив желание выругаться в очередной раз, скрипнула зубами и велела:

– Поищи бутылку. А не найдешь, спроси у этих... духов своих. Надеюсь, они не глухонемые? Нам нужна хоть какая-то зацепка.

Фаирата поплелась выполнять приказание, словно бы и не она являлась хозяйкой Хешширамана. Давно минуло то время, когда она пыталась разговаривать с Витой свысока. Уже несколько лет колдунья признавала за Витой способность и право распоряжаться в экстремальных ситуациях. Она украдкой оглянулась через плечо, слегка беспокоясь: признает ли это Хешшкор? Не решит ли ее покровитель, что с ней обходятся не по рангу? Она опасалась этого и в то же время тайно надеялась, что Хешшкор вступится за свою посвященную.

Но Хешшкор молчал и даже не смотрел на нее. Она тихо вздохнула и вышла, демонстративно шурша платьем.

– Ловко ты ее отослала.

Голос Хешшкора вывел Виту из сосредоточения. Бросив

попытки поймать ускользающую мысль, она мутным взором посмотрела на кресло, в котором только что сидел бог. Кресло было пустым. Это ее немного озадачило.

– Я, пожалуй, мог бы скрасить твои размышления, – голос раздавался около ее левого уха. Вита посмотрела налево. Хешшкор сидел на валике ее кресла, совсем рядом, и говорил, наклоняясь к ней. Его правая рука, казавшаяся вполне материальной, гладила ее по спине. – Это правда, иногда требуется стимуляция, чтобы думалось лучше, – рука скользнула ниже, а вторая взялась за пуговицы Витиной рубашки.

Вита ошарашенно проследила за движениями Хешшкора. И этот туда же, подумала она с неожиданной горечью и злостью, сменившей удивление. Она размахнулась и залепила бессмертному пощечину.

Он отшатнулся, хватаясь за щеку:

– Ты что? Больно же!

– И поделом! – крикнула Вита. – Того гляди, конец света наступит, а у всех одно на уме! Псих озабоченный, вот ты кто! А еще бог!

– Я хотел, как лучше! – заорал Хешшкор. – Я думал, тебе именно этого не хватает, чтобы шарики в мозгу закрутились! Чокнутая!

– Держись от меня подальше! – заверещала Вита, заподозрив, что Хешшкор придвинулся, и с силой спихнула его с кресла.

Если бы это видела Фаирата, она наверняка бы не вы-

несла такого унижения своего драгоценного покровителя. Бессмертный, пытаясь уцепиться за спинку кресла, сделал несколько хватательных движений руками, потом его ноги оказались выше головы, и он, нелепо дрыгая ими, рухнул вниз, вмазавшись головой в кучу щебня и подняв облако пыли.

– Ну, знаешь! – взревел он, едва обрел дар речи, и гневно вскочил на ноги. Глаза его полыхали. – Ты захватила меня врасплох, но больше тебе это не удастся!

Он выбросил вперед указательный палец, из пальца ударила молния. Вита моментально выхватила клинок – это движение было доведено у нее до автоматизма. Молния отразилась от полированной поверхности и прожгла гобелен в нескольких сантиметрах от головы Хешшкора. Тот изумленно воззрился на обугленную дыру с рваными краями.

Вита опустила меч, тем не менее зорко следя за Хешшкором. По канонам древний клинок следовало бы звать ножом, но слово «меч» нравилось Вите больше. Оно было как-то солиднее. Бог, шумно вздохнув, плюхнулся на диван рядом с посапывающим Сашей.

– Чего ты взбеленилась? – спросил он непонимающе.

– Мужиков мне и без тебя хватает, – холодно ответила Вита.

Хешшкор хмыкнул:

– Зачем тогда таскаешь в сумке приворотное зелье?

– Ох, – Вита отвела волосы со вспотевшего лба. – Будь оно

проклято! Это не мое. Сделано на заказ.

Хешшкор вроде бы кивнул, но тут же снова вздернул нос:

– Я все-таки не какой-нибудь мужик! Другая бы на твоём месте не упустила случая близко пообщаться с бессмертным. Знаю я таких, которые колени себе застудили на храмовых полах, вымаливая у богов ночьку.

Вита скосила глаза на бога:

– Пока твоё поведение только убеждает меня в том, что ты мало чем отличаешься от среднего дурно воспитанного красавчика.

– Ну хватит! Я же признал свою ошибку, – проскрипел Хешшкор.

Ничего подобного Вита от него не слышала, но благоразумно промолчала, тем более что в залу вошла Фаирата, причитая на ходу:

– И как я сразу не заметила? Какая же я дура набитая...

Взгляд её остановился на покрасневшей щеке бессмертного, и она запнулась. Потом резко повернулась к Вите, уставилась на её помятую рубашку и меч, вынутый из ножен и лежащий на коленях, и глаза Фаираты поползли на лоб, а рука – к амулету на груди:

– О всемогущий Хешшкор...

– Нечего поминать мое имя всуе! – недовольно буркнул Хешшкор.

Вита подхватила обломок зеленого стекла, выпавший из руки колдуньи. На стекле красовалась этикетка: «Коктейль

безалкогольный «Снежок» для детей от 6 лет». Когда бутылка разбилась – вероятно, при взрыве бомбочки, – край этикетки надорвался, и теперь ясно было видно, что под ней наклеен совсем другой ярлык. Ярлык от дрянного шампанского.

Что и требовалось доказать.

– Я знаю, кто пьет такую дрянь! – сообщила Фаирата. – Это старик Хафиз. Шампанское выпускали в таких бутылках только в пору его молодости, и он в свое время затарился на всю оставшуюся жизнь. Он сам хвастал!

Вита поняла, о ком говорит Фая. Дряхлый старикашка с палкой, дребезжащим голоском и склочным характером. Вита видела его мельком три года назад на шабаше Черного Круга в Айфарете, когда был заключен договор о том, что она, Вита, разберется с Флифом на веки вечные, а взамен получит идеального мужчину. Но награда так и осталась пустым обещанием. Искать идеал пришлось самой, и скоро ли закончатся поиски?..

– Что за Хафиз? – требовательно спросил Хешшкор. – Какие у него мотивы?

Вопрос отвлек Виту от никчемных раздумий. Снова она поразилась тому, что капризный, вспыльчивый Хешшкор временами вдруг оказывается удивительно трезвомыслящим.

– Хафиз Миленион, – уточнила Фаирата. – Из Милены. Типичный старый маразматик.

– На Айфаретском шабаше он резко отзывался не только обо мне лично, – сказала Вита, – но и о самом намерении Черного Круга обуздать Черного Флифа. Он считает, что темные силы должны поклоняться Пожирателю и уж ни в каком случае не препятствовать ему. Да, если кто-то и мог подстроить нам такую подлянку по идейным соображениям, то это Хафиз.

– А что он имел против тебя лично? – поинтересовался Хешшкор.

– Ну... – Вита неожиданно для себя самой смутилась. – Он, наверное, считает себя мужиком что надо. А когда я сказала, что никто из присутствующих мужчин не тянет на идеального, Хафиз расценил это как оскорбление всех магов Черного Круга, особенно же себя, любимого.

– Как я его понимаю, – Хешшкор задумчиво потер щеку. – Хотя его отношения к... э... Пожирателю ни понять, ни принять не могу. Ну, что для вас сделать? Слетать к этому уроду и отобрать у него кольцо Тюремщика?

– Его нельзя отобрать, – грустно покачала головой Фаирата. – На все драгоценности из того ларца наложено заклятие. Если владеющий ими оказывает сопротивление при попытке изъять волшебные предметы, то они теряют свои свойства на тринадцать лет.

– А у нас в запасе всего один день, – добавила Вита. – Сомневаюсь, что удастся уговорить старикашку отдать перстень Тюремщика и другие предметы подобру-поздорову.

Так что лучше всего украсть их без лишнего шума.

Хешшкор согласно кивнул.

– Ладно, сделаю. Ждите, – и начал растворяться в воздухе.

6. Нападение

Пол под ногами вдруг ошутимо качнулся, и раскатисто прогрохотало. Вита инстинктивно пригнулась и зажала уши. Фаирата визгнула:

– Вы опять за свое?

– Это не мы! – крикнула Вита. – Посмотри!

Фая бросилась к окну, Вита последовала за ней и чуть не налетела на отшатнувшуюся от окна колдунью.

Стены замка снаружи тлели, источая мерзкий дым. В их неярком свечении, подцвечивающем красным рассветный туман, вбегающие в цитадель Хешширамана закопченные вооруженные люди казались чертями из ада.

– Они прорвали защиту! – ахнула Фаирата.

Вита похолодела. Она вспомнила, к чему три года назад привел прорыв магической защиты замка белого мага Лисана. Атомный взрыв. Жертвы, разрушения... Тогда дело было на одиноком острове в Тихом океане, а ведь Хешшираман – это Битцевский парк, окраина Москвы!

Она схватила Фаирату за плечи и развернула лицом к себе:

– Ты можешь что-нибудь сделать?

– Разве что телепортировать нас отсюда, как ты изволишь выразаться, – нервно дернула плечом Фая.

– Займитесь нападающими, – раздался голос Хешшкора. –

Защиту я беру на себя.

Вита ощутила облегчение. Она не знала, насколько может доверять Хешшкору, но надежда на то, что он не даст погибнуть своей подопечной, Фаирате, придавала ей уверенности в нем. Она успела вытащить из сумки несколько бомбочек, предназначенных для невинного фейерверка в походе, когда дверь вышибло взрывом и в дверном проеме возник силуэт мужчины с ранцем и пушкой в руке. Вита швырнула бомбочку ему в лицо. Зал осветился вспышкой; мужчина упал, размазав тем, что осталось от лица, кровавую лужу. А в дверях показался следующий...

– Сколько у тебя бомб? – спросила Фаирата, глядя в окно.

– Немного, – Вита бросила еще одну. – А что?

– Там целая армия!

Хешшкор стоял посреди зала, распростерши руки в стороны; на лице его была написана глубокая сосредоточенность. Отскочив к окну от огнемётной струи, Вита обратила внимание на то, что стены больше не дымятся.

– Осторожно, Хешшкор! – предупредила Вита. – Тебя сожгут! То есть твою физическую оболочку...

Ковры, гардины – все вокруг запылало. Фаирата, размахивая руками, шептала заклинания, и языки пламени тотчас опадали, но огнемёты били снова и снова. Несколько раз Виту задело. Она сбросила вспыхнувшую рубашку; жидкий огонь брызнул на джинсы, и она не удержалась от вопля. Судорожными рывками, обжигая руки, стащила с себя горя-

щую ткань. Новой струей опалило волосы. Фаирата и Хешшкор все еще оставались невредимы, в них даже не целились. Вита с ужасом поняла, что охота идет на нее.

Что бы там ни болтали белые маги о милостивой смерти в огне, сама Вита считала такой вариант кончины крайне болезненным и нежелательным. Сердце у нее нехорошо сжалось. Неужели поганый старикашка Хафиз настолько коварен и мстителен? Она-то думала, его цель – выпустить Флифа, а не сводить с ней мелкие счеты... К тому же на мелкие счеты происходящее не слишком походило.

По-видимому, горючее для огнеметов наконец иссякло. Немудрено: если бы не заклинания Фаираты, его бы с лихвой хватило, чтобы спалить весь замок с прилегающим лесом. Но штурм Хешширамана был еще не закончен. В дверь снова полезли вооруженные люди, и Вита поудобнее перехватила клинок. Ее оружие казалось смешным в сравнении с арсеналами нападавших: автоматами, пулеметами, вовсе неизвестными Вите механизмами, какие она видела только в фантастических боевиках... К счастью, рядом была колдунья. Лязгающие слова, слетающие с ее уст в аккомпанемент резким жестам, выводили огнестрельное оружие из строя, так что солдаты, уверенные в себе, когда пальцы лежат на спусковом крючке, нежданно-негаданно обнаруживали, что могут полагаться лишь на собственную силу и ловкость. Несколько секунд замешательства, в котором оказывался противник, давали Вите преимущество, не замедлившее выразиться в куче

трупов, растущей с каждой минутой.

Вита работала мечом чисто механически, не позволяя себе думать ни об усталости и ранах, ни – тем более – об этих людях. Наверняка у каждого из них было ради чего зарабатывать опасным трудом наемника. Большие деньги в смутное время – шанс для тех, чьи семьи при ином раскладе обречены на нищету. Вита знала, что мысли об этом надо гнать прочь, иначе заплатишь своей жизнью. Сочувствие тоже имеет свою цену, иногда – чересчур высокую.

Хешшкор стоял с раскинутыми руками и отсутствующим взглядом, не замечая ничего вокруг; его никто не трогал. Фаирата, бледная, бормотала заклинания себе под нос, опершись спиной о стену; то и дело она сбивалась, и в глазах ее всплывался мгновенный страх, но побелевшие губы снова шептали... Вита сейчас походила на ведьму больше всех: почти обнаженная, в руках сверкающий клинок, волосы, закурчавившиеся от огня, беспорядочно разметались, тело блестит от пота и крови в свете пламени, так до конца и не погашенного обессиленной Фаиратой. Она все махала и махала мечом, пока вдруг не поняла, что врагов больше нет. Тогда она опустила прямо там, где стояла, на трясущийся от взрывов пол и попыталась закрыть глаза.

– Витка, ты что? – затормошила ее Фая, сама еле держащаяся на ногах. – Только не сейчас! Пойдем, Витка, пойдем-ка к окошку. Тебе нужен свежий воздух.

На негнущихся ногах Вита при поддержке Фаи кое-как до-

ползла до окна, обессиленно положила голову на подоконник и сделала несколько вдохов, высунув язык, словно загнанная собака. Когда перед глазами перестали расплываться круги, она смогла взглянуть на то, что творится за окном. А за окном все было затянуто дымом, через который просвечивало кроваво-красное око рассветного Солнца да языки огня. Пламя плясало на стенах башен: Хешшкор не справлялся. Замок содрогался и трещал по швам. Кое-где в разрывах дымной пелены Вита разглядела танки и ракетные установки и не поверила своим глазам.

А через минуту она увидела еще кое-что. В багровых небесах мелькнул силуэт чешуйчатого чудовища, а верхом на нем сидел мужчина в белой полупрозрачной тунике с мечом без ножен, таким острым, что на его краях трепетала маленькая радуга. В левой руке он держал рацию. До Виты донесся стихающий голос:

– Если вы не в состоянии ее схватить, пусть она погибнет вместе с замком! Разрушите все, чтобы камня на камне не осталось – так, как это случилось с Артenezом! Это приказ господина...

Чудище хлопнуло кожистыми крыльями и скрылось в вышине. Вита проводила его взглядом и обернулась к Фаирате и Хешшкору, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

Ох, не зря она вспомнила о белых магах. Этот тип был, несомненно, одним из них либо их подручным. Она уже встречалась с такими в замке Лисаана, верховного колдуна

Белого Круга. В Артенезе, исчезнувшем три года назад в вихре ядерного взрыва.

– Я гашу защиту, – произнес вдруг Хешшкор каким-то неестественным, мертвенным тоном.

– Что? – вскрикнула Фаирата. – Как это?

В глазах у нее появилось выражение, какое бывает у коровы, когда она в последний момент понимает, что тот, кто холил ее и кормил, привел ее на бойню. Она с болью смотрела, как призрачное колдовское мерцание, окружающее замок, постепенно тускнеет и гаснет. Вита тоже ощутила нечто вроде сожаления. Казалось, душа Хешширамана покинула его вместе с этим мягким свечением, оставив лишь мертвую оболочку. Пламя, словно почуяв это, торжествующе завывало, плюясь искрами.

– Ты сдал мой замок! – обвиняюще завопила Фаирата, надвинувшись на Хешшкора. Маленькая, хрупкая, рыжая, в ярости она сама казалась разбушевавшимся языком огня. – Ты предал меня!

– Если мы хотим сделать дело, нам надо уходить отсюда, – ответил бессмертный, против обыкновения не грубо. – А я не могу держать защиту на расстоянии. Я и здесь...

– Ты и здесь ничего не можешь! – гневно бросила Фаирата. – Витка права, как я могла так долго оставаться слепой? Чем ты мне помог? Ты предал все, что у меня есть! Ты бросил мой замок на растерзание!

– Слушай, не ори на меня, – проворчал Хешшкор. – Я сам

от этого не в восторге.

– Что ты за бог? – зло и презрительно выкрикнула Фаирата. – И как только меня угораздило стать твоей посвященной?

Хешшкор вцепился пальцами в подлокотник кресла, лицо его застыло. Сейчас вспылит, подумала Вита, но тут же пригляделась и поправила себя: нет, он напуган! Смертельно напуган.

– Фая, – негромко позвала она, прервав проклятие, готовое сорваться у подруги с языка. – Не отрекайся от него.

Фаирата закрыла рот и изумленно уставилась на Виту.

– Вряд ли у него был другой выход, кроме как сделать это, – пояснила Вита. – Нападающие раздолбают замок, чего бы им это ни стоило, а вместе с твоей защитой взлетело бы на воздух пол-Москвы.

Фая опустила голову. Замок шатался, гудел, рушился на глазах. Вита понимала колдунью: Хешшираман был частью ее магии, ее души, ее сердца.

– Да, конечно, – вымолвила Фаирата.

– Не волнуйся, – сказал Хешшкор. – Новый выстроим, не в первый раз. Давайте трогаться.

Фаирата покачала головой:

– Я останусь тут. Буду защищать свой дом до последнего.

– Файка, не дури, – Вита посуровела.

Она криво улыбнулась:

– Им нужна не я, сама знаешь. А кто-то должен поставить

барьер, чтобы вся эта свора не ринулась за вами в погоню. Бегите за перстнем, а я, пожалуй, разбужу Сашу.

И она направилась к журналисту, спящему в углу под слоем строительного мусора и копоти.

– Береги себя, – посоветовал Хешшкор и взял Виту за руку.

Вита ощутила головокружение и невесомость. Сообразив, что начинается телепортация, она успела цапнуть свою сумку и полетела сквозь темную трубу к свету.

7. Путь из Хешширамана

Труба выплюнула их у озера. Еще немного, подумала Вита – и они материализовались бы прямо в воде, а это не слишком приятно. Ведь первое, что требуется после телепортации, когда не можешь шевельнуть ни единой мышцей, в том числе сердечной и дыхательными – хорошенько отдышаться. Вита ненавидела этот способ передвижения, излюбленный колдунами, но все же не могла не признать его полезности в некоторых случаях.

Она глянула в воду и отпрянула, увидев свое отражение:

– Черт!

– Где? – встревоженно спросил Хешшкор.

– Да нигде, – буркнула Вита. – Это я так.

– Ну и не зови его на свою голову! – рассердился бессмертный. – Нам здесь только этого рвача доставало. Если тебе нужно вмешательство свыше, обращай ко мне.

– Мне нужно искупаться, – заявила Вита. – Иначе я умру.

– Да брось ты, – неуверенно возразил Хешшкор. – Я, конечно, мало разбираюсь в смерти, но, по-моему, люди не умирают оттого, что перемазались сажей и чужой кровью.

– Если кто-нибудь увидит меня такой, – процедила Вита, – я умру от стыда! – и решительно направилась к водоему.

– У нас мало времени, – проворчал Хешшкор, глядя на ее удаляющуюся спину.

Вита и сама это понимала. На то, чтобы нежиться в волнах, времени действительно не было. Она быстро обмылась и выбралась на берег, поеживаясь от утреннего холода.

Хешшкор сидел на валуне и, подперев руками голову, смотрел на зарево пожара, окутавшего Хешшираман. Башни, черные от копоти, рушились одна за другой. Вот, треща, обвалились стены Бетреморогской башни, обнажая чудовищную черноту, от которой веяло смертельным холодом. Овеществленная Тьма, клубясь, начала растекаться по котловине, ее ледяное дыхание чувствовалось даже здесь, на взгорке. Вита задрожала.

Днем Флиф бессилен, отдалось в ее мозгу. А если вы не успеете к ночи, будет уже все равно.

– Аррхх? – полувопросительно произнесла Вита.

Из глубин озера глянули на нее огромные пурпурные зрачки.

Я с тобой, Виталия-Сама-по-Себе.

– Спасибо, Аррхх, – растроганно промолвила Вита. – Но... я и впрямь сама по себе. А ты позаботься о Фаирате. Ты ведь знаешь, она далеко не такая могущественная колдунья, какой хочет казаться.

С Аррххом она чувствовала бы себя увереннее. Но Фаирата оставалась одна против целой армии: Саша не в счет. А спутником Виты все же был бессмертный, пускай не всемогущий, но могущий кое-что, пускай она не слишком ему доверяла, но он был ее союзником.

Аррхх помедлил, затем согласно мигнул пурпурным глазом, взвился над озером – только хлестнула водопадом вода, стекая с громадного тела змея, – и заскользил к котловине, где догорал Хешшираман.

Стоп, сказала себе Вита. Что-то тут не так. Хешшираман всегда стоял на пригорке, а озеро, наоборот, находилось в низине. Она обернулась и мысленно хлопнула себя по лбу. Через пелену дыма и густые заросли кустов пробивалась линия горизонта, образующая кромку чаши с замком в центре и светящаяся мягким голубым сиянием. Барьер!

– Как же мы выберемся? – вырвалось у нее произвольно.

Хешшкор покосился на нее с самодовольной улыбкой:

– Некоторые вещи я умею лучше тебя, смертная.

– Вот и замечательно, – пробурчала себе под нос Вита, наклоняясь к сумке.

– Эй, что ты там копаешься? – болезненно отреагировал Хешшкор. – Надо спешить.

– Я должна одеться!

– Одеться? – хмыкнул он. – Без одежды ты выглядишь гораздо лучше.

– Если ты помнишь, – прохладно проговорила Вита, – в нашу задачу не входит приманивание легковозбудимых мужиков. Они и без того слетаются ко мне, как мухи на г... на мед, – поспешно поправила она и, злая оттого, что едва не сморозила такое о себе самой, чуть не порвала молнию на

сумке. – О-ох, – простонала она. – Только не это!

Впопыхах собираясь, Вита и не подумала захватить с собой смену одежды. А все, что было на ней – обгоревшая рубашка, прожженные джинсы, кроссовки с расплавившимися подошвами – осталось погребенным под обломками замка.

– Вот так беда! – бессмертный откровенно потешался. – Стой, не шевелись.

Он сосредоточился на секунду, и Вита вдруг ощутила кожей тонкую ткань, а ноги внезапно отделились от земли чем-то твердым. Она оглядела себя – насколько это было возможным без зеркала. Длинное платье из серебристой парчи открывало руки и плечи, зато ниже пояса было невероятно пышным из-за множества складок и вороха нижних юбок. На ногах красовались почти невидимые чулки и серебристые туфельки на каблуках. А на шее – видимо, в качестве компенсации за открытое до неприличия платье – болталась цельная шкура лисы-чернобурки, с лапками и мордочкой.

Вита подняла глаза на Хешшкора, еще не до конца разобравшись в своих чувствах: то ли поблагодарить его за роскошный подарок, то ли врезать еще одну пощечину. Бог взирал на результат своих трудов с довольной улыбкой.

– Ты уверен, что это самая подходящая одежда для нашего предприятия? – выдавила наконец Вита.

Он только ухмыльнулся:

– Пошли. Через барьер невозможно перенестись внепространственно, нам придется пойти пешком.

И зашагал к барьеру, не оборачиваясь. Опомнившись, Вита спрятала меч в складках юбки, подхватила сумку и непривычно засемила за ним на каблуках.

Хешшкор поджидал ее у кромки голубого свечения. Оно было холодным – как-то раз Вита даже касалась сполохов пальцами. Вита встала рядом, когда бог поднял руку, и барьер, послушный приказу, словно раздвинулся в стороны. Прямо перед ними возникла дорожка, сбегаящая вниз, в обычное пространство.

– Идем, – сказал Хешшкор и, видя, как неуклюже переступает Вита на высоких каблучищах, усмехнулся и предложил ей руку.

Они спускались молча, не мешкая, но и не торопясь. Вита, уцепившись за руку Хешшкора, осваивала новую обувь. Бессмертный первым нарушил молчание.

– Спасибо тебе, – сказал он без насмешки, – что не дала Фаирате отречься от меня. Вот уж не думал, что ты вступишься за меня после всего... – он дотронулся до щеки.

– Признаться, и я не ожидала, что ты забудешь свой эгоизм и сделаешь что-нибудь для смертных, – слабо улыбнулась Вита. – Кстати, объясни мне, почему ты так перепугался, когда Файка собралась послать тебя к черту?

– Слушай, хватит о черте, – Хешшкор передернул плечами. – У меня с ним нелады. Этот гнусный тип чем только не соблазняет людей, чтобы они стали его посвященными. Подобным бесчестным образом он загреб огромную власть. Он,

между прочим, переманил у меня нескольких почитателей. А ты еще на каждом шагу поминаешь его уродскую рожу!

– Ладно, не буду. Так почему ты все-таки боишься остаться без посвященной?

Хешшкор грустно вздохнул.

– Видишь ли... Хотя мы и бессмертные, но в материальном мире мы можем существовать лишь при поддержке человеческого сознания. Что ассоциируется с понятием «бог»? Могущество, власть – все это материальные проявления, и на них сильно влияет число почитателей. А если таковых не остается, мы развоплощаемся.

– Иначе говоря, бог жив, пока в него верят?

Вита хихикнула: оказывается, эти «высшие существа» так зависимы от людей!

– Не смешно, – обиженно буркнул Хешшкор.

– Извини. А что вы делаете, когда развоплощаетесь?

– А ничего не делаем! Что можно делать, когда у тебя нет тела, один лишь разум? Ну, общаемся меж собой мысленно. Но за долгие столетия нашей жизни мы друг другу изрядно поднадоели. Словом, иметь глаза, руки, ноги, гениталии гораздо лучше, чем не иметь.

– Н-да, – скептически отозвалась Вита. – Ты уже был развоплощен?

– И не раз, – мрачно подтвердил Хешшкор. – Впервые это случилось, когда последователи Иеговы и Христа начали жечь всех наших на кострах. Знала бы ты, сколько бессмерт-

ных рассталось тогда со своими материальными воплощениями! И не только мы, темные, но и бессмертные Света, их сородичи. Ох, и взбаламутили мир папаша с сынком! До сих пор расхлебываем. Все ударились в мировые религии, все могущество у пяти-шести бессмертных, а сотни болтаются в пространстве, никому не нужные и забытые. Или, вот как я, трясутся над одним-двумя, редко десятком посвященных. Может, станешь моей посвященной, а?

Вита покачала головой:

– Сочувствую тебе, но я привыкла быть свободной. Никаких запретов, никаких ограничений. Мне не нужен бог. Ни ты, ни кто-либо другой.

– Вот видишь, – печально промолвил Хешшкор. – А вдруг с Фаиратой что-нибудь случится? Я и так чуть было не развоплотился, когда умирала ее мать. Хорошо, Файгамея вовремя вспомнила о том, что хорошо бы посвятить дочку своему богу. А до Файгамеи я с полтысячи лет провел без тела, пока наконец она не расслышала во сне мой зов. Между собой мы, бессмертные, связываемся легко, но достучаться в сознание человека удается редко.

– Слушай, Хешшкор, я чего-то недопонимаю, – заявила Вита. – Вот я тебя вижу. Я знаю, что ты есть. Значит, я верю в твое существование. Почему же ты не можешь пользоваться моим сознанием?

– Потому что нужен обряд, – скучным голосом произнес Хешшкор. – Клятвы, транс, священный трепет... Верить –

значит признать над собой высшее начало, признать его хозяином своей души. А ты смотришь на меня, как на жирафа в зоопарке. Где уж мне до твоей души добраться! – горько воскликнул он.

– Ну уж, на жирафа, – пробормотала Вита. – Ты на жирафа непохож, вон какой красавец. И толку от тебя побольше.

Хешшкор недоверчиво покосился на нее, словно не ожидал таких лестных слов.

– Ты тоже не пустышка, – сказал он осторожно. – Сражаешься очень неплохо. Где только выучилась? Ну и в остальном... Особенно если одета со вкусом, вот как сейчас.

Это была попытка ответить комплиментом на комплимент, но Вита ее не оценила. Тон ее снова стал прохладным:

– По-моему, мы отвлеклись. Мы уже за барьером. Что дальше?

За их спинами барьер сомкнулся, гигантская чаша подняла свой край. Со стороны ее можно было рассмотреть лишь вблизи: свечение барьера быстро тускнело с расстоянием, да и сама чаша была скрыта густым туманом. По мере удаления туман рассеивался. Перед Витой и ее спутником лежала опушка леса, поросшая молодой травой, за ней виднелась кольцевая автодорога. Солнце – мирное, желтое, теплое – пробивалось сквозь туман пальчиками-лучиками, заливались птахи, жужжала мошкара. Ласковые лучи Солнца, запах травы и мокрой после ночного дождя земли закружили Вите голову. Она почувствовала себя страшно уставшей. Царапи-

ны, полученные во время резни в Хешширамане – несерьезные, но многочисленные, – ожоги, мозоли от непривычных каблуков, нервное перенапряжение – все вдруг напомнило о себе. Вита покачнулась и непременно упала бы, если б Хешшкор не поддержал ее.

Она повисла на нем обессиленно, чуть не плача. Вокруг такое чудное весеннее утро, а она, измотанная неравной битвой, собирается в новый трудный поход, а ночью ее ждет поединок с олицетворением Зла и Тьмы мира, с Флифом Пожирателем Душ. Ну почему? Она же не воин, она простая слабая женщина. Ей бы любить, а не убивать. Иметь защитника, а не сражаться самой. На какую-то секунду ею овладела шальная мысль: а не продать ли душу Хешшкору? В конце концов, он больше похож на человека, чем все те нудные боги, о которых она слыхала... да и больше, чем многие люди, надо сказать. Сильные руки, обхватившие ее и прижавшие к горячей груди, вполне материальной на ощупь, затуманили ей разум.

– Уж эти парочки, проходу от них нет! – ворвался в уши ворчливый старческий голос.

Вита медленно, нехотя открыла глаза и обернулась. На тропинке, ведущей в лес, стояла бабка. В одной руке она держала большую корзину, а в другой – клюку, которой угрожающе размахивала.

– Куда ни ткни, – разорялась она, для пущей убедительности делая движение клюкой, будто протыкала что-то, – везде

эта молодежь! То лежат, то стоят!

Хешшкор расхохотался. Бабка, видимо, уязвленная подобным непочтением к старости, с отвращением плюнула и поковыляла в глубь леса.

Как только старуха повернулась спиной, Хешшкор скинул с лица вызывающее выражение, словно маску.

– Что с тобой, детка?

– Я не детка, – скрипнула Вита. Момент прошел, и она корила себя, что чуть не поддалась искушению.

– Я слишком давно не общался со смертными, – покачал головой Хешшкор. – Забыл, как легко вы устаете.

– Может, я и устала, – сквозь зубы проговорила Вита, – но я много раз доказывала, что способна справиться с усталостью! И со всем прочим тоже.

– Конечно, – согласился он. – Но коли уж я с тобой, то мог бы тебе помочь, – он провел ладонью вдоль ее затылка, едва касаясь волос.

Вита вздохнула полной грудью. Боль и тяжесть в конечностях исчезли без следа... Нет, следы оставались – она убедилась в этом, когда, не веря ощущениям, стала разглядывать свои изрезанные и обожженные руки.

– Это никуда не делось, – сказал Хешшкор. – Но, по крайней мере, твои раны не будут болеть, а глазки – слипаться.

Он приподнял ее подбородок и заглянул прямо в серые глаза, которые действительно перестали закрываться сами собой. Вите вновь неудержимо захотелось залепить ему плю-

ху, но вместо этого она пробормотала:

– Спасибо.

8. Барьер у Милены

– Сейчас мы перенесемся в Милену.

– В Милену? – переспросила Вита. – Ты уверен, что нам нужен Хафиз? На замок напали люди Лисаана!

– Кто такой Лисаан?

– Всеведущий Хешшкор, – проворчала Вита себе под нос и пояснила: – Это главарь белых магов. Хотя довольно затруднительно считать его белым после того, что он натворил.

– Ты и впрямь полагаешь, что белые – это хорошие, а черные – плохие? – криво усмехнулся Хешшкор. – Тогда ты выбрала себе не ту компанию, детка.

– Я давно не детка! – рявкнула Вита. – Я взрослая женщина!

– Когда мне было столько же лет, сколько тебе, по болотам динозавры шарились, – тонко намекнул Хешшкор на свой возраст.

– Ты еще скажи, что выше меня ростом, – обозлилась Вита, – и это дает тебе право говорить со мной свысока!

Хешшкор набрал воздуха, чтобы выпалить нечто, по замыслу должное укоротить язык дерзкой девчонке, но после небольшой паузы шумно вздохнул:

– Ладно, сейчас неподходящее время для ругани. Скажи-ка, а зачем Лисаану вся эта кутерьма?

Вита оценила жертву вспыльчивого бессмертного и отве-

тила охотно:

– Да он, небось, спит и видит, как бы мне отомстить. Ведь из-за меня его замок разнесло в пыль. Что там замок – острова, на котором он стоял, и то не осталось!

Вообще-то он сам был виноват. Он приказал похитить Виту, чтобы она не смогла выполнить заказ Черного Круга, то есть изгнать из земного мира золотую змею Соа, освободившую Флифа, а после приговорил ее к смерти на костре. Но за ней явился Дэн Ши на атомоходе под «Веселым Роджером» и открыл огонь по магической защите.

Хешшкор присвистнул:

– Странные вещи из-за тебя происходят. Да, это достойная причина для мести. Но все же мы отправимся в гости к Хафизу, – не обращая внимания на попытку Виты возразить, он продолжил: – Ты забываешь о бутылке. Фаирату явно подпоил Хафиз, а следовательно, именно он причастен к похищению содержимого твоего ларчика.

– Но Лисаан... – перебила Вита.

– Есть две возможности. Либо Лисаан и Хафиз действуют независимо, каждый в своих интересах. Либо они в сговоре.

– Белый колдун с черным? – усомнилась Вита. – Да еще такой ревнитель догм, как Лисаан, с таким ревнителем догм, как Хафиз?

– Белый, черный... – Хешшкор раздраженно прищелкнул пальцами. – Они всего лишь люди, могут и поступиться принципами.

Виту слегка покорило, но она промолчала. Если уж он понимает, что не следует ссориться, то и она не развалится, если пропустит кое-что мимо ушей.

– Вашу руку, барышня, – обратился к ней Хешшкор, делая приглашающий жест, – и добро пожаловать в Милену.

Снова телепортация, с тошнотой подумала Вита. Солнечная зеленая опушка ушла из-под ног, оставив на память лишь дурманящий травяной запах, и после нескольких неприятных мгновений пейзаж разительно изменился. Вита едва устояла на ногах – каблуки подкосились на наклонной каменистой поверхности, и она была вынуждена опять вцепиться в Хешшкора. Местность была гористая, со всех сторон виднелись вершины, некоторые с ледовыми шапками. Они стояли на неудобном склоне, продуваемом злым холодным ветром. Вита плотнее закуталась в лисью шкурку. В Москве только что было утро, а здесь темнело; Вита, перестукивая зубами, попыталась определить, в каком часовом поясе они находятся, но спустя короткое время плюнула на это.

– Г-говоришь, это и есть М-милена? – проклацала она челюстями. – Не вижу ничего п-похожего на з-замок.

Хешшкор выглядел хмурым и озабоченным.

– Боюсь, он вон там, – бессмертный протянул указательный палец по направлению к западу, где сгустился туман.

Вита подивилась про себя, как может держаться туман при таком ветрище, а вслух сказала:

– Так пошли проверим.

Идти по щебню и валунам было нелегко, и Вита вскоре вновь вздрагивала от боли в разбитых пятках и пальцах ног. В душе копилась злость на Хешшкора: ну что стоило ему наколдовать хотя бы кеды? Конечно, с роскошным платьем они бы не гармонировали, но ведь можно было и вместо этого глупого платья, превосходящего по глупости даже то, что она надевала на выпускной вечер в школе, сделать свитер и теплые джинсы. И зубы не щелкали бы от холода, и клинок тащить куда удобнее, а то от него все юбки перекошились, путаются в ногах при каждом шаге... И почему бы Хешшкору не перенести их поближе к замку? Она сердилась все больше, но упорно топала вперед, еще сильнее сбивая ноги.

– Так я и знал, – проговорил Хешшкор безнадежно.

Вита оторвала взгляд от земли и сразу поняла, что имел в виду бог. Туман клубился здесь вовсе не в силу неизвестного природного явления. Он скрывал чашу, окруженную магическим барьером – совсем как в Хешширамане. Потому они и не смогли проникнуть в Милену при телепортации – или внепространственном переносе, как предпочитали выражаться колдуны.

– Милена там, – кивнул Хешшкор, и выражение его лица вкуче с интонацией насторожили Виту.

– Слушай, в чем проблема? – спросила она. – Давай, махни рукой, и пройдем через барьер.

Хешшкор присел на обломок породы и отвел глаза.

– Не получится. Хафиз – не мой посвященный. Я не властен над его магией.

– Ч... – Вита хотела было помянуть черта, но тотчас исправилась: – Четырнадцать тысяч проклятий!

Только без истерик, мысленно приказала она себе. Крича и швыряясь близлежащими предметами, ничего не достигнешь. Она провела рукой по лбу, заставляя себя успокоиться, и села рядом с Хешшкором, подложив полиэтиленовый пакет, чтобы не запачкать роскошную юбку.

– Давай помозгуем. Мы обязательно найдем способ проникнуть за барьер, надо только хорошенько подумать.

– Поражаюсь твоему оптимизму, – глухо проговорил Хешшкор. Поза его демонстрировала глубокое разочарование их проектом.

Вита уже перебирала варианты.

– Кольцо Путешественника Вовне? Изготавливать его застрелишься, а сработает ли оно с этим барьером, неизвестно. Флиф способен разрушить барьер, но лично я не возьмусь за транспортировку сюда этого воплощенного ужаса. А можно ли проникнуть за барьер сверху? Ну, скажем, прыгнуть с парашютом?

– Ты видишь чашу, – отозвался Хешшкор, – но на самом деле это – сфера. Сверху она прозрачна, проницаема для воздуха и воды, но человека не пропустит.

– Хорошо. А если разбомбить ее?

– Ты как будто против ядерных взрывов, – невесело ух-

мыльнулся Хешшкор.

– Но это же произойдет не сразу. Мы прорвемся внутрь, а там ты быстренько погасишь это дело, как в Фаиратином замке.

– Да нет, ты не поняла. Барьер – это не простая защита. Его может прошибить только атомный взрыв. Тут, конечно, безлюдно, и на сохранность здешних гор наплевать. Но всю Милену тоже разнесет в клочья, а вместе с ней – и перстень Тюремщика.

– Значит, и этот вариант отпадает, – заключила Вита. – А прорыть подкоп? – она вспомнила свою давнишнюю попытку преодолеть барьер вокруг Хешширамана.

– Не выйдет, – кратко ответил Хешшкор. – Барьер есть барьер, и сверху, и сбоку, и снизу.

Солнце закатилось за гору, издевательски мигнув на прощание красным лучиком. Совсем стемнело, Луна была за тучами, лишь холодное сияние барьера скупо освещало невзрачный пейзаж. Вита все яснее понимала, что они в тупике. Дрожа от холода и ветра, она порылась в сумке, достала пачку сигарет и открыла ее немеющими пальцами. Вынимать сигарету она не торопилась. Почему-то ей пришло на ум, что бычок в зубах совершенно не сочетается с ее изысканным нарядом. Как и фляга с водкой. Он специально это подстроил, хмуро подумала Вита и невольно придвинулась поближе к теплому плечу Хешшкора.

– Если уж соорудил мне такой наряд, – сердито пробурча-

ла она, – мог бы и согреть меня!

Она имела в виду, бессмертный мог бы, шевельнув пальцем, сделать так, чтобы она не чувствовала холода. Но Хешшкор понял ее иначе.

– Это раз плюнуть, – заявил он с энтузиазмом и, одним движением перетащив Виту к себе на колени, приник к ее губам.

Вита не глядя выхватила клинок, махнула наугад. Хешшкор взвыл, отпустив ее.

– Ненормальная! – он с шипением боли схватился за рассеченное бедро. По трико расплзлась кровавая клякса. – Я заодно с тобой, а ты меня зарезать готова!

– Ты ж бессмертный, – невозмутимо ответила Вита, вытирая лезвие носовым платком.

– Мой разум – да! – рявкнул он. – Но я уже объяснял тебе, что если это тело сильно попортится, я не смогу сотворить новое за пять минут!

Он на некотором расстоянии провел рукой над раной, сжав ее края, и Вита изумленно наблюдала, как она постепенно затягивается.

– А что значит – сильно попортится? – поинтересовалась она. – Насколько сильно?

– Хочешь знать, куда вернее ударить? – окрысился Хешшкор. – Перебьешься!

– Ну, я и сама могу догадаться, – невинно заметила Вита. – В сердце, например. Или в голову. Или отрубить обе

руки. Иначе ты не сможешь исцелить себя, правда? Ты должен быть в сознании и делать вот так, – она изобразила его движение.

– Ишь, умная выискалась, – зло бросил Хешшкор. По его лицу Вита поняла, что попала в точку.

– Ладно, прости, – сказала она мягче. – Я совсем не собираюсь выводить тебя из строя. Мы ведь союзники.

– Приятно слышать, – буркнул бессмертный все еще обиженно.

След от раны исчез, а секунду спустя и трико стало целым и чистым, как будто ничего и не было.

– Вот классно, – восхитилась Вита. – А почему бы тебе не сделать и с моими болячками то же самое?

– Ты-то не бессмертная, – он взглянул на нее с превосходством, но вдруг осекся, сгреб Виту в охапку и приложил палец к губам: – Тсс...

Вита посмотрела в том же направлении и увидела, как воздух близ Миленской чаши колеблется.

– Прячемся, – шепнул Хешшкор.

Они юркнули за выступ скалы и слегка высунули головы. Странные флуктуации воздуха тем временем выявили женскую фигуру, скрытую фиолетовой накидкой. Вите стало стыдно, что из-за своей мелкой стычки они чуть было не пропустили появление неизвестной. В неярком голубом свете барьера Вита разглядела ее лицо: темные глаза, вздернутый нос, тонкие алые губы... Волосы были чернее ночи.

– Миленион, – едва слышно прошептал Хешшкор.

Миленион, бессмертная Тьмы. Покровительница Хафиза. Вита почему-то была уверена, что слышала это имя где-то еще, вне связи с Хафизом. Но сейчас ей было не до копания в памяти.

– Безмозглый старикашка! – гневно произнесла Миленион, топнув ногой. Похоже, барьер и для нее явился неожиданностью. – Ничего умнее он придумать не мог! Я, богиня, вынуждена по милости этого выжившего из ума ночного горшка топтать пешком, как последняя смертная!

Вита почувствовала, что была не совсем права, считая Хешшкора наглым, циничным, высокомерным ксенофобом. Пожалуй, Миленион дала бы ему сто очков вперед по этой части.

Миленион с недовольной гримасой воздела руку, и чаша, преобразившись в кувшинчик, наклонила свой носик до самой земли, и из него, словно сметана из соусника, к ногам богини скатилась дорожка. Миленион вальяжно прошествовала по ней вверх. Вита сжала руку Хешшкора:

– Что же мы стоим на месте? Вот он, путь!

– Она заметит нас, – нерешительно проговорил Хешшкор, глядя на мостик, по которому, будто пава, выступала Миленион.

– Авось не станет оглядываться. Думаю, это ниже ее достоинства. Бегом, а то барьер снова схлопнется!

Они выскочили из укрытия и со всех ног помчались к про-

рехе в барьере.

9. Замок Хафиза

Миленский замок был совсем непохож на Хешшираман. Узкие конусообразные башенки, остроконечные шпили – в духе вздернутого носа Миленион; многочисленные зигзагообразные галереи – вероятно, в духе ее характера. На балконе высокой башни Вита заметила фигуру в большом темно-синем колпаке с подзорной трубой. Несомненно, это был хозяин.

Миленион исчезла, телепортировавшись.

– Надо последить за Хафизом, – предложила Вита. – Мы же не знаем, где он держит мои драгоценности.

Вскоре они, притаившись, стояли под окном большой залы и обшаривали ее глазами. Хешшкор говорил, что в любом другом месте он в два счета определил бы, где находятся магические вещи, не поднимая век, но в замках, подобных Милене, все пропитано магией, и на этом фоне различить что-либо не представляется возможным. По зале из угла в угол расхаживала Миленион:

– Гнусный тупица, червяк! Как только тебе в голову пришло поставить этот идиотский барьер?

– Н-но, госпожа, я опасался, что Виталия может проникнуть сюда со злым умыслом...

Хафиз стоял перед своей повелительницей на коленях и униженно лепетал что-то в свое оправдание. На нем было

то же одеяние, в каком Вита видела его на шабаше в Айфаре: конический колпак со звездами и темно-синяя звездная мантия делали его похожим на средневекового астролога, впечатление усугубляла подзорная труба под мышкой и печать одержимости на сморщенном лице. Голосок его дребезжал, а молитвенно сложенные руки, изъеденные морщинами, подрагивали – то ли от страха перед своенравной богиней, то ли просто от дряхлости. Если верить Фаирате, сто лет Хафизу стукнуло уже давно.

– Это ее ты высматривал в свою трубу, болван? – насмешливо фыркнула Миленион. – С чего ты вообще взял, что она здесь появится, да еще со злым умыслом?

На секунду Вите почудилось, что Миленион – не только стерва, но и полная кретинка. Старик рассудил правильно: раз он похитил принадлежащие Вите ценности, вполне логично ожидать ее визита, когда они ей понадобятся. И уж, конечно, не дружеского визита.

– Ты же сам, бестолковый смертный, говорил мне, что черную работу берет на себя белый выскочка! – Миленион раздраженно высекла каблуком искру из каменной плиты пола. – Если он и впрямь так ее ненавидит, она давно мертва. А если и нет, то мстить будет ему, а не тебе, олух!

– Но, госпожа... – потерянно пробормотал Хафиз.

– Что за наказание иметь посвященным старого дурака! – воскликнула Миленион в гнев. – Лучше бы она укукошила тебя! Тебе все равно скоро помирать. Она и не подумает

на тебя, дурень – если, конечно, этот белый не раздумает ее убивать и не сообщит ей, что это моя идея... Но он мне кажется поумнее тебя, у него мозги еще не ссохлись от древности!

Она не знает, поняла Вита. Миленион ничего не знает об украденном перстне Тюремщика. Она хочет просто уничтожить ее, Виту. За что? Вите были ясны мотивы Лисаана, вступившего в сговор с колдуном Черного Круга ради мести за свое поражение, за свой разрушенный замок, за свой поруганный авторитет. Ей также было понятно желание Хафиза, утратившего от старости способность трезво мыслить, освободить черный Абсолют и тем самым, как он мнил, утвердить торжество Тьмы, которой поклонялся. Но почему ее так ненавидит Миленион? Вита никогда не вмешивалась в дела бессмертных, до сих пор она вообще не слишком верила в их существование. Что такого она могла сделать богине, чтобы та снизошла до мести презренной смертной?

– Ты так и будешь валяться здесь, старая половая тряпка? – Миленион топнула ногой. – Или соизволишь наконец поведать мне, как идут дела? Ты смотрел в зеркало?

При упоминании о зеркале Хафиз заулыбался:

– Конечно, конечно, госпожа, – он живенько, несмотря на преклонный возраст, поднялся с колен и, отряхнув мантию, засеменял мелкими шажочками к одной из дверей, ведущих из залы. – Прошу вас, госпожа, – он склонился в поклоне, пропуская ее вперед, так что нелепый колпак чуть не свалил-

ся с его лысой головы.

Хешшкор сделал знак Вите, и они незаметно последовали за Хафизом и его богиней вдоль галереи – хозяева внутри, а непрошенные гости снаружи. В конце галереи Хафиз, безобразно суетясь, отпер дверь маленьким ключиком, и они прошли в темную комнату. К вящему разочарованию Виты, окон в комнате не имелось. Подглядывать стало невозможно, оставалось только подслушивать. Вита приложила ухо к холодной каменной стене, Хешшкор лишь сосредоточился.

– Прошу вас, госпожа, – снова произнес Хафиз, и в его голоске, приглушенном стенами, послышались нотки гордости. Чем бы ни было это зеркало (а Вита подозревала, что колдун использовал его не затем, чтобы рассматривать в нем свою морщинистую физиономию), Хафиз явно пыжился от того, что оно принадлежало ему.

Миленион произнесла какое-то слово, затем наступило кратковременное молчание, прерванное Хафизом:

– Да, оно и мне показывало то же самое, – пролебезил он. – Замок Фаираты Хешшкора разрушен до основания, моя госпожа.

– Но Виталия жива! – недовольно отметила Миленион.

– Вы же видели, госпожа, им помогает Хешшкор.

Хешшкор закусил губу. Похоже, он не рассчитывал, что Миленион станет о нем известно.

– Да, и это мне не нравится, – резко ответила богиня. – Ты смотрел будущее?

– Нет, госпожа...

– Проклятый придурок! – бросила она и вновь сказала непонятое Витой магическое слово, на сей раз другое.

Вита с любопытством прислушивалась, но услышала только свист втягиваемого меж зубов воздуха и придушенный шепот:

– Нет!..

Спустя миг дверь хлопнула, и Миленион пронеслась по галерее, крикнув Хафизу:

– Будущее надо изменить! Хешшкором я займусь сама.

Вита почувствовала, как напрягся Хешшкор. Казалось, воздух вокруг него заискрился, завибрировал. Бессмертный готовился к схватке с себе подобной.

Но Миленион не выбежала наружу. Посреди галереи она исчезла с легким хлопком.

– Смывась, – со смесью облегчения и удивления констатировала Вита. – Так, а куда направляется старикан?

Хафиз, тщательно заперев комнату, где находилось зеркало, подхватил подзорную трубу и быстренько засеменял к лестнице, ведущей в башню.

– Тут оставаться нельзя, – быстро оценила обстановку Вита. – Он нас сразу заметит. Надо спрятаться в замке!

Она нырнула в ближайшую арку. Хешшкор, еще не до конца сбросивший напряжение – за ней.

– Так я и знал! – запричитал Хафиз где-то наверху. – Это она, она разметала сигнальные камешки вдоль галереи!

Больше некому... Скорее, скорее за перстнем...

Вита и Хешшкор едва успели скрыться в темной нише коридора, когда старик бодренько скатился по винтовой лестнице чуть ли не им на головы и проворно устремился к самой неприметной, невзрачной дверце. Щелкнув замком, он исчез внутри, второпях не потрудившись закрыть дверь за собой. Сообщники переглянулись и, почти бесшумно преодолев расстояние до дверцы, тихонько приникли щеками к косяку.

Хафиз торопливо схватил с резного комода небольшой бархатный мешочек, сунул его под мантию, потом вдруг передумал, достал мешочек, вывалил его содержимое на комод. Вита заскрипела зубами при виде своих драгоценностей, перебираемых чужими костлявыми руками. Вот оно, кольцо Тюремщика. Вите страшно хотелось наброситься на Хафиза, стукнуть его по голове, отобрать кольцо... но делать этого ни в коем случае нельзя. Близок локоть, а не укусишь.

– Ну, зараза! – прошипела Вита. – Хоть бы ненадолго вышел! Чтоб его понос разобрал...

– Похоже, он так и будет сидеть здесь до возвращения своей госпожи, – озабоченно шепнул Хешшкор. – А если и вздумает пойти в туалет, то скорее всего заберет эти финтифлюшки с собой.

– Нужно что-то такое, чтобы он забыл о перстне... Ага! – в голову Вите пришла великолепная идея. – Я знаю! – покопавшись в сумке, она вынула небольшую колбочку, закры-

тую шлифованной пробкой и обернутую в несколько слоев газеты и полиэтилена, чтобы случайно не разбилась. – Держу пари, на это клюнет даже такая развалина, как Хафиз. Значит, так: я отвлекаю колдуна, а ты тихонько забираешь все это магическое барахло, берешь меня и телепортируешь отсюда.

Хешшкор медленно кивнул и скрылся в тень. Вита откупорила колбочку.

10. Приворотное зелье

Сначала вроде бы ничего не произошло. Но вдруг Хафиз потянулся, хрустнув костями, глубоко вдохнул, и ноздри его затрепетали, словно у жеребца, почуявшего добрую кобылу.

– О Миленион, – почти простонал он, тронув амулет на груди.

Внутренний голос, вероятно, нашептывал ему, что дело нечисто, но не было сил сопротивляться настойчивому зову. Хафиз сделал шаг, придерживая рукою заколотившееся сердце, затем другой...

Он вышел из своей каморки и увидел ее. Женщину небесной красоты, в прекрасном платье, мечту его жизни, грезу его снов; от нее буквально веяло сексуальностью. Такого подъема чувств Хафиз не испытывал никогда, даже в пору бурной юности. Он поначалу и не сообразил, что это Виталия. Дивная пери манила его в глубину коридора, и он, не в силах устоять, двинулся к ней, протягивая руки...

Хешшкор скользнул в комнату за спиной Хафиза. Еще какая-нибудь пара секунд... Вот он склонился над комодом, собирая драгоценности в мешочек...

– Фаирата! – вдруг вырвалось у него.

Хафиз обернулся на вскрик и все понял. У Виты замерло сердце. Силуэт Хешшкора начал быстро размываться, как дым на ветру. Только что она видела его искаженное лицо, а

теперь – пустота. Волшебные висюльки рассыпались по полу.
– Хешшкор! – заорала Вита в ужасе. – Хешшкор, нет! По-
дожди, я отдам тебе душу!

Но было поздно.

– Виталия, – Хафиз снова повернулся к Вите. – Я знал, что ты явишься сюда. Твоя затея... хе-хе, – скрипуче рассмеялся он, – не удалась. Но зато...

Слова как будто давались ему с трудом, взор не мог очиститься от затуманенности, в глазах жадно горело желание. Несколько мгновений он боролся с ним, но тело одержало верх над разумом. Колдун сделал еще шаг к Вите.

Она попятилась. Мысли в голове отчаянно метались, не стыкаясь друг с другом. Все провалилось! Хешшкор развоплощен – Фаирата, очевидно, погибла. В полночь Флиф Пожиратель Душ получит власть над миром, и все – живое или неживое – превратится в бездушную, бесформенную, ледяную Тьму. Вита паниковала. Что делать? Что она может сделать одна? Ей так нужен был Хешшкор! Но Хешшкор исчез, оставив ее, растерянную, беспомощную, один на один с сумасшедшим колдуном, у которого кипит кровь и пар рвется из ушей...

Вита уперлась спиной в дверь. На лице старика появилась безобразная улыбка. Вита зашарила вслепую свободной рукой в поисках ручки. Вот она! Дверь подалась, Вита юркнула внутрь, захлопнула ее, поставила колбу с приворотным зельем на полочку, судорожно огляделась. В комнате находи-

лись какие-то шкафы, стеллажи, кровать и небольшой столик. Шкафы выглядели чересчур массивными, ножки кровати оказались прибитыми к полу. Вита подтащила к дверям столик, стала бросать на него сундучки с полок, чтобы баррикада была повнушительнее.

За дверью Хафиз негромко произнес заклинание, и обломки двери, столика и сундуков разлетелись по сторонам. Маг вошел. Вита кинулась к окну, ударила в стекло металлической вазой. Не раздалось даже звона. Стекло спружинило, словно резина, оттолкнув вазу и Виту вместе с ней. Хафиз захихикал.

Затравленно глядя на приближающегося колдуна, Вита выхватила клинок, прятавшийся в складках юбки. Она не хотела убивать Хафиза – ведь тогда она не сможет забрать драгоценности так, чтобы они не потеряли волшебных свойств, – но надеялась, что старик испугается. Увы – за свою долгую жизнь Хафиз достиг гораздо больших знаний и могущества, чем те маги, с кем до сих пор сталкивала ее судьба. Он даже не попытался подойти на расстояние, с которого она могла бы его поразить. Он простер растопыренную руку, пробормотал нечто невразумительное, и Вита, взмахнувшая мечом, так и застыла в этой позе. Тело вдруг отказалось повиноваться ей. Оружие с лязгом выпало из одеревеневших пальцев. Рот не открывался для крика, язык не шевелился.

Хафиз, довольно улыбаясь, подошел вплотную. Ссохшийся, похожий на коричневый кактус, он едва доставал макуш-

кой ей до подбородка и лишь благодаря остроконечному колпаку казался значительно выше. Он поднял дряблую ручку и потрепал Виту по щеке, продребезжав:

– Это ненадолго, красавица. Я предпочитаю, когда женщина двигается.

Вита чуть не задохнулась от возмущения. На щеках выступила краска. Если бы она могла, то плюнула бы Хафизу в лицо и пнула бы его как следует каблуком пониже пупа. Но, обездвиженной, ей оставалось только негодовать.

Хафиз щелкнул пальцами, и незримые силы подхватили ее и понесли к кровати – той самой, с привинченными ножками. Ее безвольные руки раздвинулись в стороны, и она почувствовала тугие веревки на запястьях, а потом – на лодыжках...

Паралич неожиданно прошел. Вита попыталась шевельнуть руками и ногами, но тщетно – теперь они были крепко прикручены к кровати.

– Мерзавец! – прошипела она, давась от ненависти. – Гнусный насильник! Извращенец!

Хафиз сделал недовольный жест рукой, и внезапно звуки перестали срываться с губ Виты. Она открыла было рот с намерением обругать Хафиза позатейливее – ничего.

– Это тоже на время, дорогая, – пояснил колдун, снимая колпак и обнажая бурую шишковатую лысину, – чтобы ты поразмышляла над тем, какие слова более приличествуют столь интимному моменту.

Он навалился на нее, поймал сухим сморщенным ртом ее ускользающие губы, провел скрюченными артритом пальцами по гладкой шее и плечам. Виту передернуло от отвращения. Боже мой, меня изнасилует столетний старикашка! Кто рассказать – не поверят...

– Что здесь происходит? – раздался требовательный женский голос с капризными нотками.

Хафиз с явной неохотой оторвался от сладкого молодого ротика и обернулся. Вита тоже повернула голову, любопытствуя, кто вольно или невольно спас ее от неприятной участи, и сердце, всколыхнувшееся было надеждой, снова упало. Из огня да в полымя, мрачно подумала Вита.

Посреди комнаты, изумленно глядя на своего посвященного, стояла Миленион.

– Вот как? – приблизившись, она окинула Виту взором, в котором читалась нехорошая насмешка. – Ты и впрямь не зря ждал эту птичку, Хафиз. Неужели у вас роман?

Она дернула Виту за подбородок тонкими пальцами, больно оцарапав ее длинным ногтем, выкрашенным черным лаком:

– Нет, конечно же, нет. Зверушка угодила в силоч. Так даже лучше. Белый ублюдок наверняка прикончил бы тебя слишком быстро. А раз ты у меня в руках, я сумею насладиться твоей смертью. Ты заплатишь мне сполна.

За что? – мучил Виту вопрос. К несчастью, лишенная голоса, она не могла его задать.

Миленион заметила клинок Виты, лежащий на полу, быстро подошла и подняла его.

– Ого! – она повернула лезвие краем к свету, покачала его, любуясь бликами. В этом коротком слове прозвучало уважение и восхищение, маскируемое надменностью.

Она ловко рассекла воздух с резким свистом, затем подошла к Вите, поигрывая мечом, как бы шутя приложила холодную сталь к пульсирующей на шее жилке. Вита сглотнула, на лбу выступил пот.

– Что? – зло засмеялась Миленион. – Трясешься, смертная? Наверное, это унижительно – быть зарезанной собственным оружием. Так я с тобой и поступлю... если ты не умрешь раньше, а уж об этом я постараюсь позаботиться. По одному дню пыток за каждый день жизни, который ты у него отняла!

У тебя осталось меньше одного дня, хотела сказать Вита, но немота не давала ей шанса объясниться с Миленион.

– Госпожа... – почтительно вмешался Хафиз. Голосок его был хриплым от возбуждения.

– Ладно, Хафиз, – Миленион снисходительно улыбнулась ему. – Поразвлекайся, ты заслужил награду. Я буду в библиотеке. Позовешь меня, когда закончишь.

Она прошествовала к дверям, замечая пыль развевающихся полами своей фиолетовой накидки. В дверях она обернулась и посмотрела на Виту:

– Желаю приятно провести время.

Ее издевательский хохот затих в глубине коридора.

Открытая колбочка продолжала наполнять комнату флюидами, подчинившими себе существо Хафиза. Едва Миленион переступила порог, он вновь бросился к распятой на кровати Вите, присосался к ней, словно пиявка, алчно ощущая все, что нашаривали его узловатые пальцы. Вита зажмурилась, чтобы не видеть его лицо, может, и бывшее привлекательным век назад, но сейчас совершенно невыносимое. Ее раздирали противоречивые чувства: с одной стороны – гнев, стыд и гадливость, а с другой – не очень уместная в такой момент гордость химика-синтетика за отменное качество продукта. Хафиз представлял собой чудом живую мумию, от него и мужчиной не пахло, только плесенью какой-то... Но даже через его мантию и ворох своих юбок она ощущала, что аппарат колдуна находится в полной боевой готовности.

За окном захлопали кожистые крылья, и по камням заскрябали острые когти. Спасение, встрепенулась Вита. Но спустя минуту дверь распахнулась, и она поняла, что рано обрадовалась. В комнату вбежал Лисаан собственной персоной – белый маг, мужчина лет сорока с умеренной комплекцией, светлой бородкой, длинными светлыми волосами и властным лицом. На нем были узкие замшевые брюки и белая шелковая туника.

– Хафиз, мои люди разметали Хешшираман по камешку, – начал он с ходу, – но Виталии там не оказалось. Она улизнула у нас из-под носа... Хафиз! Это же она!

– Знаю, – огрызнулся черный маг, не прекращая лапать Виту.

– Отойди с дороги и дай мне пустить ей кровь! – гаркнул Лисаан, доставая знакомый Вите меч, и устремился к ним.

– Подождешь, – невежливо ответил Хафиз.

– Ты с ума сошел, старик! – Лисаан схватил его за шиворот, оторвал от Виты и отшвырнул прочь. – Седина в бороду, бес в ребро?

Он занес меч над голой шеей Виты. Та заранее закрыла глаза, прощаясь с жизнью. За свои двадцать пять лет ей не однажды приходилось смотреть смерти в лицо. Но всегда у нее была возможность защищаться. А теперь...

– Нет, – Лисаан опустил меч. – Это и впрямь подождет, – он решительно скинул с себя тунику и начал расстегивать ремень. Зелье подействовало и на него.

– Молокосос! – завопил Хафиз. – Ты еще зелен иметь дело с женщинами!

– А из тебя давно песок сыплется, – презрительно заметил Лисаан, пытаясь задрать Вите все юбки сразу.

– Она – моя! – пронзительно взвизгнул Хафиз и угрожающе повел рукой.

Длинные волосы Лисаана вспыхнули лиловым пламенем. Он выкрикнул контрзаклинание – пламя погасло, – и скатился с Виты, делая какие-то пассы.

Хафиз прогнусавил что-то, и вокруг него образовалась прозрачная сфера, о которую разбились молнии Лисаана.

Тот таким же образом отразил ответный огонь. Бой зашел в тупик.

– Так, да, старый хрыч? – Лисаан рассерженно потянул меч из ножен. – От этого защитный экран тебя не спасет!

Хафиз на удивление ловко отпрыгнул и, схватив клинок Виты, подставил его под удар. Зазвенела сталь. Лисаан, не ожидая от древнего старца подобной прыти, едва успел увернуться от ответного выпада.

Вита смотрела на них, не зная, кому желать победы. На ложе предпочтительнее иметь дело с молодым, но Хафиз, в отличие от Лисаана, не стремился отправить ее на тот свет во что бы то ни стало. Хотя, с другой стороны, Хафиз был заиклен на том, чтобы не дать ей вновь завладеть перстнем Тюремщика Флифа, а Лисаан вроде бы не собирался к Флифу в глотку. И если он убьет Хафиза, то тем самым избавит Виту от необходимости убивать его собственноручно, а значит, она сможет забрать драгоценности, не опасаясь за их магические свойства. Она склонялась к мысли, что, натешившись до изнеможения, Лисаан просто отвалится, и ему придется отложить исполнение своей угрозы. А там многое может случиться...

Разъяренные мужчины кружили по комнате, схватываясь, словно бойцовые петухи. Лисаан превосходил противника в силе и натиске, но Хафиз был много опытнее и коварнее. Оба были ранены, но вид крови не охладил страсти, а напротив, подстегнул. Маги с пеной у рта и выпученными глазами кру-

шили мебель, промахиваясь. Вот Лисаан задел мечом полку, на которой стояла злополучная колбочка, она пошатнулась, опрокинулась...

...и все приворотное зелье в количестве десяти миллилитров, одна капля которого могла бы излечить от импотенции целый полк ветеранов, вылилось прямо на платье Виты.

Колдуны замерли, тяжело дыша и сверкая глазами. Вита съежилась. Ей подумалось, что сейчас они забудут не только, как драться, но и как их зовут, и набросятся на нее вдвоем. Более молодой первым потерял голову. С хриплым стоном он ринулся к Вите, повернувшись спиной к Хафизу.

Но старикан прожил так долго не потому, что щадил своих противников. Сверкнул клинок, и чисто срезанная голова Лисаана отлетела в угол. Из шеи забил красный фонтан; обезглавленное туловище рухнуло на каменный пол, заливая его дымящейся кровью. Губы Лисаана прошептали что-то, но горло, лишённое голосовых связок, не могло издать звука. «Артен», – прочла по губам Вита. Глаза колдуна закатились и остекленели в неестественном положении. Бог Лисаана не помог ему: может, не услышал призыва, а может, давно отвернулся от мага, извратившего идеи Белого Круга, а после и вовсе поправшего их.

Хафиз отбросил меч, даже не потрудившись его вытереть, и быстро прошлепал по скользкому от теплой крови полу к своей цели. Старик задыхался – от усталости ли, от вожделевства ли. Ему было уже не до поцелуев. Он рванул платье, не

ища застежек, серебристая парча жалобно затрещала. Вита почувствовала, как холодные костлявые пальцы больно тискают ее грудь, живот, бедра...

– Убери от нее свои грязные лапы, ты, червяк! – прорычал кто-то, и Вита вздрогнула: голос показался ей неправдоподобно знакомым.

– Хешшкор! – закричала она, вдруг осознав, что опять обрела дар речи.

Это был Хешшкор, и он был в бешенстве. Не пребывая Хафиз под влиянием ударной дозы гормона, он, услышав в голосе Хешшкора звериные ноты или мельком взглянув на выражение его лица, тотчас перерезал бы удерживающие Виту веревки и забился под кровать, дрожа там, как лист на ветру. Но Хафиз уже не владел собой. Его члены не подчинялись одурманенному разуму, он даже не оглянулся, поглощенный тем, как бы не промахнуться мимо вожака местечка.

– Ничтожный смертный! – взревел Хешшкор. – Я испепелю тебя на месте!

– Нет, Хешшкор! – завопила Вита. – Мы не должны его убивать! Скорее бери финтифлюшки и смывайся, ему не до тебя!

– Это я вижу! – рявкнул бессмертный. – И будь я проклят, если позволю этой головешке, этой старой рептилии, этому... этому...

До Хафиза, похоже, дошло, что ему угрожают. Собрав по-

следние силы, он прошептал:

– Миленион... – и зарылся в воздушные юбки Виты.

В комнату ворвалась черноволосая богиня. Глаза ее расширились:

– Хешшкор?!

Они выбросили вперед руки почти одновременно, с кончиков пальцев сорвались шипящие голубые молнии. В одеждах появились прожженные дыры, рты сжались от боли, но ни один не позволил себе охнуть или согнуться. Оба погрузились в предельное сосредоточение, воздух вокруг их фигур наэлектризовался и нервно затрепетал, волосы встали дыбом и расплелись по силовым линиям. Бессмертные смотрели друг на друга не мигая, пытаясь уловить слабинку в защитном поле другого.

– Она не твоя посвященная! – крикнула Миленион. – Почему ты помогаешь этой девке?

Хешшкор немедля ударил в богиню плазменным шаром, разорвавшимся на куски близ ее головы. Чудовищный взрыв ничем не повредил бессмертной, лишь опалесцирующее свечение поля в этом месте ослабло.

– Ты первая начала игру против меня, – прогремел он, стараясь не терять контроль над своей защитой. – Ты чуть не убила Фаирату! Что она тебе сделала?

Его качнуло от электрического удара Миленион.

– Чихать я хотела на Фаирату! Ты мне мешаешь, Хешшкор. Отдай мне Виталию, и я оставлю тебя в покое!

– Скажи своему прихвостню, чтобы выпустил ее и отдал перстень – тогда и будем разговаривать!

– Какой еще перстень? – фыркнула Миленион.

– Перстень Тюремщика Флифа!

– Что? – на ее красивом лице отразилось неподдельное изумление, и она чуть не пропустила удар.

– Ты не понимаешь, во что ввязалась? Твой посвященный сделал все, чтобы Пожиратель Душ сегодня вырвался на свободу! Он украл перстень, он схватил Тюремщицу!

– Я тут ни при чем! – истерично заорала Миленион. Заколебавшись, она бросила взгляд на обезумевшего Хафиза, но тут же ее голос вновь обрел твердость. – Я заставлю его отдать кольцо. Но Черному Кругу придется поискать другого Тюремщика. Виталия умрет!

– Через мой труп, – отрезал Хешшкор.

– Что ж, это возможно, – холодно произнесла Миленион. – Тебе было бы полезно остудиться, болтаясь без тела между небом и землей.

Битва богов продолжалась в молчании. Взрывались плазменные шары, молнии били одна за другой, дрожали стены, качался пол. Вита замирала от страха. Лишь Хафиз не воспринимал ничего вокруг себя. Он не мог остановиться, даже если бы захотел. Организм, отвыкший от подобных перегрузок, пошел вразнос. Старое сердце не выдержало кульминации. Хафиз судорожно всхлипнул, схватившись за грудь, и перестал дышать.

Защита Миленион резко погасла, и богиня начала растворяться в воздухе. Ее тающее лицо было обезображено испугом.

– Убийца! – тонко завизжала она. – Мало тебе было Дарье...

Голос оборвался, физическая оболочка богини исчезла со смертью ее последнего посвященного.

– Дарьен, – прошептала Вита в прозрении. – Дарьен Миленион!

Вот где она слышала это имя! Умный, могущественный маг в расцвете лет, верховный колдун Черного Круга, надежда и опора Миленион в этом мире: ведь Хафиз давно дышал на ладан. Убив Дарьена три года назад, Вита вышибла у бессмертной почву из-под ног. Она убила его, защищаясь – он напал на нее вероломно, желая обогреть кровью Тюремщицы ступени Бетреморогской башни, чтобы запечатать ее навеки. Но обозленной Миленион причины были безразличны.

Изувеченный и обожженный Хешшкор стоял, пошатываясь, в луже собственной крови и смотрел на то место, где только что была Миленион.

– Ха! – вымолвил он наконец.

И провел руками вдоль своих ран, залечивая их и затягивая дыры в одеянии. Потом, бросив последний взгляд в сторону, где лежал модный кожаный кошелек – все, что осталось от богини, – быстро пересек комнату, залитую кровью и заваленную обломками тлеющей мебели и подплавленного

стекла. Он брезгливо скинул на пол труп Хафиза и присел на кровать рядом с Витой.

– Детка, – он нежно погладил ее по затылку, и боль и напряжение покинули ее. Она не стала возражать против того, что он опять назвал ее деткой, только блаженно промурлыкала:

– Хешшкор... Я так рада, что ты вернулся.

– В самом деле? – откликнулся он, целуя ее оголенную грудь.

– Эй, Хешшкор, – нетерпеливо позвала Вита. – Ты не хочешь меня отвязать?

– Отвязать? Зачем? – он состроил удивленную мину, лаская ее тело. – Чтобы ты дала мне еще одну пощечину или отрезала башку своей железкой? Не-ет, милая, я тебя не развяжу. Было бы глупо упускать такой замечательный шанс.

– Ты что делаешь, Хешшкор? – взбесилась Вита. – Маньяк! Мерзкий извращенец! И ты такой же!

– Тебе понравится, детка.

– Я не дет... М-м-м! – замычала Вита, потому что ее губы вдруг оказались заняты, и вскоре новое занятие поглотило ее целиком.

11. Зеркало

Хешшкор собирал в мешочек магические предметы, добавляя к ним и то небольшое волшебное имущество Хафиза, что не разбилось и не попортилось. Вита, подобрав свою сумку и меч, стояла в дверном проеме, опершись о косяк. На ней было новое платье из обтягивающего черного бархата, едва прикрывающее белье: плод очередной фантазии Хешшкора. Голова у Виты слегка кружилась.

Она залезла было в сумку за спасительной фляжкой, но внезапно поняла, что пить ей не хочется. Н-да, подумала она. Когда я в джинсах и майке, стакан в одной руке и сигарета в другой кажутся естественным дополнением. Но если я намерена и дальше носить такие туалеты, как сейчас... Тут нужны другие аксессуары.

– Хешшкор! – встрепенулась она. – Ты думаешь, колдовские финтифлюшки работают? Ведь ты сражался за них! А я... в конечном счете действительно я убила Хафиза.

– Это как посмотреть, – хитро прищурился бессмертный, разглядывая одним глазом подсвечник великолепной работы, валяющийся в углу. – По мне, старый пень сам виноват, что отдал концы. Не ты же его, бедного, скрутила и оттрахала! А я дрался вовсе не из-за магических висюлек, а из-за тебя, детка.

– Я не детка, – неуверенно возразила Вита.

– Все зависит от точки зрения, – было непонятно, сказал Хешшкор эту фразу в ответ Вите или как продолжение своих рассуждений. – Вот, надень, – он протянул ей золотые серьги с прозрачными голубыми октаэдрами, – и проверь какую-нибудь абракадабру.

Вита вдела в левое ухо Искательницу, в правое – Переводчицу, и огляделась:

– Чер... – она хотела выругаться, но осеклась, поглаживая бархатные защипочки на талии. – Какая незадача! Все книги погорели.

Хешшкор пожал плечами, не отрываясь от сортировки драгоценностей.

– А знаешь, чего мне до смерти хочется? – заявила Вита. – Заглянуть в то зеркало, помнишь?

– Еще бы, – хмыкнул Хешшкор. – Я и сам не прочь. Давай я перенесу нас туда.

– Нет, – поморщилась Вита. – Меня мутит от телепортаций. Пойдем пешком.

Хешшкор не стал спорить. Он обхватил ее за талию и повел по коридору. Его шаги и цоканье Витиных каблучков отдавались гулким эхом в каменных сводах. Замок выглядел брошенным. Умер его хозяин, ушла богиня, давшая ему имя. Стены больше не казались полными тайн, и в углах не таилась тьма – лишь пыль и паутина.

Комната без окон была заперта. Хешшкор, вытянув указательный палец, выстрелил молнией в замковый механизм.

Дверь, жалостно скрипнув, приотворилась.

Вита вошла и сразу направилась к огромному зеркалу, стоящему у стены. Оно было прикрыто шелковым фиолетовым покрывалом. Она откинула драпировку и увидела собственное отражение. Да, платье сидело на ней так, словно она родилась вместе с ним. Она чуть повернулась, любуясь изысканным силуэтом, вытянула ножку. Хешшкор наблюдал за ней с интересом.

– Тебе было нужно зеркало для этого? – спросил он.

Вита спохватилась.

– Ох, и правда... Ну, давай посмотрим. Скажи нужные слова.

Он странно посмотрел на нее:

– Откуда мне знать их, милая?

– Ты хочешь сказать...

– Эй, ты же в курсе, что я не всеведущий!

Вита с тоской поглядела на зеркало и разочарованно отвернулась. Ее внимание привлекла картина в медной раме: закатное Солнце освещало молодого черноусого всадника с нагайкой, восседающего на вороном скакуне. Рама позеленела от времени, краски поблекли, а кое-где и вовсе облупились, но портрет был очень красив. Вита с сожалением отвела взор и вздрогнула: непостижимым образом картина отразилась в зеркале, хотя висела на той же стене!

Вита уставилась на изображение в зеркале. Оно двигалось! Чернукудрый красавец джигит скакал по степи, грива

его жеребца развевалась по ветру, по небу неслись облака, наползая на солнечный диск. На горизонте появилась черная точка, она росла с каждым миготом и вскоре оказалась замком... Замок смахивал на Милену, но башен было совсем мало. А на ступенях молодого человека ожидала Миленион. В руках она держала сверток. Джигит ловко соскочил с коня, преклонил колени перед богиней, та торжественно вручила ему сверток. Хафиз – Вита не сомневалась, что это именно он – благоговейно развернул дар: это был остроконечный темно-синий колпак со звездами и такая же длинная мантия.

Миленион вдруг поглядела прямо в глаза Вите из глубины зеркала и отчетливо произнесла:

– Мы еще сочтемся... сочтемся... сочтемся...

И все исчезло. В зеркале снова отражалась Вита, на лице ее было недоумение и легкий испуг.

– Хешшкор, ты слышал?

– А? – отозвался он, внимательно изучая серенький на вид кувшинчик с треснутым горлышком. – Что?

– Да нет, ничего, – пробормотала Вита, проводя пальцем по картине, словно желая убедиться в том, что это на самом деле холст и краска. В углу она разглядела замысловатую подпись художника арабской вязью (Переводчица действовала!) и год написания, начинающийся на 18. Сколько же лет прожил Хафиз, подивилась она.

Странно, но у Виты не было злости на Хафиза. Старый маг сам оказался жертвой проклятого зелья и смертью запла-

тил за последнее в жизни удовольствие. А вот Хешшкор не склонен был прощать покойника.

– Нечего на него пялиться! – сердито гавкнул он, заметив Витин интерес к портрету.

– Почему? – ехидно спросила Вита. – Если бы он и сейчас был таким же, как тогда, меня не потребовалось бы привязывать.

Хешшкор в бешенстве запустил в картину кувшинчиком:

– Что за баба!

Вита ехидно улыбнулась и напонила:

– Пока ты тут старался переплюнуть столетнего деда в постельном искусстве, прошло немало времени. Как ты думаешь, который час в Москве? Что подельывает Флиф? И что с Файкой?

Хешшкор, готовый взорваться, медленно выпустил пар.

– Не знаю точно. Ты права, – признал он с неудовольствием, – надо возвращаться.

12. Развалины

Солнце садилось в развалины Хешширамана. Его огромный полукруг казался багровым из-за большого количества дыма и пыли, поднятого при штурме. Замок был разрушен до основания: ни одной целой башни, ни даже стены. Где сейчас таится Флиф? Вита невольно передернулась. Остро пахло гарью, близстоящие деревья почернели и скрючились, трава пожухла. Саша говорил о том, что Хешшираман стерт с лица земли, но такого Вита не могла себе представить.

Единственной живой душой в округе был Аррхх. Когда они вывалились в пространство, закашлявшись от взвихрившихся туч известки и сажи, змей сообщил, что Фаирата в реанимации. Не тратя время на созерцание жуткой панорамы окрестностей, они сразу махнули в больницу.

В вестибюле околачивался Саша. Костюм его был изодран и выпачкан, весь он пестрел бинтами и пластырями, но журналистского энтузиазма не утратил.

– Ну, рассказывайте, – потребовал он, галантно беря Виту под ручку и жестом приглашая ее сесть рядом с собой на кожаный диван для посетителей.

– Убери руки, – угрожающе произнес Хешшкор.

Саша впервые обратил на него внимание:

– Виточка, это твой новый приятель?

– Познакомься, – вздохнула Вита. – Это Хешшкор.

– Хешшкор Всемогущий? – Саша, обалдев от счастья лицезреть божественную особу, даже перестал гладить Виту по коленке. Вероятно, это и спасло его от перспективы быть превращенным в кучку пепла.

– Он самый, – холодно кивнул Хешшкор, делая вид, что не обращает внимания на ехидную усмешку Виты. – Ну-ка отсыдь на другой конец дивана, напряги мозги и расслабь все остальное.

– К сожалению, у нас нет времени, чтобы обо всем подробно распространяться, – Вита попыталась смягчить его резкость. – Как-нибудь после. Лучше ты нам расскажи, что произошло.

– Лучше не спрашивай, – Саша помрачнел. – Едва спаслись. Нападающие сообразили, что им не прорваться через барьер, разметали весь замок и переключились на нас самих. Да еще это чучело по двору болталось, ну это, на букву Ф... Если б не Фаиратин змий, – почему-то Саша упорно называл Аррхха змием, – из нас точно сделали бы фарш для котлет. И будто мало всего этого, вдруг – бах! – возникает прямо из воздуха какая-то черноволосая стерва, да как шарахнет из ногтей молниями! Змий и развернуться не успел, а гадина уже свалила.

– А Файка?

– Фая в реанимации. Электрический удар, ожоги – мне объясняли, но я... – он, сгорбившись, сжал руками голову. – Нет, я не могу. Извини, если я начну это осмыслять, то вы-

рублюсь. Ее достали из клинической смерти.

– Я догадывался, – угрюмо проронил Хешшкор.

Бедная Файка, подумала Вита. Ее-то за что? Это из-за меня весь сыр-бор. Миленион хотела убить меня. Фаирата просто стояла на пути. Даже не она, а Хешшкор. Миленион использовала ее, чтобы вывести из игры Хешшкора. Сама Фаирата была ей безразлична – так, яйцо в утке, где спрятана смерть бессмертного. Вита утерла злую слезу.

– С ней можно увидеться? – осторожно осведомилась она.

Саша отрицательно помотал головой:

– Даже меня не пустили. Говорят, у нее это... нестабильное состояние. Болевой шок или что-то в этом роде...

– Не пускают! – вздернул нос Хешшкор. – А вот возьмем и перенесемся!

Он взял Виту за руку – она не успела и слова сказать, как они уже стояли у изголовья койки, застеленной сине-зеленым бельем. Отблески кварцевых ламп делали бледное лицо, прикрытое кислородной маской, неестественным, словно неживым. Спутанные рыжие волосы выбивались из-под повязки, переплетаясь с проводами. Медленно жужжали приборы, пищал осциллограф, показывая какие-то кривые.

– Ой, Файка, – тихо прошептала Вита, опускаясь на колени на стерильный пол рядом с подругой, и выжидательно посмотрела на Хешшкора.

Тот склонился над своей посвященной, медленно поднес ладонь к скрытому бинтами лбу, обеими руками провел

вдоль щек, потом аккуратно сдвинул простыню. Вита уткнулась лицом в безжизненно свисающую руку с тонкими пальчиками и наманикюренными ногтями. На ее долю и так выпало достаточно. Она не могла заставить себя смотреть на обугленные дыры в теле молодой колдуньи.

– Что вы тут делаете?! – у некстати вошедшей медсестры брови поползли вверх, а челюсть – вниз.

Хешшкор рванул Виту, и она прикинула, что по числу телепортаций за сегодняшний день может угодить в книгу Гиннесса. До них донесся изумленный возглас:

– Смотрите, паралич прошел! Она сама дышит!

Голос стих, а навстречу повалил вонючий дым.

Сейчас Вита сидела под обгоревшим кустом на журнальном столике с обломанными ножками и озираала безрадостную картину, пытаясь собраться с силами перед поединком с Флифом. За спиной свернулся Аррхх, в его пурпурных глазах читалась неподдельная скорбь о былом и тревога за будущее. Хешшкор возвышался чуть поодаль, последние красные лучи Солнца делали его похожим на бронзовую статую. Под его почти осязаемым взглядом на месте старой росла новая Бетреморогская башня – росла из ничего, будто сам воздух сгущался и окаменевал, подернутый инеем. Нарушение второго закона термодинамики, машинально отметила левая половина мозга Виты. Правая же наблюдала за трудом Хешшкора с безмолвным восхищением.

Вита со скрипом протянула руку и поворошила угли до-

горающего в опустившейся темноте костерка. Еще полчаса назад здесь ощущалось тепло недавнего пожара, а теперь даже костер не согревал заледеневшие конечности. Холод был не майским, неестественным. Это Хешшкор черпал энергию из окружающей среды. Вот так и замерзну здесь, с тоской подумала Вита. И никакого Флифа не надо.

Она вдруг осознала, что если и не замерзнет насмерть, сидючи сиднем, то затекшие, одеревеневшие мышцы уж точно подведут ее в решающий момент. Она тяжело разогнула спину и, поднявшись, сделала несколько нехитрых упражнений. Кровь веселее побежала по жилам. Когда руки снова обрели твердость и чувствительность, необходимую для того, чтобы не порезать случайно саму себя, Вита вынула из ножен клинок, размахнулась, рубанула со свистом черный куст...

Сзади, Виталия, неожиданно возник голос Аррхха прямо под черепной коробкой.

Она молниеносно развернулась, занося меч для удара, но тела, которое можно было бы пронзить мечом, не увидела. На нее напоззали сгустки бесформенной Тьмы, они тянулись к ней своими клубящимися отростками, словно когтистыми лапами. Холод вновь охватил члены. Вита узнала их: чудовищные порождения Флифа, в такие пятна абсолютной черноты и холода превращались те, чью душу высосал Пожиратель. Таким черным сгустком стал восемь лет назад ее Лешка, решивший вступить за свою любимую и бросить вызов Флифу... Флиф использовал их как продолжение самого се-

бя. Они были так же опасны, как и он сам, разве что размером поменьше.

Усилием воли Вита стяхнула с себя оцепенение, подняла руку с синим перстнем на пальце, горящим глубоким внутренним огнем. Темные тени частью застыли, частью метнулись прочь. Но с другой стороны надвигались следующие. Сегодня у Пожирателя было много жертв – те из нападавших, кто избежал гибели от огня, меча и заклинаний Фаираты, могли бы позавидовать своим мертвым товарищам. Могли бы – если бы у них оставались чувства. Но теперь это были не люди. И даже не существа. Куски Тьмы. Спереди, сзади, справа, слева... Еще и еще...

До полуночи оставался час.

13. Полночь

Хешшкор встревоженно оглянулся. Почти оформившийся каменный блок, вышедший из-под его контроля, рухнул, подняв тучу пыли.

– Тебе нужна помощь!

– Я справлюсь, – отрубил Вита сквозь стиснутые зубы, кружась на месте с высоко поднятой правой рукой.

– Ты не выдержишь, – умоляюще произнес Хешшкор. – У тебя не останется сил для схватки с... с...

– Чем ты можешь помочь? Ты сам говорил, бессмертные Тьмы не властны над Тьмой.

– Да, я бессилен перед Пожирателем Душ. Но я могу дать силу тебе! Стань моей посвященной – сейчас, пока еще не поздно. Ты получишь все, что у меня есть и чем я сам не могу воспользоваться!

Отчего бы не приобрести силу, мелькнула в голове предательская мысль, тем более когда ее столь настойчиво предлагают. Берегись чужой силы, тотчас пришла мысль иная. Вместе с чужой силой получишь и чужую слабость. Лучше обойтись своим. Разве она до сих пор не справлялась сама?

– Делай свою часть работы, Хешшкор, – она мотнула головой, стряхивая с лица мешающие пряди волос. – К полуночи Бетреморогская башня должна быть готова. А я уж сделаю свою.

Бессмертный покачал головой, глядя на нее со смесью разочарования и неподдельного уважения. Потом вновь повернулся к недостроенной башне.

Вита пятилась, водя кольцом и глазами, чтобы не упустить ни одного передвижения злобной Тьмы. После диалога с Хешшкором она поверила в свои силы; иррациональный ужас испарился, пришло спокойствие. Не полный расслабленный покой – напряженное, холодное спокойствие бойца. За спиной был Аррхх. Он не вмешивался, но тени Флифа обходили его стороной. Вита не волновалась за тыл. Главное – не допустить ошибки. Не дать себя провести. И не поддаваться страху. Она передвигала кольцо в устоявшемся экономном ритме. Влево. Вправо. Дугой сверху, и сразу вниз. Полукруг дымящихся чернотой порождений Пожирателя сужался, но медленно, гораздо медленнее, чем поднималась на небесах Луна.

Вот она зависла прямо над Хешшираманом, красноватая, задымленная, круглая, как подгоревший блин. Откуда-то слева повеяло могильным холодом. Холод впился в тело, стремясь заморозить, обездвижить, сделать жертву беспомощной. Флиф Пожиратель Душ отнюдь не стремился подчиниться Тюремщику. Человек с недостаточной силой воли мог бы проиграть этот бой и быть поглощенным черным Абсолютом.

Тело едва слушалось команд мозга. Душа трепетала на тонкой нити, готовой разорваться. Но Вита, призвав на по-

мощь все свои силы, боролась с неестественным оцепенением. Кольцо на пальце казалось многотонным грузом, но, рыча сквозь зубы от напряжения, она медленно, сантиметр за сантиметром, подняла руку с перстнем, пылающим сапфировым огнем. И его блеск парализовал Флифа. Его дымная громада застыла в отдалении черным камнем, и мелкие ступки Тьмы окаменели вместе с ней. Струящиеся потоки темной материи замерли.

Вита левой рукой стерла со лба пот.

Не забудь о клятве, Виталия-Сама-по-Себе, голос Аррхха тайком вполз в мозг. На сей раз тебе придется принести ее самой.

Вита и впрямь чуть не забыла, что Тюремщику Флифа, дабы заточить его и держать надежно запертым в Бетремо-рогской башне, необходимо отказаться от какой-нибудь мирской радости. Раньше это делала за нее Фаирата. Но сейчас рыжая колдунья не могла не то что дать обет, а даже открыть глаза. Что ж, у Виты были в запасе сомнительные наслаждения, которыми она могла бы пожертвовать.

– Я, Виталия Сама-по-Себе, клянусь, – громко провозгласила она, и ее голос разнесся над развалинами замка, – что как Тюремщица Флифа отказываюсь курить во веки веков! Возвращайся же туда, где ты должен находиться, светом полной Луны заклинаю тебя!

Ничего не произошло.

Может, курение не входит в список важных мирских ра-

достей? Ладно, она помнила, что обет, который в прошлый раз давала Фаирата, подействовал отлично.

– Клянусь, что не буду никогда в жизни употреблять спиртное! – сказала Вита.

Ничего.

В душу стал просачиваться страх.

– Аррхх! – паническим шепотом позвала Вита. – Я не понимаю!

О Виталия-Сама-по-Себе, столь же умная, сколь и глупенькая... В мысленном голосе Аррхха слышалась снисходительность. Ты не слишком дорожишь этим, не так ли? Жертва Тюремщика должна быть жертвой.

И в самом деле, согласилась Вита, понутив голову. Она и так собиралась бросить пить и курить. Тогда что? Не есть сладкого? Но она почти не употребляет сахара, это тоже не будет для нее большой потерей. Не смотреть телевизор? Она и не помнила, когда смотрела его в последний раз. Не одеваться? Ее упрячут в сумасшедший дом, к тому же зимой сдержать эту клятву невозможно.

Она вдруг поняла, чего от нее ждут, и ей стало невыносимо горько.

– Я обещаю, – тихо произнесла она, – во имя заточения Флифа отказаться от того, чего желаю больше всего на свете. От человека, который заменил бы мне... – пересилив себя, она продолжила после небольшой паузы: – моего Лёшку, выпитого Тьмой... который заменил бы Дэна Ши, принявшего

смерть по моей вине... Я больше не буду его искать. Вот мой обет.

Овеществленная темнота осыпалась черным прахом на черную почву и, подхваченная внезапно налетевшим вихрем, исчезла в узких окнах Бетреморогской башни.

Вита стояла, опустив глаза, не замечая ночного холода, коварно подкрадывающегося к ее телу, покрытому остывающим потом. Она не слышала, как подошел Хешшкор, лишь почувствовала, что кто-то заботливо укрыл шерстяной узорчатой шалью ее озябшие плечи. Из горла вырвался не то хрип, не то стон; она уткнулась в грудь Хешшкора и разрыдалась.

– Что ты, детка, – бессмертный растерянно гладил ее дрожащую спину. – Не плачь. Ты же не плакала, когда в тебя палили из огнеметов, когда тебя рубили мечами, когда грозили пытками и смертью... Ты не плакала, когда на тебя ползли тени Флифа, когда явился он сам – самое жуткое, что могут увидеть человеческие глаза. Чего ж ты теперь плачешь? Все уже позади. Все будет хорошо.

– Не будет, – всхлипнула она. – Всю оставшуюся жизнь я обречена провести одна! Это называется – все хорошо?

– Детка, ты и оглянуться не успеешь, как пролетят твои жалкие сто лет... О, что я говорю! – спохватился Хешшкор, но Вита, кажется, и не слышала его. – Послушай же, милая! – он затряс ее. – Ни один мужик не стоит твоих слез, как бы он

ни был хорош. Да ты и не останешься одна. Я буду с тобой. Я люблю тебя. Я сделаю тебя счастливой...

Вита отстранилась, посмотрела ему в лицо мокрыми от слез глазами, закусила губу.

– Да брось ты, Хешшкор. Ты не понимаешь. Это все проклятый гормон, приворотное зелье.

– Ха! – презрительно отозвался он. – Это человеческий гормон, а я не человек. Он на меня не действует. Я в самом деле тебя люблю.

– Тем хуже, – прошептала Вита срывающимся голосом. – Значит, я должна от тебя отказаться. Держись от меня подальше. А то ведь я могу не совладать с собой, и Флиф вновь вырвется на свободу.

– Флиф никуда не денется, – засмеявшись, Хешшкор крепко прижал ее к себе, не обращая внимание на ее попытки трепыхаться. – В любой клятве можно отыскать лазейку. Ты сказала: «отказываюсь от человека». А я бессмертный, – он гордо поднял голову. – Я – не человек!

– Повтори-ка еще раз, – неожиданно потребовала Вита, прекратив сопротивление. Лицо ее прояснилось. – Вот уж не предполагала, что подобные слова когда-нибудь настолько меня обрадуют!

– Ты в самом деле рада? Ну скажи скорее, что будешь моей!

– Да, – блаженно промолвила она, закрывая глаза, на которых еще блестели капельки. – Я буду твоей, Хешшкор. То

есть, – поспешно поправилась она, – душу я тебе не отдам, и не проси. Но тело – с превеликим удовольствием.

– Ага! – довольно воскликнул Хешшкор. – Я знал, что тебе понравится!

Их губы соединились. Аррхх отвел в сторону свои пурпурные зрачки и скользнул прочь.

14. После полуночи

Воздух рядом со скрюченным стволом вдруг засветился, и из сияния сформировалась стройная высокая женщина лет тридцати пяти с прямыми каштановыми волосами, струящимися по темно-серому плащу, и с холодным взглядом карих глаз. Немира Деадаргана, верховная колдунья Черного Круга, прибыла в Хешшираман в точно назначенный срок. Неделю назад они договорились с Виталией, что сегодня Немира сможет получить свой заказ. Но, едва вывалившись в обычное пространство, колдунья усомнилась, туда ли она попала. Вместо мерцающего замка, прячущегося в зелени леса и буйстве трав, кругом расстилалась выжженная дымная пустыня и груды закопченного щебня и мусора. Что ж, внепространственный перенос иногда давал сбои, особенно вблизи магических барьеров и прочих защит. Немира уже хотела пожать плечами и попробовать еще разок, когда взгляд ее упал на башню очень знакомых очертаний, освещенную багровой Луной. Да, это была Бетреморогская башня. Значит, колдунья действительно находилась в Хешширамане. Но весь остальной замок и лес словно языком слизнуло!

– Деадарган, – прибито прошептала Немира, дотрагиваясь до висящего на шее амулета. – Что здесь случилось?

Она огляделась повнимательнее, и ее внимание привлек шум за не до конца сторевшими кустами. Волшебница обо-

гнула почерневшие заросли, да так и застыла. Конечно, она ожидала встретить здесь Виталию, но не в таком же виде... На ней была одежда, которую Немира и помыслить не могла увидеть на этой резковатой даме, не расстающейся с мечом: чудесное облегающее платье из нежного бархата... Впрочем, Немира не решилась бы утверждать, что та одета – роскошное платье было бесстыдно задрано и порвано в наиболее интересных местах, чему весьма способствовало то, чем занималась Виталия. Расположившись на колченогом обугленном журнальном столике, она самозабвенно ласкала красивого мускулистого парня с орлиным профилем и великолепными черными волосами, рассыпавшимися волнами по его и ее плечам.

– Деадарган! – воскликнула Немира, не сдержавшись. – Что происходит?

Мужчина лениво повернул голову и утомленно проговорил:

– Ты обозналась, смертная. Я Хешшкор.

Верховная колдунья глупейшим образом разинула рот, и лишь кстати подвернувшийся пенек спас ее от падения прямо в пыль.

– Проваливай, – неприветливо произнес Хешшкор. – Не видишь, мы заняты.

Обалдевшая волшебница собралась было тихо исчезнуть, дабы не пробуждать божественного гнева, но Виталия заметила ее.

– Нечего сказать, вовремя, – проворчала Вита, отстраняясь от любовника и приводя в порядок одежду, насколько это вообще было возможно.

– Да ну ее, – Хешшкор попытался ее удержать. – Пусть убирается.

– Мы с ней договаривались, – возразила Вита, решительно отводя его руки.

Как только она смеет перечить бессмертному, подумала Немира с ужасом, а вслух сказала:

– Я пришла за зельем, Виталия. Но сейчас меня интересует даже не это. Что тут произошло?

– Что произошло? – переспросила Вита. – За пять минут не расскажешь. Замок раздолбан в порошок, Фаирата в реанимации, Флиф чуть не получил свободу... Ты этого не знала, Немира? – она увидела, как расширились глаза колдуньи.

– Ф... Пожиратель? – понизив голос, Немира уставилась на Бетреморогскую башню, одиноко возвышающуюся над пейзажем разрухи. – Как он смог вырваться? Мы же запечатали башню на века! Ты, – она вперила обвиняющий взгляд в Виту, – это ты виновата! Твоя некачественная кровь! Тебя следовало... – волшебница осеклась: клинок будто сам прыгнул в руку Виты. И где она ухитрилась его прятать? Вроде только что была почти голой...

– Это что за шутки? – грозно поднялся Хешшкор. – Я испепелю тебя, дерзкая колдунья!

– Качество крови, – сухо проговорила Вита, поигрывая

пальцами по костяной рукояти, – вряд ли зависит от того, откуда она взята. В ней те же эритроциты и лимфоциты, даже группа и резус-фактор такие же. Но если бы ты и была права, поймать меня второй раз на эту уловку не удастся. Попробуй-ка добыть мою кровь, Немира! Сложишь голову вслед за Дарьеном.

Три года назад на шабаше в Деадарге, после того как пришел ее срок и Бетреморогская башня была запечатана, как полагается, теплой кровью Тюремщика, колдуньи и маги метали громы и молнии. Называли ее пошлой, циничной девчонкой, а то, что она сделала – осквернением магического действия. Но никто не осмелился принять ее вызов и попытаться пролить ее кровь из сердца или горла.

– Ты надеешься, что тебе поможет могущественный покровитель, – пылливо посмотрев на Виту, поджала губы волшебница. – Ведь ты, кажется, уже не Сама-по-Себе? Тебя следует называть Виталия Хешшкора? Берегись, боги переменчивы. Как бы твой господин сам не пригвоздил тебя сталью к стенам башни во имя того, чтобы Флиф никогда не побеспокоил этот мир!

Вита фыркнула.

– Хешшкор мне не господин, Немира. Но я тебя порадую. Вы можете считать свой долг мне оплаченным.

Черный Круг не смог расплатиться с ней за ту работу. Тогдашний верховный маг Дарьен собирался убить ее, а потому спокойно дал заведомо невыполнимое обещание найти

для нее идеального мужчину. Неоплаченный долг висел над Черным Кругом, как дамоклов меч. Немире даже снились страшные сны, что Виталия ставит колдунов на счетчик, что она наняла профессиональных выколачивателей долгов...

– Я нашла того, кто мне нужен, – сказала Вита. – А поскольку он имеет отношение к Черному Кругу, то можешь сделать вид, что выполнила обязательство Дарьена.

– И оставь нас наконец в покое, женщина! – вмешался Хешшкор, подойдя сзади и нежно обняв Виту.

Странно взглянув на Виту и Хешшкора, Немира щелкнула пальцами и исчезла в сверкающем облаке.

Интересно, который теперь час, подумала Вита, отстраненно наблюдая, как облако потихоньку рассасывается. Больше суток прошло без сна... Усталость, изгнанная Хешшкором из ощущений, но подспудно копившаяся в теле все это время, навалилась свинцовой тяжестью. Смахнув осевшую пыль, она плюхнулась на журнальный столик.

– Хешшкор, я чертовски... – она смутилась и исправилась: – жутко хочу есть. И спать. Я устала, как собака, – призналась она. – Раз уж нам не найти приюта в Хешширамане, может, отправимся ко мне?

– Почему это нам не найти приюта в Хешширамане? – спросил он.

– Но ведь он разрушен... – глаза у Виты слипались; она помассировала ладонями виски.

Хешшкор обвел безрадостную панораму рукой:

– Ты это называешь Хешшираманом? – в его голосе слышалось удивление и доля насмешки. – Да это – блеклая пародия, это – сортир... Я покажу тебе настоящий Хешшираман! Вдохни-ка поглубже, и через минуту ты думать забудешь об этих развалинах.

Опять телепортация, поморщилась Вита. И как я не догадалась положить в сумку таблетки от тошноты?

15. Конец сна

Солнечный лучик игриво коснулся ресниц; они затрепетали, и через секунду Вита открыла глаза. На небе в поэтическом беспорядке висели звезды, Солнце, полная Луна... Нет, уж это совсем ни к чему, подумала Вита. Луна растаяла.

Мягкое ложе располагалось прямо среди высокой зеленой травы под благоухающим розовым кустом. Вита скосила глаза – Хешшкора, конечно, рядом не было. Бессмертные не нуждаются в сне. Это к лучшему, подумала она, можно убрать розы. Почему Хешшкор помешан на розах? Чего доброго, уколется можно. Сирень, к примеру, куда безобиднее.

Розовый куст медленно трансформировался в сиреневый. Вита протянула руку, взяла из воздуха яблоко, лениво надкусила его. Взгляд упал на тонкое, изящное предплечье. Боже, я совсем потеряла форму! – возопил внутренний голос. Где мои мышцы? И где, кстати говоря, мой меч, с которым я поклялась не расставаться ни при каких обстоятельствах?

Клинок тотчас подплыл, лег рукоятью в ладонь. Хотя это радует, подумалось Вите, но стыд не прошел. Она не вспоминала об оружии неделями. Надо же так позорно расслабиться!

Злая на саму себя, она проделала несколько упражнений с мечом. Отвыкшие мышцы жалобно заныли, но это взвинтило ее еще больше. Она посрубала с сиреневого куста все

ветки, потом – со следующего. Остановилась лишь тогда, когда пот заструился по спине и лицу, а собственное дыхание вызвало ассоциацию с паровозом.

– Дождь! – потребовала она.

В небе образовалась прореха – приблизительно метр на метр, – и оттуда на Виту хлынула теплая вода с обильной мыльной пеной. Она зажмурила глаза. Через минуту мыло пропало, и вода стала почти ледяной, а потом иссякла. Солнце засияло ярче и жарче, Вита с удовольствием подставила ему мокрые бока. Из ниоткуда появилось тонкое шелковое платье, подлетело к ней; Вита хотела было по привычке позволить ему самому улечься на фигуре, но тут же нахмурилась. Нет, так дело не пойдет.

– Брюки! – распорядилась она в пространство. – Майку, куртку, кроссовки.

У ее ног тут же образовался ворох одежды. Она оделась сама, приладила ножны так, чтобы не слишком бросались в глаза под курткой, и отправилась искать Хешшкора. Настала пора сообщить ему кое-что важное.

Он сидел на скальном выступе над обрывом, внизу живописно плескалась речка, извиваясь змеей меж узких берегов. Вчера еще никакой речки здесь не было. Впрочем, Вита до сих пор сомневалась, что значит в Хешширамане «здесь» и «вчера».

– Как спалось? – спросил он, не оборачиваясь, почувствовав ее присутствие.

– Отвратительно, – сказала Вита.

Он повернулся к ней, удивленно уставился на ее одеяние.

– Что с тобой, детка? – где-то в глубине зрачков тлело понимание, но он боялся дать ему проникнуть на поверхность.

– Хешшкор, – промолвила она, садясь рядом с ним, – я пришла попрощаться.

Близость любимого, тепло его крепкого тела поколебали ее. Легко сказать: «Прощай, я ухожу», когда любовь кончилась или вовсе не была любовью. Гораздо сложнее, если сердце кричит: «Останься, забудь обо всем, люби его!», а разум останавливает: «Пропадешь». Потому она и не стала начинать с ничего не значащих фраз и уж тем более с объятий. У нее не хватило бы духу сказать это, если бы она промедлила.

– Нет! – вырвалось у Хешшкора.

Вита грустно накрыла его ладонь своей:

– Извини, милый. Не обижайся, если можешь. Мне и самой не хотелось бы с тобой расставаться. Я и сейчас повторю то же, что говорила тогда: ты – тот, кто мне нужен. Но...

– Куда ты пойдешь? – печально проговорил Хешшкор. – В этот земной мир, полный грязи и опасностей?

– Это мой мир, – она улыбнулась одними уголками губ. – Твой Хешшираман – просто чудо, лучшего не пожелаешь... на время отпуска. Но я не могу провести всю жизнь в этом раю. Сколько я живу здесь? Я уже не та, что прежде. Я теряю себя.

– Можно все изменить, – предложил Хешшкор. – Только

скажи, что? Я знаю, ты не выносишь роз. Так давай уберем их!

Вита покачала головой:

– Хешшкор, ты хоть понимаешь, о чем я? Мы слишком разные, дорогой. Нас тянет друг к другу, как плюс и минус. Но что происходит, когда они соединяются? – она посмотрела ему в глаза. – Они исчезают. Были – и нету. Возможно, ты не заметил: ты слишком привык к тому, что мир стремительно меняется, а ты остаешься прежним. Но ты изменился, как и я. Нет, я должна уйти. Иначе... ты сгоришь, а я растворюсь.

– Может быть, еще немного повременишь? – почти просяще произнес Хешшкор.

– Нет, – она отрицательно мотнула головой, и движение отозвалось болью в сердце. – Не могу. Видимо, бессмертные устроены иначе. Вы годами, веками можете предаваться размышлениям и развлечениям в своих раях, а когда наскучит или приспичит, обратить взор на наш мир, грязный и опасный, свершить поступки, которые назовут божьими деяниями – и обратно. А для нас неестественно сидеть под яблоней и смотреть со стороны, как время проходит мимо. Наши мышцы ветшают, глаза теряют зоркость, мысли расползаются, душа сохнет... Наверное, наш несовершенный мир дан нам, чтобы мы не расслаблялись, – Вита улыбнулась. – Чтобы не ржавели.

Хешшкор помолчал, потом сторбился.

– Как же я без тебя? – так и спросил: не «как же ты без меня?», а «как я без тебя?»

– Ты прекрасно жил без меня многие тысячи лет, – напомнила Вита.

– Чего стоит моя прошлая жизнь, – горько усмехнулся он, – если ее перевернул всего один день?

Белесое небо плакало противным предосенним дождем, ветер гнал по лужам опавшие листья. Панельные дома казались еще более серыми и заляпанными, чем обычно. Улица была пустынна, и никто из немногочисленных прохожих не заметил внезапного появления коротко стриженной молодой блондинки в спортивных брюках и куртке и красивого высокого брюнета, одетого, как рок-звезда. А если и обратили внимание на колоритную пару, то наверняка подумали, что они просто только что вышли из-за угла дома.

– Ты не передумаешь? – спросил он, и надежда почти не слышалась в его голосе.

– Нет, – мягко ответила она. – Мы ведь все уже решили. Скоро осень, меня ждет работа. А тебя...

– Бесконечные тоскливые годы, – продолжил он и криво улыбнулся. – Кажется, я начинаю завидовать смертным.

– Не кисни, – подбодрила его она. – О прошлом надо не тосковать, а вспоминать все лучшее и снова радоваться. Знаешь что? Давай сфотографируемся на память.

Он почему-то смутился, но девушка, не давая ему вста-

вить слово, увлекла его к кабине моментальной фотографии. Они отсутствовали минуту; она вышла первой, засовывая карточку в сумку, он – за ней. Он хотел что-то сказать, но промолчал.

Она резко остановилась и обернулась.

– Пусть мы и расстаемся, но знай: я люблю тебя, Хешшкор.

– Если бы ты стала моей посвященной, – пробормотал он, глядя вниз, – то могла бы вызывать меня, когда только захочешь.

Она посмотрела на него с упреком:

– Ты ведь знаешь, что я отвечу.

– Знаю, – кивнул он. – Прощай, Виталия, Которая Гуляет Сама по Себе. Береги себя.

Он прижал ее к груди, и они целовались долго-долго на зависть сумрачным невыспавшимся людям, наблюдающим за ними с автобусной остановки. Потом он зашел в подворотню, чтобы больше не вернуться.

По лицу Виты стекала вода: то ли дождь, то ли слезы – она не могла бы поручиться. Что ж, она ни о чем не жалела. Ни о том, что прихотливая судьба свела их вместе, ни о том, что развела. Грусть – это всего лишь настоящее, оно мелькнет и станет прошлым. Воспоминание об этой грусти растворится в светлой памяти о счастье. Что бы ни было впереди, жизнь прожита не зря, и память всегда останется с ней. Вита полезла за фотокарточкой, на которой уже должно было про-

явиться изображение.

Одна фигура – первое, что резнуло глаза. Одна, а не две. Перед объективом стояла только женщина с отчаянным и решительным видом – стояла не по центру, а чуть с краю, так что справа оставалось пустое место.

Она вдруг остро почувствовала пустоту за правым плечом.

И подумалось: а может, это был красивый сон?

Что ж, пусть так. Все равно. Никто не отнимет у нее эту любовь – какая разница, была она во сне или наяву?

16. Проценты

Буйный грозовой ветер ворвался в узкое окно каменной башни, смел толстый слой пыли с фолиантов, беспорядочно лежащих на столе, взвихрил пожелтевшие от времени страницы с рваными краями. Немира вбежала, путаясь в длинной накидке, с усилием захлопнула ставни. Взгляд ее упал на разоренный стол.

Ветер открыл колдовскую книгу на разделе предсказаний будущего. Здесь можно было прочесть о глобальных событиях, которые с большой вероятностью должны произойти в ближайшем будущем: катастрофах, рождении звезд, гибели цивилизаций... Волшебные книги, особенно древние, отличались характером: даже если читать их подряд, страница за страницей, содержание никогда не будет таким же, как в прошлый раз, а некоторые разделы не появлялись почти никогда. Такие, например, как этот.

Немира, откинув рукой со лба длинные прямые волосы, опустила в кресло, внимательно глядя в книгу. То, что этот практически недоступный раздел открылся сам собой, именно перед ней и именно в данный момент, едва ли было обычным совпадением. Информация о будущем не дается просто так.

Вот оно!

«В грядущем году, – записи в книгах магов всегда при-

урочивались к настоящему времени, и вряд ли кто мог объяснить, как это получается, – в конце зимы родится бог Черного Круга, имя коего будет прославлено в веках».

Колдунья задержала дыхание. Новый бог! Что он принесет Черному Кругу и всем живущим? Раздоры и ненависть? Сплоченность и славу? Новые боги появляются редко, а рождение их перевертывает мир вверх дном. Каждый помнил, чего стоило миру рождение сына у одного из великих богов Белого Круга. Землю захлестнуло кровью в войне за посвященных, заволокло дымом костров, на которых сжигали магов, затянуло сетью новых храмов, куда, как в паутину, попал весь континент...

Вы заплатите, пришли слова из далекого прошлого. Не знаю как, не знаю когда, но заплатите!

Мы в расчете, сказала Виталия.

Боюсь, проценты с этого долга превысят возможности Черного Круга, озабоченно подумала Немира.

Часть 2. Цена бессмертия

Малыш таял на глазах. Наверное, ему не следовало покидать материнское чрево. Его плач, громкий и сердитый поначалу, становился все жалобнее и тише, а личико бледнело и казалось уже прозрачным.

Не выживет, со знанием дела покачала головой опытная акушерка, укладывая в соседний бокс новорожденную девочку.

Малыш почувствовал взгляд. Неумелый, расфокусированный взгляд младенчески-голубых глазенок лежащего рядом спеленутого существа с помятым синеньким лобиком и мокрыми коротенькими светлыми прядками на нем.

Девочке было плохо. Почти двадцать часов кошмара, в течение которых ее крохотное хрупкое тельце давили, мяли, тискали, потом вдруг ослепительный свет, сделавший глазкам больно; она хотела закричать от этой боли, но не могла – не могла вдохнуть, шейка была туго перетянута. От удушья у нее снова потемнело в глазах... Темнота наконец отпустила, и она увидела маленького умирающего мальчика.

Она еще не понимала, что это маленький мальчик, что он умирает. Но она знала точно: первое, что она увидела в своей жизни – это самое важное, самое дорогое, самое любимое. Это тот, для кого она появилась на свет. Ее ли вина, что это оказалась не мама?

Ее взгляд, полный любви, зацепил малыша, не дал ускользнуть в небытие. Он повернул непослушную, такую тяжелую головку и тихо улыбнулся девочке.

1. Виталик

Вокруг песочницы было шумно. Катенька в аккуратном платьице, склонив русую головку, делала куличики-грибочки, Виталик катал между ними машинку. Играя, они и не заметили, как песок закрыла грозная тень Вовки-забияки. Вовка был крупнее всех в группе и прекрасно сознавал это. Вот он, ковыряя в носу и ухмыляясь, раздавил ногой куличик. Катенька ахнула.

– Иди отсюда, жирный! – крикнул Виталик. – Мы с тобой не играем!

– Сам иди, недомерок, – прогундосил Вовка, хладнокровно разрушая еще один куличик. – Как дам в нос!

Катенька заплакала.

Что-то прорвалось у Виталика внутри. Ему надоело, что его зовут недомерком – пусть он и ниже всех ровесников; ему надоело, что изо дня в день этот верзила Вовка обижает всех ребят; он не мог больше видеть Катенькиных слез. Он встал с корточек, кипя от гнева:

– Ты... ты... чтоб ты сгорел, гад! – и для большей убедительности ткнул в негодея пальцем.

С пальца сорвался огонь. На Вовке вспыхнули шорты.

– Это ни в какие рамки не лезет! – кричала воспитательница. – Ваш сын опасен для общества! Прямо бесенок ка-

кой-то! Вам еще повезет, если Володины родители не предъявят иск!

Они с мамой шли домой после выволочки. Мама хмурилась, кусая губу, Виталик глядел под ноги, боясь поднять на нее глаза. Он хотел, как лучше...

Засигналил мамин сотовый телефон.

– Алло! – буркнула она в трубку.

– Виточка, как хорошо, что я тебя нашла! – это был голос бабушки. – Поговори, пожалуйста, с Валюшей, деточка. Она попала в дурную компанию, якшается с какими-то сатанистами. Может, она тебя послушает? Ты все-таки старшая сестра.

– Мама, – со вздохом, но твердо проговорила она. – Валя – твоя дочь, и уж коли она не слушает тебя, то вряд ли послушает меня. А у меня хватает проблем с собственным ребенком.

И выключила телефон. Потом повернулась к Виталику и устало спросила:

– Зачем ты это сделал?

– А чего он мою Катьку обижал? – тихо проговорил Виталик.

– Твою?

Виталик, не обратив внимания на вырвавшуюся у мамы реплику, заявил:

– Он гад! Я его ненавижу.

– Но есть же другие методы воздействия, – возразила ма-

ма. – Почему ты всегда бросаешься в крайности?

Виталик угрюмо молчал.

– Кстати, где ты взял спички, сынок?

– Спички? – переспросил мальчик. – Не было никаких спичек. Штаны сами загорелись.

– Ну да, конечно. И банка с вареньем открывается сама и выливается тебе в рот. И лампочки сами разбиваются. И у соседского кота сам собой отваливается хвост!

– Мама, честное слово! – взмолился Виталик. – Это все само получается, я только подумаю – а оно уже получилось...

Мама остановилась посреди улицы, присела перед сыном:

– Вот что, дорогой. С меня хватит! Сегодня ты отправишься к папе.

У мальчика округлились глаза:

– Мам, ты же сама говорила, что не знаешь, кто мой папа.

– Теперь – знаю! – отрезала она.

У нее и раньше были подозрения. Непостижимое отставание в развитии – чем дальше, тем больше... Удивительная скорость, с которой зарастали его многочисленные синяки и ссадины; легкость, с какой маленький Виталик снимал у матери головную боль одним касанием руки... И все же она колебалась. Честно говоря, на роль отца могли претендовать двое: оба черной масти, жгучие брюнеты. Но Виталик не походил ни на одного из них, так что у Виты даже зародилось сомнение: а не было ли третьего?

Вообще-то Виталик пошел в мать. Прямые соломенные

волосы, серо-голубые глаза, твердая линия губ. Это было видно с самого рождения. Отчасти потому она и назвала его своим именем.

Дитя, рожденное не в срок. Дитя, чудом выжившее. Здоровый мальчик с замедлением в развитии без всякой видимой причины. Добрый, отзывчивый ребенок, откалывающий такие выходки, что холодок по спине. И вечный отчаянный вопрос: что же с тобой делать, сыночек?

Теперь она знала, что.

2. Встреча

Голубая «Нива» неслась по МКАД. Ветер срывал желтые и алые листья с придорожных кустов, швыряя в стекла. Машина свернула на шоссе, и Виталик заерзал на сиденье:

– Мы едем к тете Фае, да? И к Федьке? Я буду кататься на змее? Ур-ра!

«Нива» запрыгала по неровной почве, поднимаясь по холму уже без всякой дороги.

– Везет Федьке, – сказал Виталик. – Я тоже хочу жить в волшебном замке. Пусть даже похуже, чем Хешшираман.

– Ты это называешь Хешшираманом? – отозвалась мать. – Ты будешь жить в месте еще более сказочном и роскошном, чем этот Хешшираман.

Малыш удивленно распахнул глаза:

– Мой папа что, новый русский?

Вдали засияли мягкие контуры чудесного замка, такого нереального в подмосковном лесу, стремительно приблизились, затвердевая, приобретая вес и осязаемость. Хлопнув дверцей машины, Вита бросила короткий взгляд на одну из башен, возвышающуюся чуть поодаль. Опускавшиеся сумерки делали замок, утопающий в листве, таинственным и прекрасным, и лишь эта башня черным грозным ногтем проткнула темнеющее небо. Ее называли Бетреморогской башней, и заточено в ней было само Зло.

Вита передернула плечами. Это она была Тюремщицей Флифа Пожирателя Душ, черного бестелесного марева, скрытого стенами башни. Она, женщина на тридцатом году жизни, известный в мире биохимик, держательница акций нескольких фармацевтических комбинатов, производящих лекарства по разработанным ею методикам... Человек науки, человек материального мира – ее трудно было заподозрить в связи с колдунами и колдовскими таинствами. Но ее лучшей подругой была колдунья, а смыслом жизни – не дать уничтожить Вселенную ни абсолютному Злу, ни абсолютному Добру. Именно на нее, не чушую ни черных, ни белых богов, тринадцать лет назад указали магические книги как на единственную, кому это по силам. Тогда она впервые познакомилась с Фаиратой Хешшкора и другими магами Черного Круга.

Виталик юркнул вслед за матерью в гостеприимно распахнувшиеся перед ней двери замка Хешшираман. Навстречу тут же выбежал хозяйский сынок Федор – пухлый трехлетка, он был младше Виталика на год, но выглядел по меньшей мере его ровесником. Он радостно заверещал:

– Виталь! Пошли играть с Аррххом в поезд!

Мальчишки убежали, а из залы величаво выплыла стройная маленькая женщина с волосами цвета бушующего пламени и бездонными зелеными глазами. Ее сопровождал темноволосый мужчина с коротко подстриженной бородкой и живым выражением лица.

– Витка! – рыжая колдунья чмокнула подругу в щеку. – С чем пожаловала?

Вита не торопилась отвечать. Она обняла Фаирату, затем Сашу, позволила увлечь себя в залу, усадить за стол и попотчевать ужином. Неторопливые, спокойно-торжественные ужины у Фаи нравились ей гораздо больше, чем роскошные приемы и фуршететы на конференциях. Электричества в замке не было, но стены сочились неярким светом, а на столе стоял подсвечник на три свечи с неземным ароматом. Пищу запивали тонкими винами, объедки исчезали с тарелок сами собой. Окно из прозрачного мозаичного стекла было распахнуто, и с ветерком задувало хохот и визг детей, оседлавших гигантского, черного с золотом, змея Аррхха, давно живущего в семье Фаи. Дети не боялись его, хотя он мог шутя проглотить «Ниву», притулившуюся у входа.

– Честно говоря, Файка, – произнесла Вита, поставив на стол опорожненный бокал и откинувшись на спинку кресла, – я приехала не к тебе.

– Да? – брови Фаираты изогнулись, и она покосилась на Сашу. – Неужели к моему мужу?

Вита сказала серьезно, не приняв предложенный подругой ироничный тон:

– Мне нужен Хешшкор. Вызови его.

Фаирата поперхнулась:

– Что, вот так взять и вызвать? И что я скажу ему? «На тебя хочет полюбоваться моя подружка»? Нет хуже, чем на-

влечь на себя гнев своего бога!

– Он нужен мне, – повторила Вита. – Сейчас.

Та хотела было опять возразить, но, встретив взгляд Виты, нерешительно кивнула:

– Ладно. Не знаю, зачем он тебе понадобился, но только не разносите мой замок по камешку, как в тот раз.

Первая встреча Хешшкора Всемогущего, бога Черного Круга, покровителя Фаираты, с ее независимой приятельницей началась не слишком гладко, и зрелище лежащего в руинах Хешширамана надолго запало в память колдуньи. Фаирата потрянула головой, отгоняя неприятные воспоминания; волосы взметнулись огнем – не зря ее прозвище звучало как Огненный Локон. Рука сжала золотой амулет в форме ракушки, извлеченный из выреза платья, и уста глубоким грудным голосом, совсем не похожим на обычный голосок Фаи, исторгли призыв:

– Приди, о Хешшкор!

Фаирата раскинула руки, затем воздела их к небу; чувствовалось, как незримые потоки энергии следуют за ее плавными движениями. Вита не впервые присутствовала при колдовстве, но невольно залюбовалась. Саша тихо млея, восхищенно созерцая свою супругу.

Внимание Виты переключилось на кресло у камина, где в прошлый раз материализовался Хешшкор. Но нынче он выбрал другое место – она поняла это, лишь когда мускулистая рука легла на ее плечо.

Вита медленно обернулась. Он опирался о спинку ее кресла – высокий мужчина в черном, с длинными вьющимися волосами цвета воронова крыла, с орлиным носом и волевым подбородком, – и смотрел на нее с прежними нежностью и любовью, словно и не прошло пяти лет. Впрочем, что пять лет для бессмертного? Краткий миг... Это для нее, казалось, минула эпоха.

Какая же я дура, подумала Вита. Ведь я могла давно это сделать.

Ей стало неловко оттого, что она вспомнила о возможности вызвать Хешшкора лишь затем, чтобы переложить на него родительские обязанности. Все эти пять лет она упорно старалась выкинуть его из сердца и вообще из памяти. Она даже не стала рассказывать Фае о том, чем на самом деле закончилось их с Хешшкором знакомство. Кретинка! Сколько же ты потеряла...

– О Всемогущий, – начала было Фаирата, но Хешшкор остановил ее жестом, глядя лишь на Виту.

– Пойдем отсюда, – первым сориентировался Саша. – Им надо побыть вдвоем.

Фаирата, увлекаемая Сашей за руку, оглянулась на своего бога и свою подругу, слившихся в поцелуе, изумленно покачала головой и выскользнула, бесшумно прикрыв дверь.

Хешшкор обнял Виту за плечи. Они стояли у окна и смотрели, как по усыпанному красно-желтым двором носятся дети.

– Он непохож на тебя, – сказала Вита. – Это и сбило меня с толку.

Хешшкор усмехнулся:

– Так и должно быть, детка. Я ведь не совсем материальное существо. Ты, наверное, помнишь ту фотографию...

Да, она помнила. Фото на память, на котором получилась лишь она одна, вместо Хешшкора зияла пустота. Может быть, поэтому она долгое время убеждала себя, что то был просто сон?

Хешшкор задернул темно-зеленую штору и опустился на диван, усадив Виту себе на колени.

– Гены у него только твои, детка. А вот дух... Он бессмертный, я в этом уверен. Его способности, и его так называемое отставание в развитии...

Вита невесело хмыкнула:

– Представляешь, мне предлагали сдать его в детдом для детей с физическими недостатками!

Лицо Хешшкора потемнело.

– Эти самоуверенные червяки, осмеливающиеся писать слово «человек» с большой буквы! – процедил он. – Им и в голову не приходит, что не все устроены так же, как они!

– Не кипятись, – примирительно промолвила Вита. – Все это в прошлом.

Он попытался взять себя в руки, но это удалось не сразу.

– Детство бессмертного, как правило, длится сотни лет... Могу держать пари, что на Земле иногда появлялись такие

дети, а ваше проклятое общественное мнение провозглашало их уродами и запирало в больницах, больше похожих на тюрьму!

– Хешшкор, успокойся. Я бы никогда не отдала нашего сына в больницу. А теперь ты сам о нем позаботишься, так ведь?

– Конечно, – он смягчился. – С превеликим удовольствием. Ничего, эти, как они выражаются, физические недостатки скоро обернутся такими преимуществами, какие им и не снились! Через тысячу-другую лет мы с ним вдвоем таких дел наворотим, вот увидишь... – он осекся.

– Все нормально, – Вита положила ладонь на его предплечье. – Я не из тех, кого коробит срок жизни из двух цифр. Моих приключений и без того на три жизни хватило бы.

– А будет еще больше.

– Издеваешься?

– Да нет, я серьезно. Считай, что это предсказание. Ты же не можешь жить спокойно, иначе не покинула бы Хешшираман. У тебя такая аура, что заскучать не придется.

– Да-а, – протянула Вита. – В детстве грезила приключениями, вот и намечтала на свою заднюю часть... Сказать по правде, мне хочется немного поскучать. Заниматься научной работой, время от времени видеться с сыном...

– С сыном? – прищурился Хешшкор. – А со мной?

– Смотри, как бы я тебе не надоела, – поддела она его.

Он только скептически и чуть грустно покосился на нее.

Вита догадалась, о чем он подумал. Как она может надоесть ему за жалкие два-три десятка лет, что им остались? Она была благодарна ему за то, что он промолчал.

Два силуэта – большой и маленький – растаяли в ночном воздухе. Вита задумчиво послала им воздушный поцелуй и присела на хвост Аррхха в том месте, где он был уже довольно тонок – размером с большое бревно.

Ты снова одна, Виталия Сама-по-Себе, услышала она безмолвный голос, не слышный больше никому. Тебе не одиноко?

Она погладила черную с золотистыми прожилками змеиную кожу под собой.

– Да нет. Пожалуй, я более счастлива, чем любая другая мать. Я, по крайней мере, твердо знаю, что с моим ребенком ничего не случится, и мне не придется его пережить, коротая старость у его могилы. Быть матерью бессмертного – просто удовольствие.

Ночь была безлунной, и лишь призрачный свет замка бледно освещал ковер из опавших листьев, шуршащих под слабыми дуновениями воздуха, да гибкое тело гигантского змея, развалившегося во дворе замка. Аррхх долго не отвечал, да Вите и не нужен был ответ. Она просто вдыхала суховатый воздух ранней осени – еще не пошли дожди, и не улетели еще птицы, и заморозки пока не трогали землю по ночам. Все дышало умиротворением и легкой – очень легкой

– печалью.

Вдруг золотые искры чуть быстрее забегали по гладкой натянутой коже Архха, и прямо под черепом Виты возникли странные слова:

Смотря что ты считаешь удовольствием, Виталия-Мать-Бессмертного.

3. Сплетницы

– И ты представляешь, – взалхлеб рассказывала Фаирата, – они с Хешшкором выставили нас из комнаты и... и... ну, ты можешь себе вообразить, чем они там занимались?

Элегантная темноволосая женщина в белом брючном костюме, непринужденно расположившаяся в кресле напротив с чашкой кофе в изящных руках, с улыбкой приподняла бровь.

– И это еще что, Бэла! У них, оказывается, уже есть ребенок! Да ты его знаешь, подруга, и не раз видела здесь. Хешшкор Всемогущий! У нее сын от моего бога!

Бэла резко переменяла позу:

– Светлая Айанур! – впрочем, почти в тот же миг тревожная складка на лбу разгладилась, и Бэла вновь откинулась на спинку, воде бы безмятежно теребя платиновый медальончик. Хозяйка, находящаяся в плену своего эмоционального повествования, вряд ли заметила что-нибудь, а если и заметила, то с присущей людям самовлюбленностью отнесла на счет занимательности своего рассказа.

– Будь мой бог мужчиной, Фаирата, – лениво произнесла Бэла, – я бы не преминула его соблазнить. Не могу поверить, что у тебя не было возможности, дорогая, просто ты ее прошляпила.

– Хочешь верь, хочешь нет, – Фаирата вскочила и зашага-

ла взад-вперед по зале, подметая и без того стерильный пол шлейфом длинного черного платья, – но мне и в голову не приходило ничего подобного! Я хотела от Хешшкора могущества, и только. А таким путем могущества у женщины не прибавится, скорее наоборот. Да и вообще он не слишком жаловал меня вниманием, годами не появлялся, не отвечая на мои мольбы о помощи. А когда явился, увидел Витку, и началось. Я думала, они поубивают все живое в радиусе ста километров и расколют землю пополам аккуратно в районе Хешширамана... То есть, если бы ты при этом присутствовала, тоже не смогла бы предположить, что дело закончится горячей любовью!

– Ну, не надо так бурлить, – Бэла оторвалась от созерцания медальона и потянулась, словно гибкая снежная кошка. – Секс и даже ребенок – это еще не обязательно любовь.

– Видела бы ты, как он на нее смотрел! – вихрь, поднятый шлейфом Фаираты в резком развороте, сдул сигаретный пепел прямо на ослепительно белую штанину гостыи, и та поморщилась. – Не сомневалась бы попусту. Проклятье! Я сама не знаю, почему бешусь. Добро бы мучилась от ревности – но нет, дело не в этом.

– Я тебе скажу, в чем дело, – усмехнулась Бэла. – Ты именно ревнуешь – без любви, но ревнуешь. Тебе обидно, что твои молитвы, твои жертвы, бессонные ночи над колдовскими книгами не могут заставить твоего бога уделить тебе пять минут личного времени, а посторонней бабе, даже не посвя-

щенной, он достается с потрохами, причем безо всяких усилий с ее стороны. Не хмурься, подруга, я неплохой психолог. Более того – на твоём месте я бы ломала не ножки бокалов, а те самые ножки, что привлекли внимание Хешшкора, да не разгневаётся он на меня за поминание его имени все...

Фаирата остановилась так внезапно, что шлейф залетел вперед и захлестнулся вокруг туфель.

– Нет, как это... – растерянно проговорила она. – Я так не могу.

– А я могу, что ли?

Слова Бэлы прозвучали неожиданно горько. Не успела рыжая колдунья подивиться странной интонации темноволосяй, как со двора донеслось бурчанье мотора.

Волшебницы переглянулись.

– Легка на помине, – как-то нервно улыбнулась Бэла.

4. Пропажа

Вита хлопнула дверцей и, не потрудившись включить сигнализацию (ну-ка, кто рискнет угнать машину, припаркованную под самой стеной колдовского замка, находящегося в иной реальности?), взбежала по мокрым от первого октябрьского дождя ступенькам. В замке было по-особому тихо: отпрыск Фаи вместе со своим отцом отправились к бабушке. Быстрые шаги Виты, гулко звучащие в узком пространстве коридора, не помешали ей вычленить звуки голосов, раздававшиеся в столовой. Вечно Файка жрет, возникла досадная мысль. И не полнеет – еще досаднее.

Второй голос принадлежал Бэле Айанур, давней приятельнице Фаи. Обе колдуньи вместо того, чтобы приветливо пялиться на подругу, сосредоточенно разглядывали носки своих туфель. Вита в первый момент тоже машинально приоткрыла рот – туфли как туфли, не грязные, не исцарапанные, не остроумные. В общем, смотреть особо не на что.

Фаирата вдруг бросилась ей на шею:

– Витка, стерва! – в голосе ее слышались слезы. – За что я только тебя люблю? Ты украла мои драгоценности, сманила моего змея, разрушила мой замок, соблазнила моего бога...

Формально Фая была права. Синий перстень Тюремщика Флифа и волшебные серьги, носимые Витой, когда-то были фамильными сокровищами рыжей колдуньи, давным-давно

утерянными. В свое первое появление в Хешширамане Вита случайно их раскопала, и теперь с этим ничего нельзя было поделаться, потому что если попытаться отобрать драгоценности у их очередного владельца силой, они потеряли бы магические свойства на тринадцать лет, а на такую жертву Фаирата пойти не могла. Аррхх, который жил в семье Фаи с незапамятных времен и помогал потомственным колдуньям в их ремесле, узнав Виту, отдал ей свою преданность и с тех пор держал ее сторону во всех ее разногласиях с Фаей, к счастью, редких. И замок пять лет назад пришлось отстраивать с нуля, потому что из-за Виты его штурмовали. А о Хешшкоре что и говорить...

– Ну ладно, ладно, – Вита смущенно отстранилась, и во время: рукав пиджака уже начал намочать. – Что это на тебя нашло?

Не дожидаясь приглашения, она села к столу и наложила себе в тарелку тарталеток и пирожков. Ничего, от Файки не убудет: кухарили у нее, равно как и убирались, бесплотные духи, для которых труд был единственным способом отвлечься от неприкаянности существования, а посему не оплачивался и вообще не осознавался как услуга.

– Я, собственно, по делу, – утолив голод, сообщила Вита, отваливаясь от стола.

Мягкое кресло без звука приняло тренированное тело, ловко скрытое от подозрительных глаз изящным серо-голубым костюмом с обманчиво легкомысленной кружевной от-

делкой и донельзя женственной длинной юбкой, в которой имелся глубокий разрез, дабы, не тратя время на переодевание, со всем возможным удобством засветить ногой в чью-нибудь челюсть. Таились в этом костюме и другие сюрпризы.

– Что за дело? – язвительно осведомилась Фаирата, пришедшая в себя, пока Вита насыщалась. – Небось, Хешшкора вызвать?

– Дался вам этот Хешшкор, – дернула плечом Вита. – Все гораздо прозаичнее. Я тут делаю заказик для Энтелены Деадаргана, кое-какой препарат синтезирую, должна была к шабашу успеть. Ну и не успеваю. Сначала семинары с зарубежными учеными, а теперь выясняется, что сегодня вечером я должна вылететь на проклятую конференцию по биологически активным веществам...

– По потенциальным колдовским зельям? – заинтересованно переспросила Бэла.

– Можно сказать и так, – Вита махнула рукой. – Это неважно. А важно то, что придется Энтелене подождать. Вот и передайте ей.

– Насколько я знаю эту деваху, – покачала головой Фаирата, – она будет весьма недовольна и поднимет вопрос о неустойке.

– Как поднимет, так и снимет. Господи, – при этом обращении, вырвавшемся у Виты, Бэла иронично сощурилась, – ну почему маги такие склочные люди?

– Это профессиональное, – ответила Бэла. – Тихоня мо-

жет быть молящимся посвященным, но колдующим – никогда.

– Как бы то ни было, – заключила Вита, – Энтелена должна понимать, что она мне не нужна, а вот я ей... Эй, что такое?

Последнюю фразу они выкрикнули хором. Посреди залы, прямо в воздухе, появилась рваная дыра, зияющая чернотой. Она быстро расширялась, словно кто-то кромсал саму ткань мироздания зубами и когтями, и из нее хлестала непроглядная тьма. Доли секунды не прошло, а Вита уже стояла в позиции, удобной для обороны, и в одной ее руке сверкал клинок, извлеченный в мгновение ока из складок юбки, а на другой горело синим светом кольцо – перстень Тюремщика был готов к встрече с Тьмой... Вот только, несмотря на зловещее зрелище, по спине не пробежал холодок, характерный для близости Пожирателя Душ, горло не сдавливало безотчетным ужасом перед абсолютным Небытием. Сердитое блистание кольца поблекло, и камень снова стал почти обыкновенным сапфиром, только очень крупным. Вита расслабилась, но оружие не убрала. Кроме Флифа на свете есть много неприятностей помельче.

Огромная клякса Тьмы, извергнутая дырой в Ничто, стянулась в человеческую фигуру, подернулась рябью и стала плотью и одеждой. С четверенек поднялся неестественно бледный Хешшкор, его шатало.

– У вас свидание? – неуверенно хихикнула Фаирата.

Ей чуть не досталась затрещина, и спасло достоинство хо-

зьяйки лишь то, что Вита обеспокоенно уставилась на Хешшкора, а не на нее. Вита, хоть и не была волшебницей, хорошо знала, что бессмертному не так-то просто пройти в обычный подлунный мир. Как правило, для безболезненного явления требуется определенный ритуал вызова. И если уж кто-то грубо вламывается из другого пространства, рискуя серьезно нарушить целостность стенок, разграничивающих Вселенную, для этого должны найтись весьма неординарные причины. И любовное свидание уж всяко в круг подобных причин не входит.

– Что? – выкрикнула она, шестым чувством понимая, что ее мечтам о спокойной, беспроблемной жизни настал крах. – Что случилось?

Хешшкор Всемогущий был явно не в себе. Сейчас он скорее походил на перепуганного человечешку, чем на бога. Руки его тряслись, глаза безумно бегали туда-сюда, и ответить он смог только с третьей попытки:

– В... Х... Хешшвитал.

Таково было, по мнению Хешшкора, «истинное» имя Виталика.

– Проклятье, изъясняйся толковее! Что он натворил?

– Он... он... – бог глубоко вдохнул и как в омут бросился: – Пропал!

– Кретин! – заорала Вита. – Как я могла доверить своего дитя такому раздолбаю?

Фаирата в ужасе отодвинулась в уголок – видимо, ожидала

грома и молний. Но Хешшкор лишь сгорбился еще сильнее.

– Куда он делся? – требовательно спросила Вита. – Как он исчез?

– Я... я не знаю, – бессмертный, страшно сказать, чуть не плакал.

– Как это не знаешь? Разве он был не при тебе?

Хешшкор молчал, опустив голову. Вита во внезапной догадке сгребла его за ворот черной рубахи:

– Ты оставил его без присмотра, да?

– Ну... – Хешшкор попытался оправдаться. – Он же все-таки бессмертный. Я хочу сказать, что с ним может такого произойти? Эй! – он подскочил и снова вынужденно бухнулся в кресло. – Убери меч! Слышишь?

– Что с ним может произойти? – тихо, почти ласково переспросила Вита, крутя острым кончиком клинка в непосредственной близости от его горла. – С бессмертным может произойти многое, дорогой. Хочешь, проверим?

И что ты на него напустилась, прорезался вдруг внутренний голос. Ты сама недавно брякнула Аррхху почти то же самое. И если кто здесь не дубина, то не ты, ох, не ты, а змей.

– Ладно, – она неловко сунула меч в ножны. – Твои предположения?

Хешшкор пощупал горло и с облегчением вытер пот со лба.

– Так ведь можно довести до инфаркта мое брэнное тело, – укоризненно заметил он. – И как ты тогда будешь со

мною общаться? Ты же не моя посвященная, и я не могу слышать тебя из... из тех мест, где бестелесно пребываю.

– Я спрашиваю о твоих предположениях, – повторила Вита. – Он мог пойти прогуляться в соседнее измерение?

– Да что ты, – невесело усмехнулся Хешшкор. – Я и само с таким трудом прорываюсь, а уж ребенок...

– Может быть, он прячется где-нибудь в твоём Хешширамани и пищит там от радости, представляя, как мы переполошились?

– Исключено, – хмуро качнул головой бессмертный. – В Хешширамани от меня ни одна травинка не укроется, не говоря опять-таки о ребенке.

– Иными словами, там его нет и сам он оттуда уйти не мог?

– Получается так.

У Виты заныло сердце.

– В Хешширамани случаются стихийные бедствия? – уточнила она на всякий случай. – Необъяснимые явления?

Хешшкор отрицательно покачал головой.

– Тогда остается одна возможность: кто-то забрал его оттуда. Очень похоже на киднэппинг, милый.

– На что?

– Хешшкор Всезнающий, – ядовито прошипела Вита. – Похищение детей, вот что.

– Но зачем?

– У нас тут, если ты не в курсе, дети богачей или влиятельных людей всегда в потенциальной опасности. Чуть отвер-

нешься, как всякое отребье их захватывает и шантажирует родителей: давайте бабки или что-нибудь в этом роде, а не то укокошим ваше драгоценное дитяtko... А ты можешь представить себе кого-то более могущественного и влиятельного, чем бог?

Бог раздумывал.

– Не понимаю, – признался он. – Не понимаю двух моментов. Во-первых, никакому отребью ко мне в Хешшираман не попасть. Во-вторых, не представляю себе, как меня можно шантажировать, используя Хешшвитала. Убить его невозможно, да и развоплотить сложновато... – он неожиданно замолчал, зрачки его расширились, лицо исказила гримаса. – Да как же я сразу не допер?! Это не отребье, это много хуже. Кто-то из наших! Они-то все прекрасно знают, как развоплотить бессмертного!

Он встал и отшвырнул кресло прочь.

– Ну, только дайте мне узнать, кто это сделал! Так, – он посмотрел на Виту. – Я исчезаю и попробую разобраться. А вы, – он взглянул и на Фаирату, – берегите его посвященных. Много у него посвященных?

– Посвященных? – удивилась Вита. – О чем ты говоришь, я до сих пор и не знала, что они ему требуются!

– Конечно, требуются, он ведь бессмертный. Он не мог бы существовать в этом мире без поддержки посвященных. Ну?

Вита потерянно развела руками.

– Я точно знаю, мы никого ему не посвящали.

– Возможно, это произошло спонтанно. Подумай. Может быть, кто-то, родившийся одновременно с ним?

– Э... Ну, есть тут одна Катя, он не только в один день, но и в одном роддоме с ней родился. И носитя с ней как с писаной торбой: Катенька то, Катенька сё... Ты полагаешь?..

– Хватай эту Катю и глаз с нее не спускай. Все, мне пора.

5. Катя

Две молодые женщины в растерянности стояли посреди полутемной залы поодаль от обеденного стола, с которого медленно и как бы сами собой исчезали грязные тарелки.

– Ну, дела, – пролепетала Фаирата. – Право, Витка, мне очень жаль...

Вита отмахнулась:

– Не бери в голову. Сейчас я махну к этой Катьке, – она завозилась в своем кейсе, – точнее, к ее маме... Ох, не представляю, что я ей скажу: она нормальная женщина, еще подумает, что у меня крыша поехала... Странно. Записная книжка была здесь, я точно помню. Неужто и впрямь с крышей нелады? Бэла, я на твой профессиональный взгляд похожа на сумасшедшую?.. Эй, а где Бэла?

Грохот взрыва заставил их броситься к окну. Вита принялась тереть глаза, не веря им, потом, подхватив кейс на ходу, рванулась к выходу, в дверном проеме застряла, ухватившись за косяк. Фаирата налетела на нее сзади и тоже застыла в немом изумлении. Разметанные взрывом по всему двору, остатки голубой «Нивы» догорали чадным пламенем, а ветер кружил вместе с сухой листвой странички из Витиной записной книжки.

– Что за паскудство! – из горла Виты вырвался глухой рык.

– Хешшкор Всемогущий, – прошептала Фаирата. – Бэла...

– Проклятье, Бэла! – Вита хрустнула костяшками пальцев. – Конечно же, больше некому. Какого черта? Я думала, мы подруги! Она что, белены объелась?

Вита в сердцах треснула кейсом по перилам крыльца; они тут же обрушились.

Выплеснув ярость, Вита отложила рефлексию на потом и сконцентрировалась. Катя. Она должна ехать к Кате. И если Бэла по неизвестной причине решила воспрепятствовать ей в этом – значит, надо торопиться вдвойне. Вот только что она может сделать без машины и без адреса? Вита смутно помнила, что Катя с мамой, уходя с прогулки, вроде бы скрывались в третьем подъезде соседнего дома... или в четвертом? Придется разбираться на месте. А до места еще нужно добраться.

– Фая, – ее взор обратился к ведьмочке, все еще пытавшейся скрыть замешательство. – Надеюсь, у тебя хватит сил телепортировать нас к моему дому?

Файрата явно обрадовалась возможности сделать что-нибудь конкретно полезное. Замешательство мигом пропало, она выпрямилась и вновь стала похожа на настоящую волшебницу.

– Хватит ли у меня сил? – на точеном личике изобразилась оскорбленная гордость. – Обижаешь!

Письменный стол был похож на выпотрошенного зверя: все его ящики, погребенные под ворохом бумаг, в беспоряд-

ке валялись в стороне, словно выброшенные внутренности. Вита лихорадочно рылась в фотоальбоме. Фаирата, пользуясь случаем, переодевшись в более подходящий беготне по городу наряд – джинсы и розовую маечку, – нетерпеливо ждала, переминаясь с ноги на ногу. Она предложила свою помощь в поисках Катиной квартиры, но для этого колдунье требовался образ девочки. Выражаясь современным языком – фотография.

– Вот, – Вита нашла групповой снимок из детского сада. – Слева от Виталика. Разглядишь?

Та возложила руку на изображение малышки, будто ощупывая; наконец кивнула.

Способ Фаираты был надежен лишь на близком расстоянии. Они обошли третий и четвертый подъезды, и на каждом этаже она сличала ощущения от левой руки и от правой, касавшейся фотографии – безрезультатно. Вита скрежетала зубами, ей казалось, что со стороны они похожи то ли на коммивояжеров, ходящих по квартирам в надежде продать какую-нибудь неудачную продукцию, которая не находит спроса в магазинах, то ли вовсе на преступный элемент, изучающий возможности взлома. В конце концов она сорвалась и высказала Фаирате свои соображения о шарлатанах. Та обиделась и в ответ обвинила Виту в том, что та неверно указала подъезд. Когда они, переругавшись, вышли на улицу, выяснилось, что Фаирата была права. Яростно жестикулируя и обзывая друг друга, они проходили мимо второго

подъезда, разбрызгивая лужи, как вдруг колдунья дернулась, словно от тока, стремительно подбежала к дверям подъезда, дотронулась до них, прикрыв глаза.

– Здесь, – сообщила она почему-то шепотом и добавила уже в полный голос: – Так кто из нас идиотка?

Скрупулезного хождения по этажам больше не понадобилось. Фаирату несло, как на крыльях. Они одним махом взлетели на пятый, и рыжая колдунья, не колеблясь, направилась к правой двери. Вита поспешила за ней и нажала кнопку звонка.

Ответа не было. Неужели гуляют? Да нет, время послеобеденное, суббота – девочка должна сейчас спать, а ее мама – подрабатывать шитьем, если Вита ничего не путает. Она снова затрезвонила – никакой реакции.

Вита приникла к двери, чтобы прислушаться. И тут дверь, тихо заскрипев, открылась. Виту охватило недоброе предчувствие. Она осторожно заглянула в щель.

– Есть тут кто-нибудь? Катя, ты дома? Это я, тетя Вита...

Она вошла, озираясь. Квартира выглядела так, словно по ней прокатилась лавина. Вокруг царил форменный разгром: перевернутая мебель, порванные шторы... Все это совсем не понравилось Вите. Ее внимание привлекло подозрительное красноватое пятно на ковре, она наклонилась посмотреть и резко выпрямилась. Кровь! Чья? Вне любых сомнений, здесь шла ожесточенная борьба. Господи, что с Катей?

Приглядевшись, она заметила, куда ведут кровавые сле-

ды, и устремилась в одну из комнат, да так и окаменела на пороге. На полу в красно-бурой луже распростерлась Катина мать, ее руки все еще тянулись к телефону и не могли дотянуться. Но не это потрясло Виту. За свою не такую уж длинную жизнь она видела немало трупов и даже живых людей, изуродованных гораздо хуже. Глаза ее остановились на рукояти кинжала, торчащего из груди жертвы. Это был кинжал Бэлы.

Раздался хрип. Женщина была еще жива! Вита быстро опустилась рядом с ней, положила ее голову себе на колени. На лице набухли царапины, виднелись наливающиеся синим кровоподтеки. Драка была знатная, поняла Вита.

– Она... унесла мою дочь, – с трудом прошептала Катина мама, на губах ее лопались кровавые пузыри. – Позвоните...

– Сейчас, сейчас мы вызовем «скорую», – Вита сделала знак Фаирате.

– Нет... Спасайте дочь... На кухне ее фото, отдайте... в милицию...

– Это я, Виталия, мать Виталика, – внятно произнесла Вита. – Скажите, эта тварь упоминала, для чего ей нужна Катя? Что она собирается с ней делать?

– Я не... не...

Глаза несчастной закатились. Вита аккуратно уложила безжизненное тело на кровать и поднялась.

– Не надо милиции, – сказала она глухо, машинально поглаживая через полы куртки ножны с мечом. – Я сама найду

Катю. И уж заодно вырву кое-кому ноги из задницы. Фая...
В Айфарет!

6. Айфарет

В замок они, конечно, не попали: словно овеществленное издевательство, посреди песчаной пустыни воздела горящие голубым огнем края к пронзительно синему небу гигантская чаша, на доньшке которой, надежно укрытый от посягательств непрошенных гостей, затаился Айфарет – вотчина колдуньи Черного Круга Бэлы Айанур. И две фигурки, отчаянно потеющие под палящим солнцем Ливии, выглядели рядом с ней совсем беспомощными.

Вита молчала. Она была в такой ярости, что самая черная брань не могла бы выразить ее чувств – и она кипела молча. Ее сынок, самый дорогой на свете человечек, в чужих враждебных лапах, и Бэла, несомненно, причастна к этому – иначе зачем она похитила Катю? Душа Виты болела за сына. Но он бессмертный, и даже развоплощение не означает для него полного небытия. По-настоящему она разгневалась из-за Кати. Бэла уже перешагнула через труп ее матери, у нее рука не дрогнет убить и невинную девочку ради своих грязных целей. Проклятые маги, предательство и бессердечие у них в крови! Загубить чужие жизни лишь для того, чтобы получить власть над бессмертным!

– Честно говоря, – Фаирата осмелилась прервать мысли, клокотавшие в голове подруги, – не понимаю, что еще ты ожидала здесь увидеть. На ее месте любой укрылся бы за ба-

рьером и сидел, как мышь. Может, вернемся ко мне, дождемся Хешшкора?

– У нее Катя, – бесцветным голосом произнесла Вита. – А, возможно, и Виталик.

– Мы только зря теряем время, Витка. Нам не пройти за барьер, ты же знаешь.

Не пройти? Вита знала несколько способов сделать это. Отловить богиню Айанур и заставить ее убрать барьер, поставленный ее подопечной – самое безопасное, но и самое нереальное. Где она будет искать эту мадам, в каком измерении? К тому же Вита подозревала, что Айанур как минимум в курсе Бэлиных действий. Способ номер два – сбросить на незримый купол защиты атомную бомбу, а лучше водородную. Кругом пустыня, не жалко, а от барьера и следа не останется. Единственный недостаток – и замок, и все, кто в нем находится, тоже превратятся в радиоактивную пыль. Так что оставалось одно...

Видимо, на лице Виты как-то отразились ее размышления, потому что Фаирата вдруг завизжала:

– Нет, Витка! Только не это, Хешшкор Всемогущий!..

Но было поздно. Вита, вскинув к небесам остекленевший от гнева взор, вызывающе швырнула в синеву роковые слова:

– Я, Виталия, Тюремщица Флифа, объявляю всему миру, что отказываюсь от принесенного мною обета. Я буду искать идеального мужчину! Слышите, буду! И начну прямо сейчас.

Она повернулась к Фаирате, в ужасе закрывшей руками

лицо:

– Как ты думаешь, в Айфарете найдется пара приличных мужиков?

– Витка, Витка! – стенала Фаирата. – Что ты наделала? Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

Да, она хорошо это понимала. Отказавшись от обета Тюремщика, она выпустила на волю из прочных стен Бетреморогской башни Флифа Пожирателя Душ, конденсат Абсолютной Тьмы, способной поглотить весь мир, если выгорит шанс встретить на свободе полнолуние. Но Вите было плевать. Ей нужно к сыну, нужно спасти его посвященную, и Флиф разрушит для нее вставший на пути барьер. А мир пусть катится ко всем чертям.

Это было безумное решение. Только не с точки зрения матери, ребенку которой грозит опасность.

– Фая, – позвала она. – Он будет еще месяц добираться, даже если не отвлечется на что-нибудь по дороге. Телепортируй его сюда.

– Да ты что, свихнулась? – Фаирата аж перестала рыдать. – Это же не собачка на поводке, это Флиф!!! Тебе по буквам повторить?

– Так, – железная рука Виты сомкнулась на хрупком запястье колдуньи. – Перенеси меня в Хешшираман.

Фаирата издала стон, способный разжалобить камень, но Вита осталась безучастна. В ту же секунду их засосала чер-

ная воронка, чтобы выплюнуть у подножия Бетреморогской башни.

Тьма клубилась в ее окнах, но Флиф не торопился наружу. Он выходил на охоту ночью, дневной свет был не его стихией. Но Вита не желала ждать ночи. Она решительно поднялась по ступеням и потащила за собой слабо упирающуюся Фаирату.

Внутри плескалась чернота. Казалось, ни свет, ни тепло не проникали внутрь башни через проемы дверей и окон. Лишь перстень Виты исходил ярким интенсивно-синим свечением.

– Ну, – хрипло произнесла она. – Давай, выползай, гад.

Флиф не мог ее слышать – у него не было ни глаз, ни ушей, ни, строго говоря, тела. Но, безусловно, он чувствовал присутствие Тюремщицы с кольцом. Черные газовые языки зашевелились, начали густеть, стекаться в подобие огромной змеи, вроде Аррхха, но бесплотной и больше, гораздо больше. Стало еще холоднее, стены покрылись инеем, и потную спину Виты передернуло. Но страха, смертного ужаса, пробирающего до костей вместе с морозом, тошнотворной жути до желудочных спазмов она не ощущала. Слишком сильна была ярость, бурлившая в ней подобно лаве, что не отступит передо льдом, а плавит его.

Вита воздела руку с перстнем, и дымная громада окаменела, движение вихрей Тьмы прекратилось, словно кинолентку остановили на одном кадре.

– Валяй, Файка, – сказала Вита. – Перебрось нас к Айфарту, и все.

Фаирата стучала зубами. Ей пришлось зажмурить глаза, чтобы сосредоточиться.

Вита ненавидела телепортацию – или внепространственный перенос, как предпочитали выражаться колдуны, – всей своей душой. Ощущение падения в стремительно сужающуюся черную трубу, потом головокружительный полет по узкому туннелю к разгорающемуся впереди свету, невозможность ни шевельнуться, ни вдохнуть – все это разрушительно действовало на вестибулярный аппарат и приводило желудок Виты в нерабочее состояние. Но сегодня она не замечала неудобств. Что неудобства, когда на карту поставлены жизни детей?

Флиф был способен проходить через барьер. Впервые Вита узнала это тринадцать лет назад, когда Пожиратель Душ вырвался из Хешширамана и высосал души у множества людей на Киевском вокзале, превратив их в сгустки Тьмы. Одной из жертв стал ее Лёшка. Ее первый мужчина, пытавшийся защитить ее и поплатившийся за это...

Сейчас Вита снова наблюдала, как в странном, гипнотизирующем ритме раскачивается алчущая туша Флифа перед барьером, непостижимым образом почуяв внутри него беззащитные живые души, как нежно-голубое сияние барьера тускнеет, как краешек чаши в одном месте проваливается, скатывая вниз узкую дорожку, словно трап. Черная колышу-

щаяся змея поползла по ней вверх, Вита двинулась следом.

– Пошли, Файка, – бросила она, обернувшись на ходу.

Фаирата покачала головой:

– Это ты у нас ничем не связана, – Виту не зря прозывали Сама-по-Себе, а Фаирата была черной колдуньей, посвятившей свою жизнь Тьме и получившей в нагрузку к волшебной силе целую кучу ограничений. – А мне не пройти по следу... Флифа, – жуткое слово далось ей с выступившим на лбу потом. – Я, пожалуй, тут постою, – она кривовато усмехнулась. – На шухере. Вдруг еще кто захочет пройти туда или обратно.

– Ладно. Если барьер исчезнет, дуй ко мне.

Махнув на прощание, Вита со всех ног помчалась к тлеющему мостику в Айфарет. По опыту она знала – если не поспешить, барьер снова схлопнется, и грош цена ее усилиям, когда Флиф будет внутри, а она останется снаружи.

Привычка всегда поддерживать хорошую спортивную форму не подвела Виту: когда чаша вокруг Айфарета вновь стала чашей, она была уже внутри барьера. Теперь ноги сами несли ее вниз, в центр громадной песчаной котловины, где торчали башенки, казавшиеся совсем невысокими с крутого склона. Впереди угольно-черным провалом на фоне раскаленного добела песка маячил Флиф. Вита сделала крюк, чтобы обогнать его и добраться до детей первой.

Ее встретила стена огня. Кругом на сотни километров не было ничего, способного гореть, тем не менее дорогу Вите

преградили пышущие жаром языки пламени, вздымающиеся выше ее роста. Ах ты дрянь, подумала Вита, ну я тебя!.. Отойдя в сторону, она смотрела, как к бушующему огню приближается Флиф, и колдовские язычки света и жара боязливо скукоживаются под его ледяным дыханием, бледнеют и жалко уползают прочь, словно побитые щенята. Путь вновь был свободен, но Вите пришлось смириться с тем, что Пожиратель Душ ее опередит.

Вслед за ним она миновала и поток дымящейся желтоватой жидкости, очень смахивающей на концентрированную азотную кислоту. Вита не стала задерживаться, чтобы проверить первое впечатление – в конце концов, она здесь не в качестве исследователя, – а скорее засемила, перебираясь через лед, сковавший эту рукотворную реку. Он не таял даже под ее подошвами. Ледяные крошки налипли на каблуки, и, преодолев преграду, Вита без сожаления скинула туфли. Сунься она в сторону, и ожог ступней был бы неминуем: злое Солнце накалило пустыню, как сковородку, – но след Флифа дышал холодом.

Вите не пришлось прорываться внутрь замка с боем – Бэла выскочила сама, ее пронзительный крик рвал барабанные перепонки на части. Флиф, словно прожорливая черная кобра, завис своей поднявшейся передней частью прямо над ней. У Бэлы подкосились ноги, она упала, в животном ужасе съеживаясь в клубочек, хватая непослушными руками грудь в тщетной попытке зажать, не пустить мерцающий свет, уже

рвущийся оттуда. В свое время Вита видела, как Флиф сожрал душу невинного человека, и иногда это грезилось ей в ночных кошмарах, после чего пробуждение с воплем и в липком поту казалось избавлением. И сейчас против воли сердце дрогнуло, и Вите стало жаль колдунью. Она похитительница детей, она убийца, напомнила себе Вита, но подсознание отказывалось бестрепетно созерцать происходящее. Рука с перстнем Тюремщика простерлась к Флифу.

Гигантский канат из газовых сгущений, похожий на мохнатого черного червя-переростка, замер в неподвижности. Мерцание вокруг женской фигурки тотчас втянулось в тело, рухнувшее в беспамятстве. Вита подхватила Бэлу за ноги и, толкнув плечом ближайшую дверь, втащила внутрь.

После слепящей пустыни просторный холл с множеством окон казался полутемным, а слабо освещенные расходящиеся коридоры зияли тьмой, словно подземелья. Искать здесь что-либо или кого-либо наобум было бы расточительной тратой времени, и Вита поспешила привести Бэлу в чувство. Она не стала особо церемониться с хозяйкой замка, а просто вылила на голову той воду из вазы с цветами, присела на пол рядом и стала хлестать ее ладонью по щекам. Щеки от такого обращения быстро порозовели, и колдунья открыла глаза.

Увидев над собой склоненное лицо Виты, выражение которого не предвещало ничего хорошего, она попыталась снова зажмуриться, но Вита сильно дернула ее за мокрые пряди на лбу, и веки сами собой поднялись вслед за волосами.

– Айанур! – вырвалось у нее, и Вита молниеносным движением прижала ей к горлу острое лезвие.

– Не бросайся словами и не вздумай строить каверзы, а то башку отмахну, – предупредила она на полном серьезе. – И учти, у тебя совсем мало времени, чтобы объяснить мне, где дети и что все это значит. Но сперва сними барьер.

– А если нет? – сощурилась Бэла. Она пришла в себя на удивление быстро. – Как ты выберешься отсюда, если мы не столкнемся?

– Так же, как прошла сюда, – буркнула Вита. – По следу Флифа, подруга, – последнее слово она произнесла нарочито грубо.

Бэла шумно вдохнула, на лице отразился страх – видно, она вспомнила, что пережила совсем недавно во дворе собственного замка, и сопоставила появление Флифа с появлением его Тюремщицы.

– Пожиратель не вечно будет каменным изваянием, – предупредила Вита. – Торопись, если не хочешь встретиться с ним один на один еще разок.

– Убери, – прошептала Бэла, скосив глаза на меч.

Вита беззвучно вложила клинок в ножны. Бэла тяжело поднялась. Вид у нее был как у драной кошки: мокрые спутанные волосы, будто длинные черные черви, грязные пятна на обычно безукоризненном белом костюме. Она повернулась к большому, во всю стену, зеркалу, взглянула и потупилась, лицо залило краской. Начнет прихорашиваться – убую,

подумала Вита. Но колдунья только развела руками и что-то пробормотала, из ее сжатых кулаков посыпался желтый песок, она бросила обе пригоршни в зеркало, и в ту же минуту его поверхность запылала холодным голубым огнем, похожим на тот, каким светились края песчаной чаши; еще одно короткое слово и неуловимый жест – свечение схлопнулось в тонкую горизонтальную линию поперек зеркала, а та сжалась в точку и погасла, как выключенный телевизор. Теперь в зеркальной глади отражались только поникшая Бэла и Вита, скрестившая руки на груди.

– Барьер снят, – устало сказала Бэла. – Теперь ты уведешь Флифа?

– Торговаться со мной собралась, а? – только что Вита стояла в другом конце комнаты, и вдруг оказалась совсем рядом, схватила Бэлу за помятый рукав и швырнула в кресло, как куклу. – Выкладывай, где дети?

Бэла инстинктивно заслонила, когда ладонь Виты вновь легла на рукоять клинка.

– Я не знаю, не знаю! Я твоего сына и пальцем не трогала, это все Айанур, она забрала его, как только узнала, что он ребенок Хешшкора...

– А кто сообщил ей об этом? Ты, доносчица!

– Информировать мою покровительницу – моя обязанность, – она исподтишка посмотрела на меч: не изменил ли своего положения? – Клянусь, я не хотела! Ты мне всегда нравилась, и я ни за что бы... Но она – моя госпожа, пони-

маешь?

– Чтоб вам сгореть с вашей рабской психологией! – в сердцах плюнула Вита. – Волшебники долбаные!

Виту всегда раздражала зависимость посвященных от своего бога, а порой – вот как сейчас – просто бесила. Она с трудом подавила низменное желание потыкать Бэлу мордой об стол.

– Значит, Виталик у этой бессмертной гниды... Катя тоже у нее?

– Нет! – Бэла залилась слезами. – Я не смогла ее доставить, ее перехватили по дороге. Айанур убила бы меня, не будь я ее единственной посвященной!

– Кто забрал девочку? – перебила Вита. У нее не было ни времени, ни желания выслушивать сетования Бэлы на свою судьбу.

– Я не знаю, говорю тебе! – Бэла попыталась вытереть лицо, но лишь размазала слезы, грязную воду и остатки макияжа. – Какая-то баба, темноволосая, пучеглазая. Первый раз ее вижу, клянусь!

В дверной проем скользнула тоненькая фигурка Фаираты.

– Хешшкор всемогущий, вы живы...

– Убираемся отсюда, – оборвала ее Вита. – Нам как раз надо потолковать с вышеупомянутым. Давай, телепортируемся к тебе, и Флифа не забудь.

Фаирата воздела глаза к небу, но возразить не решилась. Они растворились в воздухе, оставив Бэлу рыдать в голос.

7. Совет в Хешширамане

Хешшкор был совершенно разбит. Он сидел на диване, подперев голову локтями, и напоминал картину «Поверженный демон».

– Я вас уже давно дожидаясь, – вымолвил он мрачно и поддел ногтем валяющуюся на журнальном столике бумажку. – Выяснить ничего ни у кого невозможно, а теперь меня вывели из игры, вот так.

Вита прошлепала босиком по холодному полу гостиной залы, взглянула на бумажку. Это была телеграмма: узкая лента с печатными буквами, наклеенная на бланк с чайной розой. Она была адресована «Хешшкору В.».

– Откуда это взялось? – спросила Вита.

– Тетка принесла.

– Тетка?

– Ну да, – раздраженно подтвердил Хешшкор. – Какая-то баба не первой свежести с толстой сумкой через плечо. Заявилась сюда как ни в чем не бывало и начала меня допрашивать: это будет усадьба Хешшираман? а кто здесь будет господин Хешшкор? Я, ясное дело, сказал ей, что не позволю всяким чокнутым смертным беспокоить меня по пустякам, так она хай подняла на три соседних Вселенных! Развелось тут черных, вопит, понастроили себе хоромы да еще над трудовым русским людом издеваются... Слушай, откуда

она узнала, что я из черных?

– Нерусская фамилия и не блондин, – усмехнулась Вита. – Не бери в голову. Что дальше? Эта бабища так напугала тебя своими воплями?

– Я сам ее напугал, – на миг лицо Хешшкора посетила самодовольная ухмылка. – Шарахнул молнией прямо ей под ноги. Тут она присмирела, зачем же, говорит, стрелять, так бы сразу и сказали, а ее дело маленькое – почту снести, и все такое... Сунула мне вот это, – он кивнул на телеграмму, – заставила написать на какой-то бумажке мое имя и попросила чего-нибудь к чаю...

Вита не удержалась и расхохоталась.

– Милый, – простонала она, смахивая выступившие от смеха слезы, – она просила у тебя на чай, то есть денег в благодарность за услугу.

Хешшкор фыркнул:

– То-то она смотрела на меня мегерой, когда я ей конфету дал.

– Ладно, – Вита села. – С этим разобрались. А что в телеграмме?

Пляшущие телеграфные букочки, небрежно отпечатанные фиолетовым на ленте, сложились в удручающе серьезную фразу: Сиди тихо. Если попытаешься достать Хешшви-тала, Екатерина умрет. Подпись, естественно, отсутствовала.

– Я искал Катю, – промолвил Хешшкор. – По фотографии. Имея изображение, я мог бы локализовать ее в любом уголке

вашего голубого шарика, но ее нигде нет. Хотя я уверен, что она жива.

– Иначе говоря, она в другом пространстве, – заключила Вита. – Ну разумеется! Ведь жилище Айанур находится за пределами обычной Земли!

Все-таки Бэла солгала. Кому еще нужна Катя, если не ее покровительнице?

– Айанур? – переспросил Хешшкор. – Ты хочешь сказать, она...

– Именно это я и хочу сказать. Хешшвитала похитила Айанур, и, если ты знаешь, что она хочет получить с тебя с его помощью, лучше скажи сразу.

– Ну... не знаю, – Хешшкор выглядел растерянным. – Честно говоря, от нее я такого не ожидал. Мы всегда были с ней в хороших отношениях. Вот если бы это оказалась Миленион, я бы ничуть не удивился.

– Но все посвященные Миленион мертвы, – робко встала Фаирата. – Она развоплощена.

Вита задумалась.

– Так, – проговорила она. – Значит, Миленион в отключке, Айанур с Хешшкором в дружбе... Но Бэла-то, чтоб ей провалиться – посвященная Айанур! Эй, а не могла ли она переметнуться к другому божееству?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Хешшкор. – Во время оно такое случалось сплошь и рядом.

– Задача усложняется, – хмуро констатировала Вита. –

Возможно, Бэла подставляет Айанур, а сама работает на другого. Н-да... А если она говорила правду, то Виталик и Катя в разных местах. Еще не легче! Ладно, вряд ли кто-то способен причинить серьезный вред нашему сыну, не заполучив Катю, значит, ее и нужно спасать в первую очередь. Ты сказал, она в ином пространстве. Дашь мне какой-нибудь ориентир?

– Зачем? – погрузился Хешшкор. – Даже я не могу пробраться в обиталище другого бога, если он не захочет.

– Ну, а я могу, – Вита нетерпеливо забарабанила пальцами по столу. – Добралась же я до Соа, когда понадобилось.

Восемь лет назад в мир из запредельных пространств приперлась золотая змея Соа, освободившая Флифа и поставившая Вселенную на грань гибели в пасти Пожирателя. Тогда Черный Круг заключил с Витой договор. Она должна была изгнать Соа и вновь заточить Флифа, а ей был обещан идеальный мужчина... В отличие от колдунов, Вита с успехом справилась со своей частью договора.

– Сварганю Кольцо Путешественника Вовне, делов-то, – у Виты еще с тех пор имелся опыт путешествий между мирами. – А вздумают поставить барьер – так на то у меня есть Флиф.

– Что?! – Хешшкор подскочил, как ужаленный. – Или я стал плохо слышать?

Вита хмыкнула.

– А как, по-твоему, мы с Файкой только что ворвались в

окруженный барьером Айфарет?

– Что вы натворили в Айфарете? – бог был в ужасе. – Что вообще тут без меня произошло?

– Фая расскажет, – отмахнулась она. – А мне пора смотреть в университет и позаботиться о Кольце. У меня там и оксид меди есть в порошке, и трубчатая печка для восстановления, и водород в баллоне, и прочие приборы можно у коллег выклянчить...

Кольцо Путешественника Вовне было, увы, одноразовым артефактом. Причем купить его или приобрести как-то иначе было совершенно невозможно: использовать Кольцо мог лишь его создатель. Нужно было лично извлекать медь из руды, тянуть проволоку и сворачивать из нее готовое изделие – в общем, сплошной геморрой. «Внемли же, вознамерившийся отковать Кольцо Путешественника Вовне. Тебе понадобится капля белого серебра, капля желтого золота, но всего больше нужна тебе красная медь, коей не касались ничьи руки, кроме твоих. Извлеки же ее сам из руды, расплавь и присоедини золото с серебром. Вытяни металл тонко, свей в спираль и сверни ее в кольцо. Да не забывай во время работы произносить слова нужного заклинания...» В прошлый раз Вита делала это прямо в Хешширамане, в кустарных условиях. Но раз уж теперь у нее собственная лаборатория...

В пасмурном небе над Хешшираманом догорал красно-фиолетовый закат. Близилась непроглядная осенняя ночь

– время Флифа. Фаирата задернула темно-зеленой бархатной шторой окно, в котором виднелся зловещий силуэт Бет-реморогской башни. Бессмертный зажег движением пальца три свечи в вычурном литом подсвечнике. В зале стало уютнее, но тревога не покидала.

– Что-то Витка задерживается, – пробубнила себе под нос Фаирата, зябко кутаясь в шаль.

Казалось, ее слова были услышаны. Из тьмы коридора бесшумно вынырнула Вита. На ее ногах были кожаные сапоги без каблука, в которые с удобством заправлялись леггинсы неприметного болотного цвета; длинная кожаная куртка скрывала ножны с мечом. Вита выглядела, словно собралась на войну – да так оно и было. Она молча вынула из кармана и положила на стол два тонких колечка размером с орех, каждое из которых было свито из аккуратно скрученной в мелкую спираль медной проволоки.

– Вот они, Кольца Путешественника Вовне, – благоговеино прошептала Фаирата.

Ее так и тянуло к ним, но колдунья знала, что волшебных колец и в процессе изготовления, и в процессе эксплуатации может касаться лишь одна рука, иначе их свойство открывать дверь между мирами пропадет.

– Почему два? – спросил Хешшкор. – Никто из нас не сможет пойти с тобой.

– После использования Кольцо исчезает, – Вита знала это по своему опыту. – Билетик в один конец, так сказать. А

обычно надо туда и обратно.

Бог понимающе кивнул.

– Нужно спешить, – Вита огляделась. – Где Аррхх? По пути сюда я его не встретила.

– Улетел еще вчера, – виновато развела руками хозяйка. – По каким-то своим делам. С тех пор как ты подорвала мой авторитет, – все же она не удержалась от укора, – он перестал сообщать мне о своих планах.

– Вот дерьмо! – Вита со злостью пнула кресло. – Об этом я и не подумала! Как же мне подняться выше птиц, будь они неладны? Сама я летать еще не научилась, разве что камнем вниз.

В прошлый раз добраться в мир Соа ей помог Аррхх. Использовать Кольцо Путешественника Вовне можно было, лишь поднявшись высоко в небо, и способность черно-золотого змея летать пришлась очень кстати.

– Ты ведь сегодня собиралась лететь на конференцию, – вспомнила Фаирата, довольная своей находчивостью. – Вот и лети. Как самолет выйдет за облака, тут ты и... – она сделала жест, как будто надевает на палец воображаемое кольцо.

– Ну да, – скептически хмыкнула Вита. – А что при этом будет с остальными двумя сотнями пассажиров? Они просто кайф словят, когда окажутся вместо Нью-Йорка в мире Ай-анур!

– Ну... Правду сказать, после сегодняшнего я думала, что тебя больше не волнуют такие мелочи, – Фаирата прозрачно

намекнула на освобождение Флифа.

Вита не слышала этой реплики. Она погрузилась в свои мысли и снова вынырнула в реальность лишь немного погодя.

– Знаешь, идея сама по себе неплохая, – проговорила она медленно, сгребая колечки обратно в карман. – Вот только самолет должен быть грузовым, а не пассажирским... лучше всего – военным. И, конечно, для этого понадобится много денег. Слишком много для меня.

– Хочешь, я тебе одолжу? – предложила Фаирата от чистого сердца.

Вита фыркнула:

– Разве что весь Черный Круг скинется. Пора им, пожалуй, что-нибудь для меня сделать. Когда, говоришь, шабаш у Энтелены? Не сегодня ли?

8. Деадарг-3

Шабаш Черного Круга был совсем не похож на то, что обычно имеют в виду, говоря о шабаше ведьм. Иногда он напоминал заседание госдумы, а чаще – производственное совещание. Шабаш созывался для обсуждения всевозможных вопросов, которое часто переходило в ругань, а порой – и в драку, но в целом приводило к желаемому результату.

Сегодня планировалось ежегодное утверждение новых членов Черного Круга, прошедших предварительные испытания – рутинная процедура, участвовать в которой большинству магов было неинтересно. А посему в большой зале Деадарга-3 собралось совсем немного народу – зато почти все были важными шишками в Круге. Во главе большого стола восседала величественная темноволосая женщина средних лет в длинном темном платье с лисьей горжеткой – Немира Деадаргана, верховная колдунья. По правую ее руку сидела молодая дамочка с короткой русой стрижкой, с непроницаемым не по годам лицом и с деловитой уверенностью в позе – хозяйка замка, Энтелена Деадаргана. Еще несколько мужчин и женщин разного возраста ждали начала, потягивая напитки.

Наступил объявленный час, и стало ясно, что все, кто хотел, уже прибыли. Немира откашлялась и придвинула кресло поближе к столу.

– Подождите минуту, – внезапно остановила ее Энтелена. – Кто-то еще.

Она кивком головы указала на возникшее в углу у входа серебристое сияние, которое быстро формировалось в два силуэта.

– Фаирата Огненный Локон и Виталия, – Немира узнала новоприбывших.

Ее охватило дурное предчувствие. Она ничего не имела против Виталии и часто пользовалась ее услугами по синтезу разных ингредиентов, необходимых для волшебства, но эта женщина была слишком непредсказуема и неуправляема, она внушала опаску уже тем, что не доверила свою душу ни одному богу. Кроме того, в свое время колдуны нарушили заключенный с нею договор. Хоть в том и не было персональной вины Немиры, сейчас она отвечала за весь Черный Круг и потому испытывала по отношению к Виталии некоторую неловкость.

Сияние погасло, Виталия вздохнула полной грудью и окинула взором зал. Немира поймала ее тяжелый взгляд, в котором читалась решимость добиться своего любой ценой, и незаметно поежилась. Костюм Виталии находился в полной гармонии с ее выражением лица. Нехорошее предчувствие усилилось.

Немира открыла рот, чтобы приветствовать незваную гостью – куда деваться, раз уж пришла, – но Виталия заговорила первой.

– У меня нет времени на церемонии, – сказала она. – Мне нужны деньги, чтобы нанять грузовой самолет. Немедленно.

Она хорошо знает свое положение, с тоской подумала Немира. Слишком хорошо. Такую не обвести вокруг пальца. Дарьен как-то раз попробовал, а кончилось дело тем, что она отрезала ему голову.

– Какое право ты имеешь требовать что-то у нас? – недовольно уставилась на Виталию Энтелена.

Немира мысленно застонала. Деадарган, огради нас от ссоры! Энтелена очень молода, принята в Черный Круг сравнительно недавно, она и не подозревает, что Виталия Сама-по-Себе не просто химик на службе магов, что она, увы, имеет полное право требовать. Но хоть бы сделала вид, что просит! Насколько колдунам было бы легче это принять!

Виталия посмотрела на Энтелену холодными серыми глазами, та смешалась и примолкла. На секунду Немира позавидовала Виталии: ей самой, верховной колдунье, не так легко удавалось окорачивать буйную молодежь.

– Я тороплюсь, – Виталия взглянула на Немиру в упор. – Жизнь моего сына в опасности.

Немира изумленно откинулась на спинку кресла:

– Но он же бессмертный!

Сидящие за столом остолбенели, и Немира мысленно выругала себя за длинный язык. Зачем она брякнула, не подумав? До сих пор это поразительное обстоятельство, подсказанное ей магической книгой, оставалось ее личной тайной,

а тайны не след выбалтывать просто так.

Среди присутствующих царило замешательство. Спокойна была только Виталия. Да, надо было молчать. Немира понадеялась было, что сможет огорошить ее такой информацией, но она уже знала...

Энтелена первая справилась с собой.

– Это правда? – покосилась она на Виталию.

– Правда, – мрачно ответствовала та. – Он бессмертный, черный бог, если это вас волнует. Но есть способы лишиться бессмертного всех преимуществ жизни, и тем, в чьих руках мой сын, такие способы известны. А потому не советую задерживать меня или тем паче, – она сделала паузу, выражая надежду, похожую на уверенность, что подобное не придет в головы собравшихся, – препятствовать.

Немира, вздохнув, сделала Энтелене знак. Та поднялась, машинально отряхнула и без того стерильное платье – верный признак, что потрясенному разуму не до контроля за руками. Известие о ребенке Виталии само по себе могло ошарашить. Но то, что верховная колдунья, даже не посоветовавшись с присутствующими, не говоря уже об отсутствующих, дает постороннему человеку по первому слову добро на изъятие из сокровищницы любых ценностей – это просто в голове не укладывалось.

– Пойдем, Виталия, – нерешительно предложила Энтелена. – Я проведу тебя в сокровищницу.

Вита последовала за хозяйкой Деадарга-3, этого замка с

нелепым названием, совсем как у какого-нибудь военного городка. Мягкие сапоги бесшумно ступали по дорожному ковру, и Энтелена время от времени оглядывалась на гостью – видимо, хотела убедиться, что та не отстала... а может, и по другой причине.

– Проходи сюда.

Она коснулась стены рукой, и в ней появилась дверь, половинки которой тотчас начали разъезжаться. Вита заглянула в проем – за дверью находилась совершенно пустая комната.

– Шутишь?

– Какие уж с тобой шутки, – нервно усмехнулась Энтелена. – Мать бога, надо же! Стоит тебе шепнуть ему словечко, и он разнесет все в пыль, да?

Вита досадливо пожала плечами:

– Я и сама могу все на фиг разнести, была бы необходимость.

– Он поделился с тобой своим могуществом? – осенило Энтелену. – Ты стала посвященной собственного сына? Здорово!

– Чушь собачья, – Вита поморщилась. – Лена, меня недаром зовут Сама-по-Себе. Я не стала и не собираюсь становиться ничьей посвященной. Для того, чтобы разрушать, не требуется особое могущество. Простые люди всегда великолепно справлялись с этой задачей – причем, чем проще, тем лучше.

Она перешагнула порог странной пустой комнаты, огляделась. Ничего не проявилось.

– Где бабки, Лена? Честное слово, мне некогда с тобой болтать. Может, у моего Виталика и есть сила, но вряд ли он успел научиться ее применять. Он ребенок, и за его благополучие пока что отвечают родители. Мне нужно к нему.

– Одну минуту, – успокоила ее Энтелена и пояснила: – Сокровищница заколдована. Наши богатства – не слитки золота, не деньги, не драгоценные камни, и в то же время все это, вместе взятое. Они... ну, проявляются в разных ипостасях.

– Сверхконвертируемость, – пробурчала Вита.

– Так какой вид ценностей ты предпочитаешь? – осведомилась колдунья, прикинувшись, что не слышала непонятного слова.

– Доллары крупными купюрами, – не задумываясь, ответила Вита и в издевку добавила: – В банковских пачках, разложенных по кейсам с кодовым замком.

– Стены да услышат, – промолвила Энтелена и взмахнула рукой в специфическом жесте.

Пустое пространство в момент заполнилось стеллажами, заваленными одинаковыми черными чемоданчиками. У Виты отвалилась челюсть.

– Бери сколько хочешь, – разрешила хозяйка.

Смеется, подумала Вита. Да я больше двух таких дипломатов просто не унесу! Строго говоря, больше и не надо...

– Надеюсь, банкноты не фальшивые?

Энтелена вздернула нос:

– Это не иллюзия, это настоящие средства, накопленные Черным Кругом. Только порой они бывают этими бумажками, а порой – чем-то другим... Я не могу объяснить.

Ничего-то вы не можете объяснить, волшебники хреновы, снисходительно подумала Вита и сняла с полки два тяжелых кейса.

– Ты уверена, что этого хватит? – спросила Энтелена.

– Хватит, еще и останется, – вообще-то Вита полагала, что хватило бы и одного дипломата, но она никогда не упускала возможности подстраховаться.

– Ну, тогда ладно, – протянула Энтелена.

Она вскинула левую руку, и стеллажи исчезли, как и не было. Вита невольно поглядела на свои кейсы. Тревога была напрасной и глупой: конечно, они оставались на месте, все так же оттягивая ей руки.

Пустынным коридором они зашагали обратно: Энтелена шуршала платьем впереди, Вита следом. Несмотря на тяжесть, шаги ее были по-прежнему легки.

У дверей залы Энтелена неожиданно обернулась:

– Ты извини, что я на тебя гавкнула поначалу. Примешь подарок? – она раскрыла кулачок, на ладони лежал крохотный золотой ключик. – Это непростая вещица. Спрячь его на теле, и ты сможешь прикосновением мизинца открыть любой замок. Может, пригодится.

– Спасибо, – проговорила Вита удивленно. – Я не забуду

этого, Лена. И о твоём заказе, конечно, не забуду.

Энтелена мотнула головой.

– Мне хотелось бы, чтобы с твоим сыном все было хорошо. Не потому, что он бог... а потому... – она смутилась. – Знаешь, все твердят, что я чрезмерно молода, но у меня был ребенок. Его украли, когда ему и полугода не исполнилось, – голос колдуньи дрогнул от тягостных воспоминаний. – А я была бессильна. Я ничего не могла сделать, когда он исчез, и ничего не могла изменить, когда полиция выловила из реки искромсанный трупик. Теперь я обрела силу, но теперь слишком поздно, – она с усилием вскинула голову и наконец посмотрела Вите в глаза. – Не опоздай.

– Спасибо, – сдавленно повторила Вита.

Когда они вошли, через другую дверь залу покидал молодой человек, только что утверждённый полноправным магом Черного Круга. Фаирата ждала в кресле у стены.

– Поехали, Фая, – сказала Вита, становясь рядом.

Их уже затягивало в воронку телепортации, когда, словно издали, донесся искажённый голос Немиры:

– Следующая – Валента Миленион...

– Миленион? – первое, что вырвалось у Виты сразу после благополучного прибытия в Хешшираман. – Так эта дрянь воскресла?

У Виты были старые счеты с черной богиней. Дарьен, которого она убила, чтобы не позволить ему принести себя в жертву, был посвященным Миленион. Другим ее посвящен-

ным являлся дряхлый колдун Хафиз, второй претендент на вакантное до поры место отца Виталика, умерший из-за Виты. Виту абсолютно не огорчило развоплощение Миленион: эта стерва чуть не убила Фаю, желая погубить Хешшкора. Но она сознавала, насколько вздорная богиня зла на нее.

– Не воскресла, а вновь воплотилась, – поправила Фаирата, помогая положить кейсы на журнальный столик.

– Какая разница? – огрызнулась Вита. – Мало мне проблем с сыном, так еще и эта змеюка объявилась. Небось спит и видит, как бы мне жизнь отравить!

Она со злостью плюнула и попыталась открыть один из дипломатов. Не тут-то было: кодовый замок злорадно скалился металлом. Она вдруг сообразила, что не знает кода. Это надо же: самой пожелать, чтобы деньги были спрятаны за кодовым замком! Близок локоть, а не укусишь. И Энтелена хороша, не догадалась предостеречь. Впрочем, после недавно узнанного Вита не находила в себе сил на нее сердиться.

Вспомнив об Энтелене, Вита вспомнила еще кое о чем. Золотой ключик был в кармане. Она аккуратно приблизила мизинец к замку, тот послушно щелкнул.

– Ух ты! – воскликнула Фаирата. – Как ты этому научилась?

Вита загадочно ухмыльнулась, наугад вытащила из дипломата пачку купюр, вскрыла, пересчитала. Ровно сто бумажек по сотне баксов – это десять тысяч в одной пачке. Н-да, с самолетом проблем не будет.

9. Полет Вовне

Грузовой транспорт российских ВВС плавно набирал высоту. Далеко позади остались огни аэродрома, проплыл под крыльями лесной массив, темный даже на фоне ночной земли, и скрылся из виду – самолет мелко задрожал, войдя в полосу облаков.

Командир корабля, майор Андрей Колосов, много повидал на своем веку. Случались в его жизни и военные конфликты, согласно официальной версии никогда не происходившие, и спасательные операции на грани безумия, и трения с начальством, смахивающие на прелюдию к самоубийству, и нелегальные полеты к любимой девушке, совершаемые над чужой территорией на свой страх и риск. Нервы старого вояки давно покрылись защитной броней.

Но этой ночью ему было не по себе. Когда он увидел, что заползло в грузовой отсек, то внезапно почувствовал себя трехлетним мальчишкой, которому приснился первый в жизни кошмар. Больше всего захотелось спрятать голову под одеяло и позвать маму, чтобы не оставаться наедине с этим. Он почти решил отказать нанимательнице, но так и не произнес «нет». Любимая девушка много лет назад стала женой, он был обременен великовозрастными детьми и бестолковыми внуками, а содержимое черного чемоданчика позволяло ему роскошь обеспечить каждого наследством и не забыть

свой экипаж.

Впрочем, исключительно из материальных соображений он вряд ли пошел бы на величайшую в своей карьере авантюру. Огромную роль сыграло и то, что ему было бы неловко проявить свой страх перед этой странной женщиной, сидящей в кресле у правого борта. Она смотрела в иллюминатор, в лице и во всем теле ощущалась спокойная решимость и сила, сила непонятной майору Колосову природы. Пассажирка не выглядела ни культуристкой, ни суперинтеллектуалкой, ни секс-бомбой. Просто вид этой женщины будил в Колосове дремучие ассоциации с самолетом-истребителем, под чьими изящными гибкими формами скрывается мощь, способная преодолеть земное притяжение и взвиться в воздух хищной стальной птицей, сметаая на своем пути все преграды огнем и свинцом...

– Десять тысяч метров, мадам.

Она кивнула, медленно обвела взглядом экипаж – словно прощалась; по спинам произвольно пробежал холодок. Странное кольцо из медной спирали, висящее у нее на груди на тонкой цепочке, тускло блеснуло в свете приборов. Она взяла кольцо в ладонь, словно любясь... и быстро перевернула его обратной стороной.

В следующую секунду сердце майора ухнуло куда-то вниз. Воздух внезапно загустел, и самолет едва продирался через липкую желеобразную среду, будто жучок, увязающий в смоле. Все приборы отказали разом, стрелки хаотично крути-

лись, словно не понимая, в чем дело.

– Где мы, м-мать? – нервно закричал штурман.

Вдруг в розовом желе, окружившем их, проявилась черная крупноячеистая сеть. Под напором могучих крыльев она немилосердно затрещала, но выдержала. Самолет стало сносить вбок.

– Проклятье, – яростно произнесла нанимательница.

Майор Колосов бросил на нее вопросительный взгляд. Она хмурилась. Что-то пошло не так.

– Запомните, – сказала она, вставая. – Что бы ни случилось, не стрелять. Разве что из рогатки. Никакого огнестрельного оружия!

И, заняв позицию у выхода, молниеносным движением извлекла из-под полы длинной кожаной куртки самый настоящий, недобро сверкнувший во взбесившемся освещении кабины клинок.

Розовая стенка с отвратительным, почти животным чмоканьем лопнула, сеть рассыпалась в прах. Тяжелая громоздкая машина, надрывно рыча турбинами, ворвалась под чужое темное небо, искрящееся чужими звездами ярких ядовитых цветов.

– Черт! – изумленно воскликнул второй пилот. – Мы что, в безвоздушном пространстве?

Да нет, чушь. Без воздуха двигатели бы заглохли. Но отчего-то воздух этого мира не держал самолет.

– Аварийная посадка, – предупредил майор, стараясь,

чтобы голос звучал спокойно.

Самолет глухо ударился о землю, побежал по кочкам и камням, замер наконец, будто выдохшаяся птица. Вита с трудом отклеилась от поручня, в который вцепилась мертвой хваткой, вытерла пот со лба. Второй пилот слегка подрагивающими руками открыл перед ней дверь в неизвестность.

Кругом царили темнота и молчание. Воздух, несмотря на фокусы с самолетом, был вполне пригоден для дыхания. В тишине уверенно процокали каблуки, и словно кто-то дернул за веревочку выключателя – или сказал «Да будет свет!»: все вокруг осветилось.

Самолет стоял посреди огромного пространства, вымощенного грубо обтесанными плитами, и Вита замерла на верхней ступеньке выдвижного трапа. Снизу на нее торжествующе смотрела высокая женщина в фиолетовом, с черными волосами, крупными злыми глазами и капризным носиком.

– Добро пожаловать, – ехидно улыбнулась она.

– Миленион! – вырвалось у Виты.

10. Воскресшая Миленион

«Черноволосая, пучеглазая, наглая баба», – так описала ее Бэла. Конечно, это была Миленион, бессмертная, воскресшая из бесплотного квазисуществования с приобретением посвященной! Миленион уже давно смертельно ненавидела Виту, и та, поначалу ничего не имевшая против вздорной богини, теперь платила ей тем же.

– Где Катя? – требовательно спросила Вита.

Миленион гнусно расхохоталась.

– Она жива?

– Понятия не имею, – богиня беззаботно пожалала плечами. – Мне не нужна твоя дочь, мне нужна ты. Она сыграла свою роль приманки, и вот ты здесь. Как я рада тебя видеть! – она расплылась в предвкушающей улыбке.

– Что ты с ней сделала? – заорала Вита и проморгала движение богини.

Повинуясь жестам своей хозяйки, по обе стороны от Виты возникли два существа жуткого вида: одно казалось огромным двуногим ящером, сотканным из живого огня, другое напоминало воду, плавно обтекающую фигуру гигантского кальмара. Оба тотчас вцепились ей в плечи: ящер – своими короткими ручками, больно обжигающими кожу, кальмар – ледяными склизкими щупальцами. Вита судорожно вздохнула.

– Правда, симпатяги? – усмехнулась Миленион. – Дзыг и Клук позаботятся о тебе как следует, будь уверена!

Вита попробовала вырваться, но конечности мерзких существ еще сильнее впились в тело, причиняя боль. Миленион аж лучилась от удовольствия.

– Что я с ней сделала, с твоим маленьким отродьем? Наверное, то же, что собиралась сделать эта идиотка Айанур. Заманила тебя в гости! А пока ты ломилась сквозь мировую стену, отослала подарок своей новой колдунье в Милену. Думаю, девчонка пригодится ей для опытов: смертные, увы, слишком часто подымают в процессе невинных экспериментов наших посвященных!

Только сейчас Вита поняла, что богиня считает Катю ее дочерью. Ее бессмертной дочерью! Потому-то Миленион и не пришло в голову убить девочку. У нее слегка отлегло от сердца.

– Оценила мой замысел? – Миленион была донельзя довольна собой. – Очень мило со стороны Айанур было приказать своей кукле похитить твоего ребенка. Представляю, как рвет и мечет сейчас эта сладкая белобрысая дурочка! И поделом ей: надо действовать самой, а не доверять примитивным людишкам.

– Зачем ей это? – спросила Вита. – Я не ссорилась с Айанур.

Миленион захихикала:

– Не ссорилась! Конечно, не ссорилась. Какая может быть

ссора у богини с жалкой смертной? Я с тобой тоже не в ссоре, букашка. Просто раздавлю тебя, чтоб не кусалась, и все. А перед тем поотрываю крылышки и лапки.

Она махнула рукой и исчезла, крикнув на прощание:

– Займемся этим увлекательным делом в более подходящем месте!

Дзыг и Клук подхватили ее крепче и, взмыв со своей ношей ввысь, куда-то полетели. С молодых лет Вита не боялась высоты, но чудища, явно следуя желаниям госпожи, так крутили и болтали ее в воздухе, что ее замутило. Через пять минут она рассталась со всем, что было в желудке, а еще через некоторое время у нее потемнело в глазах.

Очнулась она оттого, что во все отверстия тела вдруг хлынула ледяная вода. Она задрогалась, не имея возможности ни закричать, ни вдохнуть, ни даже открыть глаза.

– Освободи ей зенки, – донесся как через вату голос Миленион.

Ужасное ощущение воды, заливающей зрачки, исчезло, и Вита сквозь невольные слезы увидела, что над ней навис кальмар, запустив свои отвратительные щупальца ей в нос, глотку, уши... Она задышалась. Когда голова готова была лопнуть от удушья, рот и нос вдруг освободились, она быстро задышала, захлебываясь слюной, но тут Миленион промолвила:

– Еще разок.

Все повторилось, потом еще и еще. Вита не могла уже ду-

мать ни о чем, кроме очередного глотка воздуха. Миленион была в восторге.

– Пожалуй, хватит развлекаться, – благодушно произнесла она. – Перейдем к более серьезному времяпрепровождению.

Вита лежала, распластанная на полу запертой железной клетки, смотрела в темное небо с идиотски раскрашенными звездами и хрипло дышала. От унижения хотелось провалиться сквозь землю. И не давала покоя мысль о том, что сейчас может происходить с детьми. Она не заметила, как проклятый кальмар выполз из клетки, а через прутья внутрь просочился ящер. Он прошлепал к ней на трехпалых лапах и деловито, словно хирург во время операции, приложил к ее правому глазу огненный палец. От внезапной боли она погрузилась в милостивую тьму, не успев осознать, что случилось.

Из небытия ее вывел пронзительный визг Миленион. Вита даже подивилась, что богиня может так истошно вопить, и попыталась открыть глаза и посмотреть, что ее так напугало. Зрелище того стоило: на бессмертную напознал неумолимый Флиф, очнувшийся от окаменения и последовавший, согласно своей природе, за Тюремщицей. Черная клубящаяся змееподобная громада без глаз, ушей и рта, от этого еще более жуткая, навевающая иррациональный страх, замораживающая сердце... Выглядел Флиф как-то странно, словно на плоском экране телевизора. Вита поняла, что смотрит на

него только одним глазом, и тут же проснулась боль в правой глазнице, как будто ждала этого понимания.

Со страхами Вита научилась справляться: как-никак она уже трижды сходилась с Флифом в поединке воли. Она подползла к стенке клетки и поднялась, держась за решетку и не отрывая взгляда от перепуганной Миленион. Она вспомнила, как наслаждалась бессмертная ее мучениями, и скрипнула зубами. Что ж, теперь они поменялись ролями.

Миленион в панике оглянулась и заметила, что Вита наблюдает за ней.

– Тюремщица! – крикнула она. – Покажи ему кольцо, скорее!

Вита цинично усмехнулась и демонстративно повернула перстень камнем внутрь ладони. Лицо богини исказил ужас.

– Ради всего, что для тебя свято! Уйми его, и я тебя отпущу!

– А кто вернет мне глаз? – поинтересовалась Вита.

– Я не хотела! – завопила Миленион, будто девчонка, уличенная в мелком хулиганстве и сваливающая вину на малолетнего брата. – Дзыг сам, сам!

– Этот глаз мне очень нужен, – упрямо заявила Вита.

– Я не могу вернуть его тебе, и никто не сможет! – богиня пятилась от Флифа, в голосе проскальзывали постыдные слезливые нотки. – Но у меня есть волшебное зеркальце, посмотришь в него утром – и весь день окружающим будет казаться, что глаз на месте!

– Давай его сюда, – потребовала Вита.

Миленион второпях хлопнула в ладоши, и в них оказалось маленькое кругленькое зеркальце в резной деревянной оправе на длинной ручке. Она бросила его Вите сквозь прутья решетки.

Вита не спеша подобрала зеркальце и протянула к Флифу руку с перстнем Тюремщика. Безжалостная громада, вознамерившаяся было пообедать бессмертной душой, застыла, как скала.

– Открывай клетку, – приказала Вита запыхавшейся богине.

Та зыркнула на нее исподлобья:

– Перебеешься, – и бросилась прочь.

– Ах ты паскуда... – начала было Вита, но тут из темноты послышалась стрельба, заглушаемая гулом турбин. Пули, конечно же, не причинили никакого вреда богине, незамедлительно растворившейся в воздухе.

Самолет въехал в круг света. Экипаж уставился на нее побелевшими лицами.

– Э... вам помочь, мадам? – тактично осведомился второй пилот.

– Извините, вы не велели стрелять, – буркнул Колосов. – Но у ребятишек нервы не выдержали.

Вита знала на собственном опыте, что огнестрельное оружие разрушает магическую защиту. Но это разрушение приводит к высвобождению энергии, сравнимому по мощности

с ядерным взрывом. Именно так, в атомном пламени, погиб замок главы белых магов Лисаана, когда Дэн Ши приказал ударить по магической маскировке из корабельных орудий.

– Я не велела стрелять? – переспросила Вита. – Да хрен с ним, с этим миром! По мне, так разнести его вдребезги, вот только разносить здесь нечего, кроме этой долбаной клетки! – ярость заклокотала в ней, она рывком натянула прожженную куртку и ткнула мизинцем в замок; клетка отворилась. – Ах, дрянь подколотная, чтоб тебе пусто было! – бормоча проклятия, она устремилась к самолету мимо своего притихшего воинства из четырех человек, у трапа обернулась: – Мы торопимся. Грузите эту чертову скульптуру, – она небрежно указала ножами с мечом на неподвижного Флифа, – и отваливаем.

Летчики застыли с отвисшими челюстями. За пару часов, что минули с момента их расставания, эта удивительная дама потеряла килограммов пять веса, большую часть одежды, отдельные участки кожи и правый глаз, в ее движениях сквозила боль и усталость, но какая-то неведомая сила гнала ее вперед, к неизвестной цели, и ничто не могло заставить ее свернуть.

Вита скинула мокрое прожженное тряпье, в которое превратилась ее одежда, влезла в запасной комплект обмундирования. Порывшись в аптечке, приняла обезболивающее и наложила повязку на пустую глазницу, еще раз помянув садистку Миленион недобрый словом. Вся правая сторона го-

ловы ныла, а при каждом повороте отзывалась резкой болью. Она налила себе кофе из термоса и развалилась с чашечкой в кресле, ловя краткие минуты отдыха в ожидании, пока мужчины закончат свою работу.

– Машина не сможет взлететь, – хмуро объявил майор Колосов. – Не знаю, что за фигня здесь творится с законами физики.

– И я не знаю, – пожала плечами Вита. – Но здесь взлетать и не обязательно. Главное – хорошенько разогнаться, чтобы, перейдя в наш мир, не упасть камнем с высоты.

С какой легкостью она рассуждает о переходах между мирами, мысленно удивился майор. Можно подумать, это для нее обычное дело. Как, впрочем, и махание мечом, и тяжкие раны, на которые она просто не обращает внимания...

– Есть, мадам, – Колосов отдал честь и прошел к креслу пилота.

Самолет тронулся с места и покатился по неровной поверхности, постепенно набирая скорость.

– Залп на прощание, – разрешила Вита.

Тишину чужого мира, на которую взирали нелепые, словно елочные игрушки, разноцветные звезды, прорезал треск пулеметов, рев огнеметов и грохот ракетных установок. Стрелок отводил душу.

– Хорошо, – майор прищелкнул языком, глядя на разлетающийся вал огня и металла.

Вита молча кивнула. Она искренне надеялась, что это воз-

действие нарушит какое-нибудь равновесие, и мир Миленион благополучно сгинет.

Самолет несся по пыльному склону, как гоночный джип. На цепочке у Виты висело Кольцо Путешественника Вовне. Никто и не догадывался, что это уже второе. Она помедлила немного и со словами:

– Курс на Милену, – перевернула его.

11. Сюрприз в Милене

Родной, надежный холодный земной воздух принял вынырнувший из промежутка между мирами самолет на свою грудь, и вздох неимоверного облегчения вырвался у четырех летчиков. Вита спрятала за ворот цепочку, на которой больше не было кольца, и повернулась к иллюминатору.

Внизу проплывали горные вершины. На каменистом склоне раскинулся замок с острыми башенками и зигзагообразными галерейками – Милена, бывшая обитель покойного старого мага Хафиза. Теперь там была новая хозяйка. И в ее власти находилась Катя.

Самолет облетел замок по кругу, но снижаться не стал. Майор Колосов покачал головой:

– Нет подходящей площадки, чтобы сесть. Разобьемся, к черту.

Вита тяжело вздохнула.

– А парашют у вас есть?

– Вы и прыгать с парашютом умеете, мадам? – вежливо удивился второй пилот.

– Не умею, – призналась Вита, пожав плечами. – Но, насколько я вижу, другого выхода нет.

Ей принесли парашют, приладили. Когда все ремни были подогнаны и все советы с вниманием выслушаны, она глотнула еще одну таблетку и направилась к двери.

– Желаю успеха, мадам, – напутствовал ее Колосов. – Прищучьте эту чернявую мерзавку.

Виту вдруг рассмешило это «мадам», которым ее величали.

– А я, между прочим, мадемуазель, – хихикнула она и несколько запоздало представилась: – Меня зовут Виталия. Спасибо, ребята.

Она неуклюже вывалилась из самолета. Земля закувыркалась, башенки Милены мельтешили то сверху, то снизу. Она живо вспомнила перелет в компании Дзыга и Клука, и ее чуть снова не стошнило.

Подождав, как учили, она дернула кольцо. Белый купол, распутившись, как сказочный цветок, рванул ее вверх – то есть, поправила она себя, замедлил ее падение вниз. Теперь ее не болтало, появилось определенное направление: над головой – гигантская белая кувшинка с тычинками-стропами, вокруг – небо, под ногами – далекая земля. Милена казалась игрушечным макетиком, но Вита знала, что это впечатление обманчиво. Хоть бы не сбили, подумала она.

Земля приближалась. Потягивая стропы согласно указаниям, данным напоследок заботливым экипажем, Вита приземлилась совсем недалеко от замка. Правда, приземление больше напоминало микрокатастрофу: она больно ушибла ногу, потом не сразу смогла отцепить парашют, и ее проволокло по щебню. Но все это были такие мелочи! Она поднялась и, припадая на больную ногу, поковыляла к замку.

Миленион и ее низенькой ведьме с косой густых соломенных волос было не до того, чтобы обращать какое-либо внимание на залетных парашютистов. Они ожесточенно препирались в галерее из-за плачущей крошечной девочки: богиня тянула ее к себе за одну руку, а колдунья – за другую. В отличие от раболепствующего Хафиза, эта малявка Валента – девица не промах, мелькнула против воли одобрительная мысль.

Хныканье девочки мешало выяснению отношений, и Миленион сердито шлепнула ее по губам:

– Заткнись ты, козявка!

Козявка только пуще разревелась, а Валента вознегодовала:

– Детей бить нельзя!

Отчего-то ее интонация показалась Вите знакомой.

– Поговори еще у меня! – рассвирепела богиня.

– И что? – дерзко поинтересовалась ее посвященная. – Что ты мне сделаешь? Убьешь? Флаг тебе в руки и барабан на шею!

Вита присвистнула. Так выражаться в разговоре с бессмертной! До сих пор Вита полагала, что вряд ли кто, кроме нее, Самой-по-Себе, на такое осмелится. Впрочем, в ее планы не входило слушать перепалку.

– Отойди от девочки, старая выдра! – крикнула она, подняв меч.

– Ты?! – глаза Миленион расширились. – Ты же осталась

там, с Пожирателем! Нет, этого не может быть...

– Витка? – ошеломленно вылупилась колдунья. – Что с тобой? И что ты здесь делаешь?

– Тысяча проклятий... – растерянно прошептала Вита, приглядываясь. – Валька!

Кого она не ожидала увидеть в «группе поддержки» Миленион, так это родную сестру! Ее глупая младшая сестренка Валентина собственной персоной стояла у балюстрады Милены, разодетая в пышное фиолетовое платье под цвет накидки Миленион, и пялилась на Виту, как на восьмое чудо света. А ведь мать говорила, припомнилось Вите, что Валечка связалась с какими-то сатанистами... Вот с кем связалась эта маленькая дуреха, надо же!

Вита непростительно отвлеклась. Миленион быстро справилась с изумлением. Она выхватила Катю у опешившей Валенты и с силой дернула ее за косичку. Девочка заревела еще громче.

– Ну-ка брось свою железку и отойди к стене, смертная. Не то я твоей дочке шею сверну!

– Эй! – колдунья вцепилась в руку бессмертной. – Ты что, она же моя сестра!

– Вот и распрекрасно! – богиня тряхнула рукой, отшвырнув посвященную в угол. – Будешь у мамы единственной наследницей.

Валента ловко поднялась и, возмущенно сверкая глазами, ринулась к Миленион:

– У тебя крыша поехала?

Вита восхитилась. Н-да, манера общаться с богами у нас, видимо, семейная.

– Не лезь не в свое дело, – прошипела Миленион, накручивая тонкую Катину косичку себе на кулак. – Хочешь ты этого или нет, мне плевать. Я, в конце концов, богиня, и я желаю убить их обеих. Вот только помучаю для начала.

– Еще чего не хватало! – колдунья уперла руки в боки и стала похожа в своем пышном платье на бабу для чайника. – Если сию минуту не перестанешь, я от тебя отрекись, и посмотрим, как ты запоешь.

Колдунья знала, как припугнуть богиню. Бессмертный, потерявший всех посвященных, развоплощается, теряет физическое тело. А что он может без тела – беспомощный разум, растворенный в мировом эфире?

– Валента, – угрожающе произнесла бессмертная.

– Я, Валента Миленион, заявляю во всеуслышание, небу и земле... – хладнокровно начала ее единственная посвященная формулу отречения.

– Подожди! – она поспешно отпустила Катю. – Не говори дальше!

Вита взяла рыдающую кроху на руки, прижала к груди. Жива, здорова... только очень напугана. Камень упал с сердца.

– Клянись, Миленион, – потребовала Валента. – Клянись самой страшной клятвой, что никогда не убьешь ни ее, ни ее

ребенка, ни наших родителей... и вообще никого из нашей семьи! Клянись, не то отрекусь, я не шучу!

Бессмертная просверлила Виту ненавидящим взором и нехотя проговорила:

– Ладно... Клянусь Тьмой, что не убью никого вашей крови, и пусть меня постигнет вечное небытие, если я нарушу эту клятву, – она брюзгливо поворочилась к посвященной. – Ну, довольна?

Валента удовлетворенно кивнула. Миленион плюнула, постаравшись попасть Вите на ноги, рывком завернулась в накидку и дематериализовалась.

Юная ведьмочка подошла к Вите, стоящей с Катей на руках.

– Так это твоя дочь? А я всю жизнь считала, что у тебя сын. И думала, что ты химик, а не военный летчик.

Вита аккуратно поставила девочку на пол и залепила пощечину младшей сестре:

– Дура, во что ввязалась?

– Чего дерешься? – возмутилась Валя. – Я тебе жизнь спасла!

– Спасибо, дорогая. А теперь объясни, как тебя угораздило спеться с этой курвой.

Валя хмыкнула:

– Эта, как ты выражаешься, курва – моя богиня. Она дала мне силу, и она меня вполне устраивает. А что ты с ней не поделила?

– Когда тебя неоднократно пытаются уморить медленной смертью, вопрос стоит не о дележке! – огрызнулась Вита. – Раньше я думала, что у меня только один враг – Флиф Пожиратель Душ. Но теперь я переменила мнение. Флиф – тьфу. Мертвый Абсолют, мульташная страшилка. Мой смертельный враг номер один – эта проклятая бессмертная, и я до нее еще доберусь!

– Эй, осади назад, – забеспокоилась Валя. – Как же я без богини-то? Отстань от нее, она же обещала, что не будет тебя убивать.

– Посмотри на меня! – резко сказала Вита. – Все это – дело рук твоей любимой Миленион! Ты еще молодая и глупая, тебе даже в голову не пришло, что убийство – не единственный способ свести счеты. Ей вполне хватит для счастья держать меня взаперти и терзать понемножку, пока я не умру от старости. И все из-за того, что два ее посвященных непредусмотрительно расстались с жизнью при попытке меня укокошить!

Валя тревожно взглянула на старшую сестру:

– Ты убила двух ее посвященных?

– Ну, положим, убила я одного, второй сам загнулся от ветхости, – Вита заметила перемену в настроении Вали. – Не переживай, сеструха, тебя я не трону даже ради удовольствия развоплотить Миленион... Разве что отшлепаю, если вяпаешься еще в какую-нибудь пакость. А теперь перенеси-ка нас в Хешшираман... нет, лучше в Деадарг-3, там без-

опаснее.

Валя заколебалась.

– Раз ты так насолила Миленион, то она рассердится, если я буду тебе помогать.

– Не морочь башку! Ты хорошо умеешь посылать ее, как-нибудь разберешься с гневом ее величества. Давай, выручай сестру и племянника.

– Так это заколдованный мальчик? – Валя воззрилась на Катю.

Вита воздела к небу свой единственный глаз:

– Это девчонка, бестолочь. А мой сын все еще в чужих руках. Поторопись же!

12. У Энтелены

Они вытащили из постели сонную Энтелену. Та с трудом оторвалась от расшитой подушки, села на кровати, подержалась за виски, мучительно медленно набросила розовый атласный халат поверх розовой же шелковой ночной рубашки, опрокинула в себя рюмку ядовито-зеленого непрозрачного эликсира и лишь после этого стала похожа на самоуверенную энергичную хозяйку Деадарга-3.

– Деадарган! Виталия, что случилось? С кем ты дралась? – она моментально наполнила еще одну рюмку и протянула Вите.

– С Миленион, будь она неладна, – проворчала Вита, пробуя эликсир. – Ну и гадость, Лена! Ты уверена, что я должна это выпить?

– Пей, будешь как новенькая. Ты в самом деле схлестнулась с богиней?

– Кажется, в последнее время я только и делаю, что цапаюсь то с богами, то с их посвященными, – пожалала плечами Вита. – Похоже, это стало моим основным занятием в свободное время.

Скривившись, она залпом выпила содержимое рюмки. Несмотря на противный вкус, зелье оказалось превосходным: боль, грызущая ее, притупилась, и Вита почувствовала себя бодрой, словно открылось второе дыхание.

– Надеюсь, с Деадарганом ты еще не поцапалась? – как-то серьезно улыбнулась Энтелена и перевела взгляд на спутницу Виты. – Послушай, да это же Валента Миленион! Она твоя пленница?

Валя некультурно фыркнула.

– Она моя непутевая младшая сестра, – вздохнула Вита. – Я не удивлюсь, если Миленион специально выбрала ее себе в посвященные, чтобы мне досадить.

– Вот как... О, какое прелестное дитя! – Энтелена заулыбалась, увидев Катю, осмелившуюся высунуться у Виты из-за спины. На этот раз улыбка была искренней. – Это и есть твой сынок? Деадарган, что я несу: это же девочка!

Она ласково погладила девочку по светлой головке, и та, поняв, что здесь ее не собираются обижать, доверчиво ткнулась в ладонь колдуньи и расплакалась с облегчением.

– Это посвященная моего сына, – ответила Вита, глядя на Энтелену, с умилением утирающую сопливый носик полрой своего роскошного халата. – Я оставлю ее тебе, Лена. Ты потеряла ребенка, она потеряла мать – думаю, вы поладите. А мне опять надо спешить.

Энтелена усадила Катю себе на колени и крепко обняла.

– Спасибо, – она подняла странно блеснувшие глаза. – Я ее сберегу любой ценой, можешь быть спокойна.

– Ну, прощай, – сказала Вита, поворачиваясь к сестре, чтобы дать ей дальнейшие указания по телепортации.

– Постой! Ты не хочешь переодеться, привести себя в по-

рядок? – предложила хозяйка. – Извини, но ты похожа на сбитого аса, не один день продиравшегося сквозь джунгли по вражеской территории.

Вита подошла к большому зеркалу. Да, вид у нее был колоритный: потрепанная летняя куртка с майорскими погонами, из-под нее торчат перепачканные щербом форменные брюки, несколько раз подвернутые по причине невероятной длины – Андрей Колосов отличался высоким ростом, на ногах идиотские мужские ботинки, на глазу – неопрятная повязка. Хоть сейчас в пираты записывайся, грустно усмехнулась Вита. Жаль, поздно – а ведь был в ее жизни шанс, да упустила.

– Благодарю, но, пожалуй, обойдусь, – проговорила она задумчиво. – По всей видимости, сегодня мне еще придется помахать клинком, и переодеться ради этого в красивое платье нет смысла. А спортивные костюмы в твоём гардеробе отсутствуют, ведь верно?

Переоденуть в Хешширамане, подумала она, у Файки всегда найдутся лишние джинсы и какой-нибудь свитерок. Вот только почему-то не хотелось, чтобы Хешшкор увидел ее без глаза.

Вита сняла повязку, достала из-за пазухи зеркальце Миленион. Из глубины зазеркалья тарашилась на нее угрюмая одноголазая физиономия с кровавым провалом на правой стороне лица. Она инстинктивно зажмурилась, чтобы не видеть своего жуткого отражения.

– Феноменально, – оторопело пробормотала Валя.

Вита открыла глаз и тут же поняла, что так поразило сестру. Ее лицо снова стало прежним. Хотя она продолжала видеть только левым глазом, правый выглядел как настоящий. Охваченная внезапным порывом озорства, она подошла к туалетному столику Энтелены и наложила на веки синие тени. Красота!

Вита засмеялась и продекламовала:

– Свет мой, зеркальце, скажи,

Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее,

Всех румяней и белее?

– Ты, ты, – сварливо отозвалось зеркальце голосом Миленион. – Кто ж, блин, еще?

На миг Вита, совершенно не ожидавшая ответа, застыла с разинутым ртом.

– Варежку захлопни, – посоветовало зеркало. – Еще милее будешь, в натуре.

Вита сунула говорящее зеркальце обратно за пазуху и, не выдержав, расхохоталась. Ну и подарочек сделала ей Миленион! Одни интонации чего стоят, а уж лексикон!

– Ладно, – отсмеявшись, сказала она. – Давай, Валя, гони в Хешшираман. Надо провентилировать обстановку.

13. Предупреждение

Над Хешшираманом занималось хмурое осеннее утро. Лил дождь, размывая грязь; солнце, не желая вылезать из-за низких туч, слегка подкрашивало их багровым. Валя, стоя в своих открытых туфельках по щиколотку в луже, аккуратно посреди которой они появились из ниоткуда, покрутила головой, приняухалась, узнавая:

– Да это же Битцевский парк! Совсем рядом с домом, ха!

– Твой дом теперь – Милена, – безжалостно напомнила Вита, шагая к крыльцу.

Фаирата встретила их в дверях.

– Ба, Валента Миленион! Что-то у нас становится людно. Когда вы успели познакомиться, Витка? Ее же только что приняли в Черный Круг.

– А мы с рождения знакомы, – проскрипела Валя.

– С твоего рождения, – уточнила Вита. – Первые пять лет своей жизни я прекрасно обходилась без тебя. Фая, это недо-разумение – моя младшая сестра. Знала бы я заранее, что благодаря этому чудовищу Миленион сможет обрести тело – удавила бы еще в колыбели. Но за все прошедшие годы я, к несчастью, к ней привязалась.

– Н-да, – неопределенно выразилась Фаирата. – Ну, пойдем скорее, Хешшкор совсем извелся. А кроме него, там еще кое-кто жаждет с тобой поболтать.

– Сперва переоденусь, – Вита изобразила характерный жест, отодвигающий все проблемы подальше.

Едва она, затянутая в голубые джинсы и в теплый васильковый свитер, с легкими кроссовками на ногах, появилась в дверях, как Хешшкор, привстав в кресле, впиваясь в нее умоляющим взглядом.

– Катя у Энтелены, – поспешила она его успокоить. – А что у вас новенького?

Хешшкор мотнул головой в сторону стула. Вита наконец заметила, что на нем сидит Бэла – точнее, она была водружена на этот стул, связанная по рукам и ногам, и накрепко прикручена к спинке. Во рту ее торчала скомканная салфетка, благодаря чему Бэла не могла издать ни звука и лишь суматошно вращала глазами. Белый костюмчик был изрядно помят.

– Она опять за свое? – с тоской спросила Вита.

– Кто ее знает, – Фаирата подошла к ней, подергала за веревки, проверяя прочность пут. – Заявилась сюда, когда я спала. Клянется-божится, что хотела тебя о чем-то предупредить, но мы решили не рисковать.

Вита приблизилась к Бэле и вытащила кляп изо рта.

– Они мне не верят! – тотчас закричала она. – Клянусь, я говорю правду! Я пришла предупредить, у меня и в мыслях не было причинять вам вред, хотя Айанур приказала мне...

– Чего хотела от тебя Айанур?

– Она велела мне... велела найти тебя и сказать, что твой

сын у меня, в Айфарете. Он действительно там.

– Помнится, его там не было.

– Раньше не было, а теперь она перенесла его туда! Но это ловушка. Она хочет, чтобы ты рванула в Айфарет очертя голову. Она будет поджидать тебя. Витка, она тебя убьет, – всхлипнула Бэла. – Я больше не могу, не хочу! Раньше я думала, что смогу перешагнуть через все, если таково желание Айанур, но... Если тебе дорога жизнь, не ходи туда!

– Я должна, – мягко сказала Вита, разрезая веревки, стягивающие колдунью. – Я пойду туда и спасу своего сына, но не очертя голову, а хорошо подготовившись. Пожиратель Душ здесь? – повернулась она к Фаирате.

– Да, – та поежилась. – Мы чуть умом не тронулись, когда его сбросили на парашютах почти что нам на головы. Хорошо, что он был еще застывшим!

– Отлично, берем его с собой. Хешшкор, – Вита обратилась к бессмертному, – пойдём вместе.

– Рад бы, да не могу, – он с болью в голосе развел руками. – Ты помнишь о телеграмме?

– Выбрось ее на помойку, – махнула рукой Вита. – Айанур блефовала, до Кати она так и не добралась.

– Я узнала, кто перехватил девчонку, – снова подала голос Бэла. – Это Миленион! – она украдкой покосилась на Валенту, но та и в ус не подула, и Бэла продолжила. – Она сегодня заявила к нам в Айфарет, и они с Айанур разговаривали. Миленион почему-то думала, что у тебя дочь, а не сын, но

Айанур ей объяснила, что к чему. Тогда Миленион начала рвать на себе волосы и кричать: «Я же спокойно могла убить эту соплячку!» Не знаю, что она имела в виду...

– Зато я знаю, – перебила Вита. – О чем они еще говорили?

– Айанур сказала Миленион, что твой сын у нее и что ты, вероятно, скоро за ним заявишься. И если Миленион желает, Айанур готова уступить ей право убить тебя любым понравившимся ей способом. Это я цитирую, – на всякий случай пояснила Бэла, чувствуя, что формулировки не слишком по вкусу присутствующим. – Но Миленион отказалась. Странно, она жаждет твоей смерти, но почему-то предпочитает, чтобы об этом позаботился кто-нибудь другой. Она хотела быть уверена, что Айанур тебя убьет, пыталась взять с нее обещание, но та подняла ее на смех. Я, говорит, имею еще больше оснований желать гибели Виталии, чем ты; я бы хотела покончить и с ее сыном и вытравить всякую память о ней, но он, увы, бессмертен, а его посвященная ускользнула...

Интересно, какие это основания у Айанур для ненависти ко мне, подумала Вита. Я с ней незнакома и даже посвященных ее не трогала. Насколько мне известно, у нее всего одна посвященная – Бэла, и до сих пор мы всегда ладили. С чего Айанур на меня взъелась?

Пол под ногами дрогнул, с потолка посыпались куски штукатурки. Вита встрепенулась, ища источник опасности.

Хешшкор сжал побелевшие кулаки, не давая гневу выплеснуться разрушительной волной.

– Ну, стерва, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – Ну, тварь! Вытравить память, а? Ну, Айанур, сегодня твой последний день!

Бэла прикрыла рот ладонью, пугливо поглядывая на Хешшкора. Тот решительно вскочил с кресла, отбросив его к стене, провел руками вдоль своего тела, проверяя арсенал и броню. Глаза его горели нехорошим огнем.

Вита поняла, что он в боевой готовности, и встала рядом с ним.

– Бэла, спасибо за предупреждение. Не взыщи, но тебе придется посидеть тут. Фая, останься с ней.

– В Айфарет? – почти утвердительно произнес Хешшкор.

– В Айфарет, – кивнула Вита. – И Флифа берем.

Они обнялись и исчезли в сверкающем облаке, словно пара легендарных кудесников-воителей – мать и отец, готовые перевернуть всю Вселенную вверх дном ради своего ребенка.

– А я-то? – растерянно спросила у пространства Валента.

– Ты торчи здесь и стереги Бэлу, – моментально сориентировалась Фаирата. – А у меня есть дела поважнее. Например, помочь этой милой паре, – и она тоже растаяла.

– Вот это да! – воскликнула Валента с претензией к мироустройству. – Все, значит, поперлись на дело, а мы должны скучать в чужом замке? Бэла, тебе ведь все равно, где я буду

тебя стеречь – тут или в Айфарете?

– Сказать по правде, мне не все равно, – Бэла улыбнулась уголками губ. – Я бы предпочла находиться в Айфарете.

Хешшираман опустел.

14. Разборки в Айфарете

Хешшкор и Вита возникли из пустоты прямо на ступенях Айфаретской цитадели.

– Барьера нет, – отметила Вита. – Что ж, если это ловушка, так и должно быть.

– Ищи Хешшвитала, – сказал бессмертный. – С Айанур я сам разберусь.

Воздух вокруг него начал электризоваться; Вита невольно отодвинулась. Хешшкор шагнул вперед и воззвал громовым голосом:

– Айанур!

Сейчас он был как никогда похож на грозного бога. Но Вите было не до любования. Она юркнула внутрь мимо него и побежала по одному из коридоров.

– Хешшкор? – послышался мелодичный грудной голос, в нем сквозило замешательство. Айанур явно не ожидала появления Хешшкора. Она была готова к расправе со смертной, но не к разборкам с ровней себе. – Что ты тут делаешь?

Вместо ответа позади сверкнула вспышка, запахло озоном. Раздался вопль – Вита так и не поняла, кто из них кричал, голос потонул в грохоте, каменные плиты под ногами заходили ходуном. Молнии ударяли снова и снова, стены крошились. Вита забеспокоилась: как бы Виталика не завалило камнями. Пусть никакой обвал не может угрожать его жиз-

ни, но боль бессмертные чувствуют в полной мере.

– Витка! – Фаирата возникла буквально за спиной. – Чем тебе помочь?

– Ищи Виталика, – Вита махнула в сторону ближайшего ответвления, даже не отругав колдунью за то, что бросила свой пост. Успеется.

Фаирата понятливо кивнула и скрылась в полумраке коридора. А чуть впереди Виты замаячили два призрачных силуэта. Когда Вита подбежала к ним, сияние погасло, и стало видно, что это Бэла и Валента.

– Что, уже дерутся? – деловито осведомилась Валента, обозревая трясущиеся стены.

– Без тебя начали, представляешь? – съязвила Вита. – Так, Валька – дуй за Фаей, прикрывай ей спину, и без взбрыков, ясно? Бэла! Раз уж явилась, быстро показывай все тайники: где в твоём замке можно спрятать ребенка?

– Айанур меня в порошок сотрет, – обреченно вздохнула Бэла. – Пошли, поищем в подвалах.

Они обшарили весь замок вдоль и поперек, сверху донизу – ничего. Только пыль, осыпающаяся штукатурка, змеящиеся трещины в перекрытиях, непрерывный грохот и сильная озоновая вонь, сквозь которую уже пробивался запах дыма.

– Что они делают с моим замком? – причитала Бэла. – Если с Айанур что-нибудь случится, пускай Хешшкор здесь все ремонтирует!

– А что с ней может случиться? Сильно повредит свое дра-

гоценное тело? Ничего, подождешь, пока новое состряпает.

– Знаешь, – Бэла взглянула на Виту в упор, – возможно, я чего-то недопонимаю, но, по-моему, она считает, что тебе под силу ее убить. Насовсем.

– Было бы очень приятно, – уронила Вита. – Но если твоя очаровательная госпожа отдаст концы, ремонт тебе не понадобится. Замки только для магов, подруга.

Бэла закусила губу.

Айанур с Хешшкором стояли друг напротив дружки прямо в холле у входа. Оба были обожжены и изранены – живого места не найти, они едва держались на ногах, руки дрожали, слетающие с пальцев молнии все больше бледнели, но никто не желал сдаться.

– Ты, куда ты дела моего ребенка? – заорала Вита.

В глазах Айанур, красивой рослой женщины с роскошными золотистыми волосами, зажглось злорадство, абсолютно не вяжущееся с ее обликом.

– Вот ты и клюнула на сыр, глупая мышка, – усмехнулась она обожженным ртом, – и угодила в мышеловку!

Она простерла руки к Вите, и с них сорвались электрические разряды. Вита рванула из-под ног резиновый коврик, заслонила им; резина задымилась. Айанур ударила снова.

Она рассчитывала покончить с возомнившей о себе смертной с одного раза и вернуться к поединку с Хешшкором. Но противница оказалась на удивление ловка.

– Бэла, что ты стоишь? – крикнула она. – Оглуши ее!

Бэла подняла на нее бледное от отчаяния лицо.

– Не стану, – прошептала она твердо, несмотря на явный страх. – Она моя подруга.

Гнев вскипел в Айанур, затмевая рассудок кровавой пеленой. В этот момент она забыла обо всем, кроме двух дерзких смертных, выскочки Виталии и предательницы Бэлы, забыла даже о контроле над защитой. Хешшкор не преминул воспользоваться этим. Волна жара накатила на златовласую богиню со спины, она захлебнулась горячим воздухом, но, даже падая, успела выстрелить молниями еще несколько раз.

Вита мигом подлетела к корчащемуся на полу обгоревшему телу. Человек с такими поражениями умер бы немедленно, но Айанур была бессмертной. Судя по всему, она испытывала чудовищную боль, и тем не менее подняла руку, у ногтей которой уже опять формировались голубые зародыши молний.

– Не советую меня убивать, Айанур! – рявкнула Вита. – За мной идет Флиф, а перстень Тюремщика ты не снимешь с убитой так, чтобы он не потерял свои свойства на тринадцать лет.

Айанур вдруг мстительно захохотала:

– Флиф? Вот так сюрприз! Мне не следовало огорчаться, что я не могу уничтожить твоего сына – Пожиратель Душ сделает это за меня! До него он доберется в первую очередь!

– Я, кажется, знаю, что она имеет в виду, – Бэла осторожно тронула Виту за плечо. – Маленькую будку во дворе. Ес-

ли так, твои дела плохи. Там зачарованный замок, который не открыть никому, кроме наложившего чары. Но Тому, Кто Глодает Души, и не потребуется отпирать дверь...

– Никому не открыть! – презрительно фыркнула Вита, отдавая Айанур ледяным взглядом, и, выпростав из-под свитера крохотный золотой ключик, кинула его Бэле. – Ткни замок мизинцем, и откроется как миленький.

Бэла подхватила ключик и метнулась через холл к дверям. Айанур проводила неверную посвященную убийственным взглядом исподлобья. Смех ее перешел в сухой кашель.

– Гаси свои молнии, Айанур, – Вита посмотрела на нее сверху вниз, поигрывая мечом, – не то я отрублю тебе пальцы!

Бессмертная охнула.

– Тебе очень больно, правда? Думаю, ты этого вполне заслуживаешь, но я могла бы немного облегчить твои муки, – Вита достала из заднего кармана джинсов небольшую плоскую бутылочку с эликсиром Энтелены. – Объясни, зачем ты это сделала? Я тебя вижу впервые, чем я могла тебе навредить?

– Ты... – выплонула Айанур кривящимся от боли ртом. – Ты мне всю жизнь поломала! Ты увела моего мужчину, заставила его забыть сотни счастливых лет и смотреть на меня как на печальную ошибку молодости... Он исчез прямо с моего ложа, не попрощавшись, и не вернулся! Чем ты его приворожила, худосочная одноглазая немочь? Лучше бы ты

не рождалась на свет!

Вита не сразу поняла, о чем говорит Айанур, потом перевела взгляд на Хешшкора, и в голове будто щелкнул переключатель. Мать родная! Эта могущественная богиня исходила ядовитой слюной от ревности, как последняя идиотка! Все это было так нелепо, что Вита, бросив ей фляжку с эликсиром, против воли расхохоталась, держась за живот и истерически подвывая.

– Не вижу ничего смешного, – прошипела Айанур, спровоцировав новый приступ неудержимого хохота.

– Ты, конечно, красива, – выговорила Вита сквозь смех, – но глупа, как курица. Зачем тебе понадобилось меня убивать? Я и так очень скоро умру, и ты снова сумеешь занять место в сердце любимого. У тебя-то в запасе вечность!

– Вот уж это вряд ли, – сумрачно проговорил Хешшкор, сплюнув сгусток крови и подойдя ближе. – После того, что она натворила, я с ней рядом и загорать не лягу, не говоря обо всем остальном. Она держит моего ребенка в железной конуре и мечтает его уничтожить, подумать только! И ты всерьез надеешься, что я прощу тебе такое? Да никогда в жизни, даже через миллион лет! Я бы сам тебя убил, если б мог. Детка, – он повернулся к Вите, – только ты сможешь это сделать.

– Нет! – лицо Айанур исказилось в испуге.

– Убей ее, милая, – глухо повторил Хешшкор. – У меня, к сожалению, не получится.

– А у меня получится? – Вита припомнила невразумительное сообщение Бэлы. – Как это? Она же бессмертна.

– Не говори ей! – взмолилась Айанур. – Не говори, пожалуйста! Ради нашей бывшей любви...

– Это была не любовь, – жестоко отрезал Хешшкор. – Видишь ли, детка, убить кого-то из нас в самом деле почти невозможно. Почти, – подчеркнул он.

– Замолчи! – завизжала Айанур.

Молнии, тлеющие на кончиках ее пальцев, еще не погасли. Обезумев от ужаса, она выпустила их в грудь расслабившемуся Хешшкору. Он стоял совсем рядом, промахнуться было невозможно.

– Сволочь! – Вита с силой пнула лежащую ногой, отчего та застонала, и бросилась к Хешшкору.

Ее опередила Фаирата, вынырнувшая из коридора и мгновенно оценившая ситуацию. Она подхватила падающее тело и осторожно опустила его на пол. Хешшкор успел прикрыть руками левую сторону груди, и обугленные кисти цеплялись за обрывки одежды.

– Хешшкор Всемогущий! – судорожно всхлипнула колдунья, поддерживая его голову.

Сгоревшие ладони защитили сердце, и тело еще жило, но при дыхании на губах выступала розовая пена. Вита грубо вырвала у Айанур бутылочку, влила несколько глотков эликсира Хешшкору в рот.

– Проклятье, – прохрипел он, давясь питьем и кровью. –

Мои руки... Я не смогу исцелить себя...

– Скажи, что мне делать, – Вита решительно взялась за меч. – Я убью гадину, если только это и впрямь в моих силах!

Айанур зарыдала.

– Лишь тот, кто дал бессмертному жизнь, может отнять ее у другого бессмертного, – с трудом выговорил Хешшкор. – Ему необходимо для этого оружие, освященное бессмертным. На твоём мече, – голос его становился все тише и тише, – лежит печать одного из богов Света...

Меч предков, подаренный ей китайским пиратом Дэном Ши! Оружие, выкованное на заре истории в тибетских горах!

Вита шагнула к съезжившейся Айанур, замахиваясь сверкающим клинком.

– Мама!

В дверях появилась Бэла, держащая за руку живого и невредимого Виталика. Он подбежал к Вите. Она отпустила меч и радостно подхватила его, закружив.

– Сыночек! С тобой все хорошо?

– Все в порядке, мамочка, – Виталик зарылся лицом в теплый уютный мамин свитер. – Эта тетка с желтыми волосами говорила мне какие-то глупости. Будто она, а не ты, моя настоящая мама. Но я люблю только тебя! А она на меня рассердилась и сказала, что я никогда тебя не увижу. Я так и знал, что она врет! Ой, мамочка, а что у тебя с глазиком?

Неужели чертово зеркало не работает, забеспокоилась Вита. Вот и Айанур назвала ее одноглазой! Не иначе, прокля-

тая Миленион подсунула брак!

– Бэла, – позвала Вита колдунью, тихо плачущую рядом с Айанур. – С моим лицом что-то не так?

Она смахнула слезы и недоуменно воззрилась на Виту:

– Да нет, все на месте...

– Бессмертных не обмануть таким примитивным колдовством, – Хешшкор вымученно улыбнулся половинкой рта. – Я старался не подавать виду...

– Ой, папа! – Виталик соскочил с рук матери. – Папочка! Тетя Фая, что с ним?

Фаирата не могла говорить – в горле стоял комок. Хешшкор был в гораздо худшем состоянии, чем Айанур, над которой проливали слезы Бэла.

Виталик встал на коленки, незамедлительно выпачкавшись в луже запекшейся крови, накрыл своими маленькими ладошками страшные облезлые костяки, оставшиеся от рук Хешшкора. И тут произошло чудо. Под детскими ручонками вдруг возникла живая упругая кожа, под которой заиграли жилы.

– Спасибо, сынок, – шепнул Хешшкор. – Не трать больше силу, у тебя ее пока немного.

Он аккуратно отстранил Виталика и провел возрожденными руками вдоль своих ран. Они начали постепенно затягиваться – довольно медленно, слишком уж он был измотан. Дыры в одежде тоже принялись зарастать будто сами собой.

– Хешшвитал, – Айанур моляще протянула к мальчику

свои вспухшие ладони. – Помоги и мне.

Виталик отвернулся:

– Ты плохая.

– Вряд ли тебе потребуется лечение, Айанур, – Вита вспомнила о своем намерении убить ее.

Теперь, когда Виталик был в безопасности, и Хешшкор цел и невредим, она не чувствовала прежней ярости. Но дело должно быть доделано. С этой мыслью она подняла меч.

– Не надо, – пискнула Айанур, зажмурившись и пытаюсь заслониться руками. – Нет!.. Я не хочу умирать, я не могу умереть вот так, навсегда... Зачем он сказал? – она заплакала тихонько и беззащитно, как скулящий щенок. Сейчас в ней не осталось ничего от гордой величественной богини.

Вита попыталась представить, каково смотреть в глаза смерти тому, кто привык считать, что такое никогда с ним не произойдет. Вместо вечности впереди – миг ослепительной боли, а затем тьма и небытие; и ничего не успето за века, прожитые неторопливо и в полной уверенности, что за сегодня всегда последует завтра... Для людей смерть – неизбежный финал, конец пути, а для бессмертных – наверное, катастрофа, крушение мира.

– Боишься? – спросила она.

Айанур приоткрыла глаза, переполненные запредельным ужасом.

– Я стану... частицей Тьмы, – голос ее срывался. – Черной точкой, ничего не ощущающей, не осознающей, – губы

едва шевелились, немея от страха, и слова были еле слышны. – Кляксой пустоты, из которой мы рождены и в которой живем, даже не замечая ее... Возможно, когда-нибудь из нее родится другая душа... но это буду не я! Моя память, мысли, чувства – все исчезнет, растворится в безразличной Тьме... А, может быть, сотрется и сама память обо мне, о том, что я была когда-то?.. Пожалуйста, – она попыталась подползти, глаза ее были мокры, – оставь мне жизнь!

– Не слушай ее, – встрял Хешшкор. – Убей!

– Я никогда больше не встану у тебя на дороге, – пролепетала Айанур. – Я не буду пытаться вернуть Хешшкора, ничего не предприму против твоего сына... Требуй, чего хочешь, я все тебе дам...

Рука Виты задрожала. Ей не нравилось, что богиня так унижается. Было в этом нечто неправильное, противоестественное.

– Ты слишком сильно боишься, – сказала Вита. – Страх смерти сводит тебя с ума, заставляет совершать дурацкие поступки. Ты ведь хотела прикончить меня не только из мести. Ты боялась, что однажды я приду к тебе, чтобы разделаться с бывшей подружкой своего парня. И ты думала, что если тебе удастся уничтожить моего ребенка, я перестану быть женщиной, давшей жизнь бессмертному, и не смогу тебя убить. Вот только нет у меня кретинской привычки убивать чьих бы то ни было любовниц – ни бывших, ни, если на то пошло, настоящих. Ты могла бы подумать об этом, если бы страх не

затмил тебе разум.

– Могу я поговорить с тобой, Вита? – Бэла деликатно тронула ее за рукав. Лицо ее было белее савана, еще бледнее, чем у Айанур. – Тебе не обязательно убивать ее этим мечом. Если желаешь, я... я отрекусь от нее, и она развоплотится.

Было заметно, что подобное предложение трудно далось Бэле. Вита посмотрела ей в глаза и покачала головой.

– Ничего не выйдет, Бэла. Отрекайся, не отрекайся – вы с Айанур связаны не только формальной клятвой, и слова мало что изменяют. Я, в отличие от тебя, аховый психолог, но и я вижу, что ваша связь – на эмоциональном уровне, на уровне сердца. Иначе бы ты отреклась давно – еще когда она приказала тебе похитить Катю.

– Ну... – Бэла потупилась. – Тогда перережь мне горло, и дело с концом. Полвека раньше, полвека позже, мне-то все равно умирать... А у нее появится возможность когда-нибудь в будущем найти себе нового посвященного.

Вита с лязгом швырнула клинок обратно в ножны:

– Ну тебя к чертям, Бэла! Что ты такое говоришь? Забирай свою описавшуюся от ужаса богиню, и постарайтесь обе не попадаться мне на глаза как можно дольше!

– Не совершай ошибку, детка, – предупредил Хешшкор. – Убей ее! Кто убьет бессмертного, сам может стать бессмертным, это твой шанс!

– Да на кой оно мне, ваше хваленое бессмертие? – устало отмахнулась Вита, направляясь к выходу. – У меня и так есть

все, что нужно для счастья.

15. Проблемы и не являющиеся таковыми

Пасмурный день за мозаичными окнами Хешширамана перешел в сумерки незаметно – лишь тучи, застлавшие небо, еще больше потемнели, словно налились свинцом. В окна стучал надоедливый, занудный ноябрьский дождь.

Но все это было там, снаружи. А в обеденной зале горел камин, на столе источали восхитительные запахи ароматические свечи. У порога, словно охраняя покой и уют, царящий внутри, свернулся черно-золотыми кольцами гигантский мудрый змей Аррхх. В низком кресле полулежала распаренная Вита в велюровом халате с узорами и с чалмой из полотенца на голове. Змей чуть виновато косил на нее пурпурным глазом: ему было неловко, что отлучка на этот раз не позволила ему помочь ей, прикрыть спину, оградить от страданий.

Фаирата томно развалилась на стуле напротив, закинув ногу на ногу. Обтягивающее черное трико на изящной фигурке делало ее похожей на девочку-подростка, но присутствующие догадывались, что подобную манеру одеваться она почерпнула не из молодежных журналов мод, а у личного авторитета. Не зря на Валенте Миленион, стоявшей с чашкой кофе у окна, было фиолетовое платье, хотя раньше этому цвету она не отдавала предпочтения.

– Мой племянник – бессмертный, – отрешенно проговорила она уже в пятый раз, устремив невидящий взор в законную даль. – Уссаться можно!

– Грубая ты, Валента, – лениво промолвила Фаирата. – Такая молодая и такая грубая.

– А у меня с детства был перед глазами пример для подражания, – усмехнулась она, поворачиваясь к Вите; соломенная коса при резком движении упала на грудь. – Как начнет ругаться, так все цветы в доме вяли от смущения.

– Поливать надо было лучше, – блаженно потянулась Вита и, отпив кофе, зевнула: – Хорошо-то как... Все хорошо, что хорошо кончается. Виталик с папашей, который теперь от него и на шаг не отойдет в ближайшую сотню лет. Катя у Энтелены, которая не даст ее в обиду и сделает из нее к тринадцати годам достойную кандидатку в Черный Круг. Бэла отпаивает валерьянкой свою драгоценную Айанур, неспособную себя вылечить, и бинтует ее раны...

– Как бы светлая Айанур, оклемавшись, не прокляла Бэлу за то, что послушалась ее и стала нам помогать, – заволновалась Фаирата.

– Я бы на твоём месте за нее не переживала, – Валента отбросила косу на место, за спину. – Айанур должна носить ее на руках и пылинки сдувать! Бэла ведь готова была пожертвовать собой ради спасения ее бесценной жизни. А вот кому светит парочка-другая проклятий, так это мне, – помрачнела она. – Миленион мне все волосы вырвет и развеет по ветру.

И буду я лысая...

Вита прыснула:

– Лучше быть лысой, чем одноглазой.

Валента неодобрительно взглянула на нее:

– Тебе еще смешно! – она поставила чашку на подоконник и потянулась за губной помадой, столь же фиолетовой, как ее одеяние. – Пойду я, пожалуй, восвоюсь... Есть в этом доме зеркало?

Вита протянула сестре зеркальце с резной деревянной ручкой. Та всмотрелась, поправила челку, поднесла помаду к губам.

– Смотри не подавись, – ехидно предупредило зеркало голосом Миленион.

Валента испуганно ойкнула и испарилась. Зеркальце плюхнулось на ковер, полежало и изрекло с обидой и укоризной:

– Не бережете вы меня, – и добавило: – В натуре.

– Ах, извини, – Вита подняла его и сунула в карман халата.

– Кстати, – заметила Фаирата, вглядываясь в темноту за окном, – у тебя есть проблемы поважнее, чем выяснение отношений с этой стекляшкой. До ближайшего полнолуния больше двух недель. И что, все это время Пожиратель Душ будет шляться по окрестностям Хешширамана?

Вите вдруг перестало казаться, что все хорошо. Благодушное настроение покинуло ее. Она отставила кофе, мигом утративший вкус, и застонала в голос. Неужели эти две неде-

ли, на которые столько запланировано, ей придется провести, дежуря у Бетреморогской башни с кольцом Тюремщика Флифа?

А чего расстраиваться, внезапно подумалось ей. Ну подежурю, ну и черт с ним. Разве это проблема? Бывали мы в переделках и похуже.

1996–1998